АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ФИЛОСОФСКИЕ ЗАПИСКИ

III

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОСОФСКИЕ ЗАПИСКИ

Том III

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1950 ЛЕНИНГРАД

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

И. В. КУЗНЕЦОВА, М. З. СЕЛЕКТОРА,
В. А. ФОМИНОЙ

От редакции

Статьи, вошедшие в «Философские записки» т. III, представляют собой переработанные главы из кандидатских диссертаций, защищенных аспирантами и научными сотрудниками Института философии Академии Наук СССР.

Н. Л. КАПИТОНОВ

МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ ОБ ОТЕЧЕСТВЕ И ПАТРИОТИЗМЕ

Вопрос об отечестве и патриотизме принадлежит к числу важнейших вопросов теории и практики международного рабочего движения.

Великая Октябрьская социалистическая революция по-новому поставила вопрос об отношении рабочего класса, трудящихся к отечеству. Она означает, что возникло советское социалистическое государство, являющееся подлинным отечеством не только для рабочих и крестьян нашей страны, но и для трудящихся всего мира. Пример народов СССР, освободивших Родину от помещиков и капиталистов и построивших в своей стране социалистическое общество, служит вдохновляющим образцом для трудящихся всех стран.

С особенной остротой встал вопрос об отечестве и патриотизме в годы второй мировой войны. Гитлеровцы стремились превратить весь мир в колонию немецкого империализма. Угроза порабощения, нависшая над народами, вызвала с их стороны могучее патриотическое движение в защиту независимости родины.

На примере героического советского народа, преградившего путь фашистским захватчикам и своей самоотверженной борьбой спасшего мировую цивилизацию от гитлеровских погромщиков, народы других стран учились и учатся тому, как надо бороться за свою национальную честь и свободу.

Разгром фашистской Германии и империалистической Японии привел к дальнейшему ослаблению фронта международной реакции. От системы империализма отпал ряд новых звеньев. Трудящиеся стран Центральной и Юго-Восточной Европы взяли судьбы своих стран в собственные руки и строят новую жизнь, идут к социализму.

Углубление общего кризиса капитализма после второй мировой войны получило свое выражение в кризисе колониальной системы. Ширится и крепнет национально-освободительное движение в колониях и зависимых странах, народы которых борются за свержение ига империализма, за создание своих суверенных государств. Всемирно-историческая победа китайского народа, создание Китайской народной республики, установление в Китае диктатуры народной демократии открыло новую страницу в национально-освободительной борьбе всех народов, находящихся под гнетом империализма.

В странах народной демократии родился и крепнет патриотизм нового типа. «...В результате захвата пролетариатом политической власти и провозглашения Румынской народной республики,— пишет генеральный секретарь ЦК Румынской рабочей партии Георгиу-Деж,— любовь трудящихся к родине приобрела глубокий смысл и богатое содержание... Пролетарский патриотизм в нашей стране становится источником великих дел, движущей силой общественного развития!» [1].

---

[1] Г. Георгиу-Деж. Румынская народная республика на подъеме, «Большевик», 1949, № 15, стр. 50—51.

Умирающая империалистическая буржуазия бешено сопротивляется росту сил демократии и социализма, пускает в ход все средства, чтобы продлить свое существование. Американо-английские империалисты, идущие по стопам немецких фашистов, вынашивают преступные планы развязывания новой мировой войны в целях установления своего господства над миром. Проповедью космополитизма они хотят растлить национальное самосознание народов, идейно разоружить их перед лицом американской империалистической агрессии.

Патриотизм, отношение к свободе и независимости своей страны становятся ныне одним из водоразделов между лагерем демократии и социализма и лагерем империализма и реакции. Подлинным патриотом является тот, кто примыкает к лагерю мира, демократии и социализма, кто активно борется против империализма, против поджигателей новой войны.

* * *

Только марксизм-ленинизм — идеология рабочего класса и его партии, идеология пролетарского интернационализма — указывает народам путь к избавлению от капиталистического рабства, только в свете этого учения можно правильно, научно понять и разрешить вопрос об отечестве и патриотизме. Марксизм-ленинизм непримиримо относится к буржуазному национализму и шовинизму и борется с ним. «Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм,— писал Ленин,— вот два непримиримо-враждебные лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие *две* политики (более того: два миросозерцания) в национальном вопросе» [1].

Измена пролетарскому интернационализму неминуемо ведет в лагерь империалистической реакции. Примером этого является титовская банда убийц и шпионов, завершившая переход от национализма к фашизму, являющаяся агентурой американо-английского империализма в борьбе против демократии и социализма. Клика Тито, превратившая Югославию в колонию американских империалистов,— это злейший враг народов Югославии, международного рабочего движения и Советского Союза.

Марксизму-ленинизму решительно чужд и враждебен также национальный нигилизм, космополитизм.

Космополитизм означает отрицание национальных традиций и интересов, поход против национальной независимости и государственного суверенитета народов. Космополитизм проповедует равнодушие к судьбам своей страны, своего народа, своей нации и призывает человека считать себя «гражданином мира».

Космополитизм является идеологией буржуазии. Для буржуазии интересы частной собственности, прибыли, наживы дороже каких бы то ни было других интересов, дороже родины, отечества. «Буржуазия...,— указывает В. И. Ленин,— больше всего выдвигает принцип: „Где хорошо, там отечество...“» [2]

Космополитизм является оборотной стороной национализма. В основе космополитизма лежит национализм, считающий свою нацию лучшей в мире и требующий на этом основании подчинения всех других наций «образцовой» нации. Маркс и Энгельс, разоблачая немецких так называемых «истинных социалистов», считавших немцев такой сверх-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 10.
[2] Там же, т. XXIV, стр. 160.

«нацией», писали, что «узко-национальное мировоззрение лежит в основе мнимого универсализма и космополитизма немцев» [1].

Космополитизм, как и открытый национализм, вырастает на почве капиталистических отношений. Если местный отечественный рынок — это первая школа, где буржуазия учится национализму, ибо в основе национального движения буржуазии угнетенных наций лежит ее стремление обеспечить себе свой «родной» рынок, то борьбу за всемирный рынок она проводит под флагом космополитизма, который ей нужен для того, чтобы замаскировать, «оправдать» захват и закабаление других стран и народов.

Еще в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс отмечали, что «свободная конкуренция и мировая торговля породили лицемерный буржуазный космополитизм» [2]. В другой работе Маркс назвал лицемерные призывы буржуазии к «всеобщему братству» космополитическим видом эксплоатации [3]. Маркс указывал, что буржуазия проявляла в некоторых странах патриотизм лишь в период борьбы против феодализма, а затем «патриотизм буржуазии... выродился в чистое притворство с тех пор, как ее финансовая, торговая и промышленная деятельность приобрела космополитический характер» [4].

В эпоху империализма, когда капитал перерастает рамки национальных государств, а конкурентная борьба на международной арене становится борьбой империалистических держав за мировое господство, космополитизм служит средством прикрытия империалистической политики угнетения и эксплоатации народов.

В основе современного космополитизма лежит американский расизм, лежат своекорыстные интересы империалистической буржуазии США, которая, стремясь к господству над миром, пускает в ход это отравленное оружие. Она лицемерно призывает народы отказаться от своего национального суверенитета во имя создания якобы «мирового хозяйства», «мирового государства», «всемирного правительства». Назначение этой пропаганды состоит также в том, чтобы дискредитировать демократический принцип самоопределения наций, ослабить волю народов к сопротивлению империалистической агрессии, подорвать национально-освободительную борьбу колониальных народов против империализма.

В качестве грязных пособников американского империализма в осуществлении его разбойничьих планов выступают правые социалисты — эттли, сарагаты, спааки, шумахеры, выполняющие роль агентуры империалистической реакции в рабочем движении. Являясь прислужниками американо-английских поджигателей войны, они прикрывают свое предательство космополитической фразеологией, оплевывая национальный суверенитет народов, объявляя отечество и национальные границы устаревшими понятиями, феодальными пережитками и т. д.

Космополитизм — это идеология национальной измены. Он отрицает какие-либо обязанности человека перед своим народом. При помощи идеи космополитизма буржуазия западноевропейских стран и ее правосоциалистические лакеи, продающие интересы родины американским империалистам, стремятся оправдать свое национальное предательство. Среди морально разложившегося сброда — космополитов типа райков, костовых и др.— американская разведка вербует кадры шпионов и диверсантов.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 464.
[2] Там же, стр. 139.
[3] См. там же, т. V, стр. 460.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Архив, т. III (VIII), стр. 355.

Своим острием пропаганда космополитизма направлена против Советского Союза и стран народной демократии. СССР, являющийся последовательным поборником независимости и равноправия народов, стоит мощной преградой на пути осуществления разбойничьих замыслов американских империалистических хищников. Проповедь космополитизма служит империалистам идеологическим оружием в борьбе против политики Советского Союза, направленной на отстаивание национального суверенитета всех народов — больших и малых, на обеспечение мира во всем мире.

Космополитизм — это для американских империалистов экспортный товар. У себя «дома» они культивируют шовинизм, грязную идею превосходства американцев над всеми другими народами. Проповедь космополитизма — это ширма, за которой скрываются преступные планы завоевания мирового господства и превращения других народов в пушечное мясо для американских монополий.

Разоблачение космополитизма как отравленного оружия американского империализма — необходимая составная часть борьбы всех народов за прочный мир, против поджигателей войны.

Марксизм-ленинизм вел и ведет борьбу как против открытого национализма, шовинизма, так и против космополитизма.

Марксизм-ленинизм выражает коренные интересы рабочего класса. Марксизм-ленинизм учит, что для окончательной победы над капитализмом необходимо объединение революционных усилий рабочих всех стран, независимо от национальности. Отсюда вытекает интернациональный характер борьбы рабочего класса, обусловливаемый как целями его борьбы, так и методами достижения этих целей.

Пролетарский интернационализм не означает, однако, того, что рабочий класс равнодушен к судьбам своей страны, своего народа. Являясь органической частью народа, рабочий класс каждой страны любит свою родину, свой народ. Он — единственный класс в своей стране, который стремится к тому, «чтобы *ее* трудящиеся массы (т. е. $^{9}/_{10}$ *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов»[1]. В этом состоит глубокий патриотизм рабочего класса.

Пролетарский интернационализм необходимо предполагает учет национального своеобразия и защиту национальных интересов народов. Ленин писал, что интернациональное не значит безнациональное и антинациональное. Товарищ Сталин указывает, что «каждая нация,— всё равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет её, обогащает её»[2].

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс провозгласили, что «рабочие не имеют отечества».

И при жизни Маркса и Энгельса и в наше время враги марксизма пытались и пытаются истолковать это положение «Коммунистического манифеста» в космополитическом духе, в том смысле, будто оно означает, что рабочий класс не признает отечества, что он стоит на позициях национального нигилизма. Подобное изображение пролетарского интернационализма представляет собой клевету на марксизм.

Основоположники марксизма никогда не отрицали значения для рабочего класса его страны, его нации. В самом «Коммунистическом ма-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 85.

[2] Речь товарища И. В. Сталина на обеде в честь Финляндской Правительственной Делегации 7 апреля 1948 г., «Большевик», 1948, № 7, стр. 2.

нифесте» Маркс и Энгельс разъясняют, что «так как пролетариат должен прежде всего завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса, конституироваться как нация, он сам пока еще национален, хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия» [1]. И в последующих своих работах Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали, что рабочему классу совсем не безразличны судьбы его страны. Маркс указывал, что «рабочий класс для того, чтобы вообще быть в состоянии бороться, должен у себя дома сорганизоваться *как класс* и что непосредственной ареной его борьбы является его же страна» [2]. Когда французская секция I Интернационала выдвинула требование «денационализации» рабочих на том основании, что национальность есть-де «устаревший предрассудок», то Маркс назвал это требование «прудонизированным штирнерианством», т. е. разновидностью анархизма.

Ленин и Сталин дали исчерпывающее разъяснение того, что означает положение марксизма: рабочие не имеют отечества.

Оно выражает, во-первых, тот факт, что по своему экономическому положению рабочий класс интернационален. Экономическое положение рабочего класса в системе капиталистического производства сходно во всех странах в том отношении, что он везде является объектом эксплоатации. Рабочий класс одной капиталистической страны столь же страдает от эксплоатации, как и рабочий класс всякой другой капиталистической страны.

Формула: рабочие не имеют отечества означает, далее, что буржуазия — это международный враг рабочего класса, что классовый угнетатель рабочего класса повсюду, во всех капиталистических странах один и тот же. Нельзя считать «свою» буржуазию «лучше» буржуазии другой страны. Точно так же и в пределах одной капиталистической страны рабочим, хотя бы и разной национальной принадлежности, противостоят капиталисты в целом, независимо от их национальности. «В акционерных обществах,— писал Ленин,— сидят вместе, вполне сливаясь друг с другом, капиталисты разных наций. На фабрике работают вместе рабочие разных наций. При всяком действительно серьезном и глубоком политическом вопросе группировка идет по классам, а не по нациям» [3].

Из того, что экономическое положение рабочего класса во всех странах одинаково, вытекает и общность политических интересов пролетариев всех стран. Освобождение от ига капитализма — это вопрос, имеющий одинаковое значение для рабочих всех наций.

Наконец, так как классовый враг пролетариата — буржуазия — противостоит ему не только в своей стране, но и во всем мире, то для полного уничтожения капиталистического рабства и окончательной победы коммунизма необходимы интернациональные действия рабочих всех стран.

В письмах Ленина к Инессе Арманд дана замечательно яркая характеристика сути выдвинутого в «Коммунистическом манифесте» положения: рабочие не имеют отечества. «„У рабочего нет отечества“ — это значит,— пишет Ленин,— что (α) экономическое положение его (le salariat) не национально, а интернационально; (β) его классовый враг интернационален; (γ) условия его освобождения тоже; (δ) интернациональное единство рабочих *важнее* национального» [4].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., в двух томах, т. I, 1948, стр. 25.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 278.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 20.
[4] «Большевик», 1949, № 1, стр. 39.

Ленин подчеркивает, что из тезиса «Коммунистического манифеста» — рабочие не имеют отечества — никоим образом не следует, что рабочему классу чужды интересы отечества. В случае национальной, справедливой войны рабочий класс не может не стать на защиту своей страны. «Маркс и Энгельс сказали в „*Коммунистическом манифесте*", что рабочие не имеют отечества. Но тот же Маркс *звал* к *национальной* войне не раз: Маркс в 1848 г., Энгельс в 1859 г. (конец его брошюры „По и Рейн", где прямо разжигается *национальное* чувство немцев, прямо зовут их к *войне* национальной)» [1].

Инесса Арманд хотела истолковать высказывание Маркса и Энгельса о том, что рабочие не имеют отечества, как отрицание необходимости защиты пролетариатом отечества в национальной, справедливой войне. Ленин решительно выступил против этого, указывая, что надо воевать, когда дело идет о свержении чуженационального гнета.

Однако и в войне за национальную независимость рабочий класс защищает не то, что защищает в ней буржуазия.

Буржуазия, как правило, защищает в такой войне свой рынок от иностранного конкурента. И если в стране складывается революционная обстановка, то буржуазия идет на прямой сговор с иностранным завоевателем, предает родину, чтобы удушить движение масс и сохранить свою собственность. Ленин назвал такое поведение буржуазии историческим законом.

Правильность этого закона со всей силой подтверждена опытом второй мировой войны. Вторая мировая война возникла как результат столкновения двух групп империалистических государств. Вместе с тем война против фашистских государств, особенно после вступления в нее Советского Союза приняла освободительный характер, явилась войной народов за их существование, за восстановление демократических свобод. Однако эксплоататорская вѐрхушка таких стран, как Франция, Польша, Бельгия и др., предала интересы национальной независимости, пошла на преступную сделку с гитлеровцами ради своих узко классовых, своекорыстных интересов. Предавали интересы своих народов и правящие круги США и Англии своей предательской, провокационной политикой затягивания войны. Стремясь к ослаблению в ходе войны ненавистного им социалистического государства, империалисты США и Англии оттягивали открытие второго фронта в Европе и фактически помогали фашистским захватчикам.

Только рабочий класс выступает последовательным поборником национальных интересов своей страны. Он до конца отстаивает свободу и независимость своего народа, его язык, его национальную — демократическую и социалистическую — культуру. Он защищает страну от чуженационального гнета, ибо всякое иноземное иго присоединяет к гнету отечественных эксплоататоров гнет иностранных эксплоататоров, а значит усложняет борьбу за освобождение от капиталистического рабства.

Итак, положение — рабочие не имеют отечества — совсем не означает того, что рабочему классу безразличны судьбы его страны, что он теряет национальное лицо. Оно выражает принцип пролетарского интернационализма, международной солидарности рабочих в борьбе против капитализма. Но интернационализм не имеет ничего общего с космополитизмом. «Если в основе интернационализма,— говорил А. А. Жданов,— положено уважение к другим народам, то нельзя быть интернационалистом, не уважая и не любя своего собственного народа» [2].

[1] «Большевик», 1949, № 1, стр. 41.
[2] Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б), 1948, стр. 140.

Подлинный смысл провозглашенной Марксом и Энгельсом формулы — рабочие не имеют отечества — состоит также в том, что она вскрыла классовый характер понятия «отечества», разоблачила лживые буржуазные фразы об «общности» интересов пролетариев и капиталистов внутри буржуазного государства.

Патриотизм — одно из наиболее глубоких социальных чувств, закрепленных в народных массах тысячелетиями существования обособленных отечеств.

В своем гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания», обогащающем и развивающем дальше марксистско-ленинскую теорию, товарищ Сталин с исключительной полнотой и ясностью раскрыл значение языка в жизни каждого народа. Язык есть средство общения людей, орудие борьбы и развития общества. Язык общенароден, он неразрывно связан с историей общества, с историей народа, который является творцом и носителем данного языка. Будучи продуктом целого ряда эпох, на протяжении которых он развивается и совершенствуется, язык становится неотъемлемой частью жизни народа. Устойчивость и колоссальная сопротивляемость языка насильственной ассимиляции служат одним из источников устойчивости нации. В любви народа к своему языку получает выражение патриотическое чувство народных масс.

Исторически сложившийся патриотизм трудящихся масс эксплоататорские классы стремятся поставить на службу своим классовым интересам. Буржуазия отождествляет понятие отечества с капиталистическим строем, выдаваемым ею за вечный и неизменный. Буржуазное государство, представляющее собой организацию насилия ничтожной кучки эксплоататоров над эксплоатируемым большинством населения, нуждается в идейном и моральном прикрытии своей классовой сущности. Одним из важнейших идеологических средств, маскирующих эксплоататорскую природу буржуазного государства, является изображение буржуазного государства как органа всей нации, отождествление буржуазного государства и устанавливаемых им политических порядков с отечеством, родиной.

Любовь народа к своей родине буржуазия пытается распространить на капиталистический строй. Свое отечество она выдает за общенародное, воплощающее будто бы «единство нации». Фальсифицированный таким образом «патриотизм» буржуазия стремится привить народным массам. Этой цели служат в капиталистических странах как все средства идеологического воздействия (школа, церковь, печать, литература и искусство), так и все средства принуждения (суд, армия и пр.).

Так, свою политику агрессии и разжигания новой войны американские империалисты нагло изображают как якобы соответствующую интересам американского народа. Они душат малейшее сочувствие делу мира и демократии как проявление «антиамериканской деятельности».

Разоблачение буржуазной лжи о единстве интересов пролетариата и буржуазии, раскрытие классового характера понятия патриотизма — великая заслуга марксизма.

Слова «Коммунистического манифеста» — рабочие не имеют отечества — говорят о том, что у рабочего класса нет и не может быть единого с буржуазией отечества. Они выражают отрицательное отношение пролетариата к господству буржуазии в стране.

При капитализме отечество отнято буржуазией у пролетариата. Все средства производства и политическая власть находятся в руках буржуазии, пролетариат же поставлен в условия беспощадной эксплоатации и угнетения.

Основоположники марксизма научно обосновали неизбежность гибели капитализма и провозгласили необходимость борьбы рабочего класса за социализм. Они показали, что революционная борьба рабочего класса за свержение капитализма и установление диктатуры пролетариата, являющейся орудием построения социализма, не только не противоречит национальным интересам народа, а, наоборот, является борьбой за подлинные интересы большинства нации, за подлинные интересы отечества. В период франко-прусской войны 1870—1871 гг. Маркс призывал французский пролетариат взять государственную власть в свои руки и тем спасти Францию, ее национальный суверенитет. Маркс писал, что «правительство рабочего класса необходимо прежде всего для спасения Франции от гибели и разложения, угрожающих ей со стороны господствующих классов» и что «устранение этих классов... от власти есть *необходимое условие национальной безопасности*» [1].

Современная империалистическая реакция бросает по адресу коммунистов гнусные обвинения в отсутствии патриотизма, в измене отечеству за то, что коммунисты выступают против преступных замыслов американо-английских поджигателей войны. Известно, что когда руководители коммунистической партии США Фостер и Деннис заявили, что компартия США борется и будет бороться против войны, за мир между народами, то Трумэн назвал их «предателями».

В открытом письме Трумэну Фостер и Деннис писали: «Несомненно, президент не обругал бы нас, если бы мы одобрили предложенный бюджет, почти половина которого пойдет на пулеметы, танки, самолеты, казармы, а не на школы, больницы, жилищное строительство и расширение системы социального обеспечения. Нас никогда, конечно, не назвали бы „предателями", если бы мы поддерживали Северо-атлантический военный союз и нынешнюю кампанию, направленную против билля о правах. Но мы считаем высшей формой патриотизма высказываться против войны, в защиту мира» [2].

Только коммунистические партии возглавляют борьбу за национальную независимость своих стран, борьбу против американо-английских поджигателей войны, за мир во всем мире.

Буржуазия «маршаллизованных» стран, при поддержке правых социалистов, в страхе перед своими народами торгует национальной независимостью своих стран, превращает их в колониальный придаток американского империализма.

Так предает свою страну американским империалистам фашистская верхушка немецкой буржуазии в Западной Германии, поддерживающая марионеточное «правительство» Аденауэра — злейшего врага немецкого народа.

Так предала интересы своей страны американским империалистам верхушка корейской буржуазии во главе с американским наймитом Ли Сын Маном.

Возглавляемый Трудовой партией Кореи корейский народ ведет героическую борьбу против американских интервентов и лисынмановских банд, отстаивая независимость своей родины от империалистических хищников.

Исторический опыт еще раз свидетельствует о том, что коммунистические партии — единственные последовательные защитники национального суверенитета, свободы и чести родины. Никакая партия во Фран-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Архив, т. III (VIII), стр. 353.
[2] Газета «Правда» от 8 марта 1949 г.

ции, говорил Морис Торез на XII съезде французской коммунистической партии, «не посмеет давать уроки патриотизма коммунистической партии, партии Франции» [1].

Коммунисты колониальных и полуколониальных стран идут во главе борьбы своих народов за освобождение от империалистического гнета.

На международной арене противостоят друг другу два лагеря: с каждым днем усиливающийся и крепнущий лагерь демократии и социализма, возглавляемый СССР, и все более слабеющий, разъедаемый внутренними противоречиями лагерь империалистический, антидемократический, во главе с США. В этих условиях мерилом истинного патриотизма, преданности интересам своей родины и верности делу мира и дружбы между народами является для передовых людей во всех странах отношение к СССР.

СССР идет в авангарде всего прогрессивного человечества, сплачивает вокруг себя всех борцов за мир, демократию и социализм. СССР является оплотом мира между народами и безопасности народов. Защита СССР составляет святую обязанность трудящихся всех стран.

«**Революционер** тот,— говорил товарищ Сталин,— кто без оговорок, безусловно, открыто и честно... готов защищать, оборонять СССР, ибо СССР есть первое в мире пролетарское революционное государство, строящее социализм. **Интернационалист** тот, кто безоговорочно, без колебаний, без условий готов защищать СССР потому, что СССР есть база мирового революционного движения, а защищать, двигать вперёд это революционное движение невозможно, не защищая СССР» [2].

* * *

Проблема отечества и пролетарского патриотизма в ее полном объеме не была разработана основоположниками марксизма. Живя в эпоху домонополистического капитализма, Маркс и Энгельс исходили из предположения, что социалистическая революция победит одновременно во всех или в большинстве передовых капиталистических стран. В силу этого перед ними не стоял вопрос о возможности возникновения социалистического отечества, находящегося в окружении капиталистических государств.

Дальнейшее развитие марксистской теории отечества и патриотизма дано Лениным и Сталиным.

Ленинизм вырос и оформился в новую эпоху — в эпоху империализма и пролетарских революций.

Империализм доводит до крайних пределов все капиталистические противоречия, делая социалистическую революцию прямой практической неизбежностью. В эпоху империализма пролетариат выступает гегемоном не только в революции социалистической, но и в революции буржуазно-демократической. Перед ним встает непосредственная задача — взять власть в свои руки. Вопрос об отношении пролетариата к отечеству становится, как никогда, острым и злободневным.

Открыв закон неравномерности развития капиталистических стран в эпоху империализма, Ленин показал, что вследствие этой неравномерности одновременная победа социализма во всех странах невозможна и что социализм может и должен победить первоначально в одной, отдельно взятой, стране.

---

[1] Газета «Правда» от 9 апреля 1950 г.

[2] И. В. Сталин. Соч., т. 10, стр. 51.

Огромная заслуга Ленина и Сталина заключается в том, что они вооружили рабочий класс новой, законченной теорией социалистической революции. Они также создали партию, способную провести эту теорию в жизнь.

Партия нового типа, созданная Лениным и Сталиным, с самого начала своего существования является партией последовательных интернационалистов и подлинных патриотов своей страны, партией, ведущей неустанную и непримиримую борьбу как с открытым национализмом, так и с национальным нигилизмом, космополитизмом.

Теоретическое обоснование патриотизма русского рабочего класса было заложено Лениным уже в его работе «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?».

Ленин разоблачил в этой работе народников, которые, фальшиво именуя себя друзьями народа, держались тактики — «...фарисейски закрывать глаза на невозможное положение трудящихся в России...» [1]. Ленин показал, что любить свой народ — значит всю свою жизнь посвятить тому, чтобы помочь ему сбросить с себя иго эксплоататоров. Таким образом, исторически сложившееся понятие патриотизма наполняется новым содержанием: любить родину значит не только защищать ее от иностранного порабощения, но и самоотверженно бороться за ее демократическое и социалистическое преобразование. Ленин выдвинул перед русским рабочим классом задачу — стать во главе всех демократических элементов, свергнуть абсолютизм и пойти прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции.

Партия большевиков выступила как наследник и продолжатель всех лучших, революционных традиций великого русского народа.

В работах «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?», «От какого наследства мы отказываемся?» Ленин вскрыл всю несостоятельность притязаний либеральных народников на то, что они являются хранителями наследства русских революционных демократов. Ленин показал, что не народники, проповедующие примирение с царизмом, а марксисты, ставящие своей задачей революционную борьбу за демократию и социализм, верны идейному наследству 40—60-х годов. Ленин назвал Герцена, Белинского, Чернышевского предшественниками русской революционной социал-демократии.

Проект программы Российской социал-демократической партии и объяснение к ней, написанные Лениным в тюрьме в 1895—1896 гг., проникнуты горячим патриотическим чувством, тревогой за судьбу страны. «...В последнее время,— писал Ленин,— иностранные капиталисты особенно охотно переносят свои капиталы в Россию... Они жадно набрасываются на молодую страну, в которой правительство так благосклонно и угодливо к капиталу, как нигде... Международный капитал протянул уже свою руку и на Россию» [2].

Ленин раскритиковал плехановский проект программы за его абстрактность, за игнорирование национальных особенностей России, за то, что он исходит не из конкретно-исторических условий России, а говорит о капитализме вообще. «Программа русской социал-демократической партии,— указывал Ленин,— должна начинаться характеристикой (и обвинением) русского капитализма,— и затем уже подчеркнуть международный характер движения, которое по форме своей — говоря

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 179.
[2] Там же, т. 2, стр. 93.

словами „Коммунистического Манифеста" — необходимо является сначала национальным»[1].

В противоположность меньшевистской установке на гегемонию либеральной буржуазии в буржуазно-демократической революции, большевики держали курс на гегемонию пролетариата в этой революции. Это была единственно и подлинно патриотическая линия.

Буржуазия боялась решительной и полной победы буржуазно-демократической революции. Она тянулась к сделке с царизмом, она хотела возглавить революцию, чтобы ее обезглавить. Либеральная буржуазия предавала интересы страны, интересы народа.

Пролетариат, наоборот, стремился к наиболее решительному доведению до конца буржуазно-демократической революции. Только он мог сплотить вокруг себя широчайшие слои крестьянства и повести народ на штурм самодержавия. «...Пролетариат и только он,— писал товарищ Сталин,— призван стать во главе грядущей революции, шаг за шагом собирая вокруг себя всё честное и демократическое в России, жаждущее освобождения родины от неволи»[2]. Революционная тактика большевиков, направленная на осуществление гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, на коренную ломку остатков крепостничества в экономических порядках и политических учреждениях страны, отвечала интересам народа, потребностям прогрессивного развития России.

Ленин в статье «Уроки Коммуны» указывал, что французские социалисты совершили в 1870—1871 гг., во время франко-прусской войны, роковую ошибку, дав себя увлечь ложной патриотической проповедью, исходившей от буржуазии, и поведя пролетариат за буржуазией. Французская буржуазия образовала тогда правительство «национальной обороны». На самом деле это правительство было правительством «народной измены», видевшим свое назначение не в защите Франции от внешнего врага, а в борьбе с парижским пролетариатом. «Но пролетариат не замечал этого, ослепленный патриотическими иллюзиями»[3]. Вместо проведения самостоятельной классовой линии французские социалисты пошли на классовый мир с буржуазией. И это имело тяжелые последствия для страны и для французского рабочего класса. «...Истинная подкладка буржуазного „патриотизма" не замедлила обнаружиться. Заключив позорный мир с пруссаками, версальское правительство приступило к прямой своей задаче — и предприняло набег на страшное для него вооружение парижского пролетариата»[4].

Русский рабочий класс, возглавляемый большевистской партией, не повторил ошибок французского пролетариата. Партия большевиков сумела разбить «общенациональные» иллюзии в молодом русском пролетариате. Она раскрыла непримиримость интересов буржуазии и пролетариата и направила рабочий класс на путь гражданской войны и вооруженного восстания против царизма. Тем самым партия вносила в рабочий класс марксистское, пролетарское понимание патриотизма. «Свободный от „общенациональных" иллюзий,— писал Ленин,— он (русский пролетариат.— *Н. К.*) свои классовые силы сосредоточивал в своих массовых организациях — Советах рабочих и солдатских депутатов и т. п.»[5].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 21.
[2] И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 284.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 437.
[4] Там же, стр. 438.
[5] Там же, стр. 439.

На буржуазно-демократическом этапе революции в России шли две войны: война всего народа за демократию и война пролетариата за социализм. Будучи партией рабочего класса, строго отстаивая классовую самостоятельность пролетариата, партия большевиков возглавляла борьбу широчайших народных масс за свержение царизма. Не растворяясь в народе, она выступала как подлинная защитница интересов народа.

Ярким выражением патриотизма русского рабочего класса и большевистской партии явилось московское декабрьское вооруженное восстание 1905 г. Это восстание, писал Ленин, «...велико потому, что оно в первый раз превратило „жалкую нацию, нацию рабов“ (как говорил Н. Г. Чернышевский в начале 60 годов) в нацию, *способную* под руководством пролетариата довести до конца борьбу с гадиной самодержавия...» [1].

В статье «Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии», написанной Лениным в 1908 г., содержится дальнейшая разработка идеи пролетарского патриотизма. Разоблачив шовинизм большинства немецких социал-демократов, Ленин подверг также решительной критике анархистские фразы Эрве и эрвеистов, заявлявших, что пролетариату безразлично, в каком отечестве он живет.

«Отечество,— указывал Ленин,— т. е. данная политическая, культурная и социальная среда, является самым могущественным фактором в классовой борьбе пролетариата... Пролетариат не может относиться безразлично и равнодушно к политическим, социальным и культурным условиям своей борьбы, следовательно, ему не могут быть безразличны и судьбы его страны» [2].

Для рабочего класса его страна — ближайшее поприще его революционной преобразующей деятельности. Он борется за осуществление в ней своих классовых целей. Он не может относиться безразлично к стране, где он призван установить свою государственную власть и, следовательно, стать законным наследником всех материальных и культурных ценностей, созданных народом.

Мысль о том, что пролетариат не может по-анархистски отмахиваться от окружающей его социально-политической и культурной среды развил товарищ Сталин в статье «Еще о совещании с гарантиями».

В 1908 г. в Баку шла борьба между большевиками, с одной стороны, меньшевиками, дашнаками и эсерами — с другой, по вопросу о том, участвовать или не участвовать рабочим в совещании с нефтепромышленниками. Дашнаки и эсеры стояли за бойкот совещания, меньшевики — за участие в нем без всяких гарантий. Большевики были за участие в совещании при условии, если рабочим будут даны определенные гарантии. На заявление дашнаков, что рабочие не должны участвовать в совещании, так как оно-де является «буржуазным учреждением», товарищ Сталин отвечал, что буржуазной является вся общественная жизнь в стране: и фабрики, и заводы, и промысла — все это буржуазные «учреждения», организованные в выгодах буржуазии. Но отсюда не следует, что рабочие должны все эти буржуазные учреждения бойкотировать. «Куда же нам переселиться в таком случае,— писал товарищ Сталин,— на Марс, Юпитер, или, может быть, в воздушные замки дашнак-эсеров?..

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 149.
[2] Там же, т. 15, стр. 171—172.

Нет, товарищи! Не спиной мы должны встать к позиции буржуазии, а штурмовать её! Не оставлять мы должны позиции за буржуазией, а шаг за шагом отбивать их и вышибать оттуда буржуазию!» [1]. Задача, указывал товарищ Сталин, состоит в том, «...чтобы превратить фабрику, завод, промысел из арены угнетения в арену освобождения» [2].

Эти слова товарища Сталина служат и сейчас руководством к действию для коммунистов капиталистических стран; они учат: везде и всюду — на капиталистических фабриках и заводах, в буржуазных парламентах и муниципалитетах — штурмовать позиции буржуазии, вести борьбу за превращение своей страны из арены угнетения трудящихся в арену их освобождения.

Огромное значение для уяснения марксистско-ленинского понимания патриотизма и отечества имеет известная статья Ленина «О национальной гордости великороссов», статья, не имеющая себе равной по силе и глубине подлинно патриотического чувства.

Ленин показывает в этой статье, что рабочий класс, его партия больше, чем кто-либо другой, любят свою родину, свою страну. «Мы любим,— писал Ленин,— свой язык и свою родину... Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты» [3].

Истинная любовь к родине, разъясняет Ленин, необходимо предполагает ненависть к социальному строю, основанному на угнетении и порабощении трудящихся масс. «Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы *особенно* ненавидим *свое* рабское прошлое... и свое рабское настоящее...» [4]. Подлинная защита интересов родины должна состоять, стало быть, в том, чтобы бороться за революционное свержение эксплоататоров: «...Нельзя в XX веке, в Европе... „защищать отечество“ иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов *своего* отечества, т. е. *худших* врагов нашей родины» [5]. Только на путях демократического и социалистического обновления страны и возможно завоевание свободы и независимости родины. «Интерес (не по-холопски понятой) национальной гордости великороссов совпадает с *социалистическим* интересом великорусских (и всех иных) пролетариев» [6].

Ленин подчеркивает, что чувство национальной гордости великорусского пролетариата не противоречит социалистическому интернационализму. Интересы освобождения великорусского пролетариата требуют его воспитания в духе полнейшего национального равенства и братства, ибо не может быть свободен народ, который угнетает другие народы.

Великорусским сознательным пролетариям, указывает Ленин, не чуждо чувство национальной гордости. Но они гордятся вовсе не тем, что восхваляют казенные, а также кадетские и меньшевистские писаки, раболепствующие перед царями, попами, помещиками и капиталистами. Предметом национальной гордости русского рабочего класса является то передовое и прогрессивное, что создали творческий гений и революционная борьба лучших людей русского народа. Русские пролетарии гордятся тем, что великорусская среда выдвинула Радищева, декабристов,

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 95—96.
[2] Там же, стр. 96
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 85.
[4] Там же, стр. 85—86.
[5] Там же, стр. 86.
[6] Там же, стр. 87.

революционеров-разночинцев, что великорусский рабочий класс создал могучую революционную партию масс. «Мы полны,— писал Ленин,— чувства национальной гордости, ибо великорусская нация *тоже* создала революционный класс, *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм...» [1].

Сокрушительный удар по шовинизму и космополитизму нанесла работа товарища Сталина «Марксизм и национальный вопрос».

Товарищ Сталин разоблачил национал-шовинизм австро-марксистов, ликвидаторов, бундовцев. Он дал научное определение нации, обосновал революционную, интернационалистскую программу марксизма по национальному вопросу.

Программа большевиков по национальному вопросу, разработанная товарищем Сталиным, явилась орудием борьбы и против национального нигилизма. Товарищ Сталин показал, что нация — это не что-то случайное и эфемерное, а устойчивая общность людей, продукт определенных общественных условий. На базе условий жизни той или иной нации, на основе общности языка, территории, экономической жизни вырастает и соответствующий «национальный характер», получающий свое выражение в своеобразии национальной культуры.

Научное, марксистское понимание нации, отечества и патриотизма, которым вооружили партию Ленин и Сталин, позволили ей занять правильную позицию по вопросу о защите отечества в первой мировой войне.

Известно, что мировая война 1914—1918 гг. была войной империалистической, несправедливой со стороны обеих групп участвовавших в ней государств. Лозунг «защита отечества», выдвинутый буржуазией всех воюющих стран и поддержанный открыто ставшими на сторону своих империалистических правительств предателями рабочего класса — вождями II Интернационала, являлся сплошным обманом. Этим лозунгом буржуазия каждой воюющей страны и ее «социалистические» подголоски прикрывали грабительские цели войны.

Большевики противопоставили лозунгу защиты империалистического отечества лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую. Большевистская партия была за поражение царского правительства в империалистической войне и призывала подлинных социалистов всех воюющих стран занять такую же позицию по отношению к своим правительствам. Эта политика большевистской партии была истинно патриотической, ибо военное поражение царского правительства облегчило бы победу народа над царизмом и успешную борьбу рабочего класса за свержение капиталистического рабства.

Отстаивая пролетарский интернационализм против социал-шовинизма лидеров II Интернационала, Ленин вел вместе с тем решительную борьбу против подмены пролетарского интернационализма космополитизмом. Он разоблачил «империалистический экономизм» врагов ленинизма, отвергавших большевистское требование права наций на самоопределение. Ленин показал, что «империалистический экономизм» есть поддержка империалистического угнетения народов, разновидность аннексионизма. Ленин раскрыл предательскую сущность троцкистского лозунга «Соединенных Штатов Европы».

В статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы», направленной против изменнических космополитических идеек троцкизма, Ленин впервые сформулировал положение о возможности победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой, стране. С созданной Лениным

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 85.

новой теорией социалистической революции связано дальнейшее развитие марксистско-ленинского понимания вопроса об отечестве и патриотизме.

Поскольку мировая социалистическая революция не является одновременным актом, а протекает как более или менее длительный исторический процесс революционного отпадения отдельных стран от империалистической системы, то страна, в которой первоначально побеждает социалистическая революция, необходимо становится социалистическим отечеством трудящихся. Война в защиту этого отечества от попыток капиталистического окружения разгромить победоносный пролетариат социалистического государства является со стороны этого государства законной и справедливой. «Это была бы,— писал Ленин,— война за социализм, за освобождение других народов от буржуазии» [1]. Только в этих условиях «пролетариат мог бы изучить военное дело действительно для себя, а не для своих рабовладельцев...» [2].

Ленинская теория социалистической революции имеет революционно-патриотическое и подлинно интернационалистское содержание, укрепляет у пролетариев каждой страны веру в свои силы и указывает на необходимость сделать максимум осуществимого в каждой стране для победы социализма во всех странах.

Империалистическая война привела к свержению царизма. Пришедшее к власти после февральской революции Временное буржуазное правительство и поддерживавшие его партии меньшевиков и эсеров были за продолжение империалистической войны. В страхе перед нарастающей пролетарской революцией они отдавали страну в руки иностранных империалистов. Над Россией нависла угроза военной и хозяйственной катастрофы, смертельная опасность превращения ее в колонию Англии, США, Франции.

Только большевистская партия отстаивала интересы независимости и свободы родины, призывая к социалистической революции и установлению в стране диктатуры пролетариата.

Глубокого патриотизма, неиссякаемой веры в творческие силы рабочего класса России исполнены слова товарища Сталина, произнесенные им на VI съезде большевистской партии в августе 1917 г.: «Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму... Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь» [3]. В статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» Ленин писал: «...Или погибнуть или вручить свою судьбу самому революционному классу для быстрейшего и радикальнейшего перехода к более высокому способу производства... Так поставлен вопрос историей» [4].

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась величайшим патриотическим подвигом русского рабочего класса и большевистской партии. Она спасла народы России от порабощения западноевропейскими империалистами. Она вывела нашу страну на социалистический путь развития, обеспечивший полную ее экономическую и политическую независимость.

Октябрьская революция — это подлинно народная революция. Она отняла у капиталистов и помещиков средства производства и национализировала фабрики, заводы, банки и землю. Она свергла власть

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 67.
[2] Там же, стр. 90.
[3] И. В. Сталин. Соч., т. 3, стр. 186—187.
[4] В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 337—338

эксплоататоров и учредила новый, ранее невиданный тип государства — диктатуру пролетариата, государство рабочих и крестьян, представляющее собой высшую форму демократии, демократию для трудящихся. Она положила начало новым, социалистическим отношениям, сделала трудящихся хозяевами всех создаваемых ими материальных и духовных ценностей.

Октябрьская революция, открывшая собой новую эру в истории человечества — эру полного крушения капитализма и торжества социализма, привела к созданию подлинного, социалистического отечества трудящихся. Партия большевиков — вдохновитель и организатор Октябрьской социалистической революции — отвоевала Россию «у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся» (Ленин).

«Мы оборонцы с 25 октября 1917 г.,— писал Ленин в марте 1918 г.— Мы за „защиту отечества", но та отечественная война, к которой мы идем, является войной за социалистическое отечество, за социализм, как отечество, за Советскую республику, как *отряд* всемирной армии социализма» [1].

После победы Октябрьской революции все силы старого мира ополчились против Советской республики в целях свержения власти рабочих и крестьян. Большевистская партия подняла народ на отечественную войну против иностранных интервентов и российских белогвардейцев. Массовым героизмом на фронте и в тылу ответили трудящиеся массы России на призыв партии к защите социалистического отечества. В итоге победоносной войны Советская республика отстояла свою государственную независимость, свое свободное существование.

С переходом к мирному строительству большевистская партия мобилизовала народные массы на подъем социалистической экономики и культуры.

Исключительное значение для судеб нашей страны и международной революции имела дальнейшая разработка товарищем Сталиным ленинской теории возможности построения социализма первоначально в одной, отдельно взятой, стране.

Враги ленинизма и советского народа — троцкисты и бухаринцы, пресмыкавшиеся перед международным империализмом, хотели свернуть партию с ленинского пути. Они пытались посеять в трудящихся массах неверие в возможность построения социализма в нашей стране, хотели отдать народы нашей страны в кабалу империалистам.

Партия, под руководством товарища Сталина, разгромила эту банду изменников родины, превратившихся в презренную кучку шпионов, убийц и вредителей. Она вооружила народные массы непоколебимой уверенностью в возможность своими собственными силами построить социализм в нашей стране.

Товарищ Сталин показал, что линия партии на построение социализма в одной стране ничего общего не имеет с национальной ограниченностью, ибо победа социализма в одной стране способствует победе социалистической революции в других странах мира. Товарищ Сталин указывал, что строить социализм в СССР — это значит ковать победу над капиталом во всех капиталистических странах. История блестяще подтвердила это указание товарища Сталина. Именно при помощи СССР отпали от капиталистической системы и встали на путь социализма страны народной демократии.

---

[1] В. И. Ленин Соч., т. 27, стр. 136—137.

Осуществление сталинского плана индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, победа социализма в нашей стране коренным образом изменили облик нашей Родины. Она превратилась в могущественную и независимую социалистическую державу, неприступную для врагов социализма.

Величие партии большевиков, ее патриотизм с исключительной яркостью проявились в суровых испытаниях Великой Отечественной войны против гитлеровских захватчиков.

В период Великой Отечественной войны партия Ленина — Сталина предстала как вдохновитель и организатор всенародной борьбы против немецко-фашистских захватчиков. Партия осветила народу путь к победе и развернула огромную идейную и организационную работу в массах, направив все их усилия на быстрейший разгром врага. Руководимый большевистской партией, товарищем Сталиным, советский народ одержал победу над германскими и японскими империалистами, равной которой не было в истории.

Ныне большевистская партия ведет нашу социалистическую Родину к дальнейшему хозяйственному и культурному расцвету. Она направляет и организует борьбу советского народа за претворение в жизнь грандиозной программы построения коммунизма, начертанной великим Сталиным.

* * *

Советский патриотизм представляет собой качественно новую, высшую форму патриотизма.

Он порожден в советских людях социалистической революцией и социалистическим строем, воспитан в них партией Ленина — Сталина.

Великая Октябрьская социалистическая революция и победа социализма сделали народ полновластным хозяином нашей страны. Социализм положил навсегда конец эксплоатации человека человеком; он основан на общественной собственности на средства производства и на товарищеском сотрудничестве и взаимопомощи свободных от эксплоатации людей. Социалистическая система хозяйства ведет к неуклонному росту общественного богатства, к систематическому повышению материального и культурного уровня трудящихся.

Наша социалистическая революция, говорил товарищ Сталин, является единственной в мире революцией, которая дала народу не только свободу, но и создала материальные условия для зажиточной жизни. Социалистическое общество, в котором вся хозяйственная жизнь направляется и развивается по единому народнохозяйственному плану, свободно от таких неизлечимых язв капитализма, как кризисы, безработица, нищета масс. Великая Сталинская Конституция закрепила право всех граждан Советского Союза на труд, на отдых, на образование, на социальное обеспечение и законодательно обеспечивает реализацию этих прав.

Советский строй впервые в истории вывел трудящихся на дорогу самостоятельного исторического творчества. Советское государство осуществило подлинно народную демократию, в корне отличающуюся от ублюдочной, фальшивой буржуазной демократии. Сущность советской демократии состоит в том, что она зиждется на постоянном, действенном и решающем участии самих народных масс в государственном управлении, во всем хозяйственном и культурном строительстве. Советское государство вышло из народа и служит народу.

Отсюда беспредельная любовь советских людей к своей социалистической Родине, отсюда качественно новый характер советского патриотизма.

Советский патриотизм означает любовь к своей Родине не только как к месту, в котором родился и вырос человек, но и как к стране нового, социалистического общественного и государственного строя. Он совмещает в себе пламенную любовь к социалистической Отчизне, к социалистическим порядкам с ненавистью к капиталистическому строю.

Советский патриотизм носит сознательный характер.

Только марксистско-ленинская теория вкладывает в патриотизм народных масс научно обоснованное содержание.

Однако в условиях капитализма марксизм-ленинизм не является, как известно, господствующей идеологией. Усилия буржуазии и ее идеологов направлены на то, чтобы затуманить сознание рабочего класса и трудящихся масс, совлечь их с пути классовой борьбы против капитализма. Буржуазия распространяет иллюзии об общенациональном, общенародном отечестве. И массы, руководимые стихийным чувством любви к своей стране, но лишенные еще классовой сознательности, поддаются порой этой буржуазной пропаганде.

Ленин назвал стихийно-оборонческие настроения масс после февральской революции 1917 г. «добросовестным оборончеством». Товарищ Сталин говорил о них, как о «патриотическом угаре».

В социалистическом обществе идеи марксизма-ленинизма являются господствующими идеями, служат теоретической основой деятельности большевистской партии, Советского государства, всего советского народа. Руководствуясь марксистско-ленинской теорией, партия направляет советское общество к достижению научно обоснованной цели — к построению коммунизма. Партия вооружает советских людей научным пониманием того, каковы их социально-политические интересы, знанием законов строительства социализма и коммунизма. Это и придает патриотическому чувству советских людей сознательный характер.

Советский патриотизм перестает быть безотчетным чувством любви к родине; он пронизывает собою все мировоззрение и мироощущение советского человека: его мысли, его чувства, его волю.

Советские люди любят свое социалистическое отечество, понимая, что его существование знаменует собой начало освобождения всего трудового человечества от капиталистической эксплоатации, от войн, безработицы, нищеты, что оно обеспечивает трудящимся зажиточную и культурную жизнь.

Советские люди любят свое государство потому, что знают, что это их государство, что оно является главным орудием построения коммунизма.

Советский народ окружает безграничной любовью большевистскую партию, сознавая, что она является ядром государственной власти, вдохновителем и организатором побед социализма, что она выражает в своей программе, в своих решениях и лозунгах интересы народа, что ее политика — это жизненная основа социалистического общества.

Советский человек с любовью относится к своему труду, сознавая, что его труд необходим не только для него лично, но и для всего общества и что трудовые усилия каждого советского человека имеют важнейшую общественную значимость.

Советские люди любят свой советский строй, потому что они знают, что никакой другой общественный строй не может дать трудящимся

таких огромных возможностей для роста их материального благосостояния, для развития всех их интеллектуальных сил. Советские люди преисполнены патриотического сознания огромных преимуществ социалистического общества перед обществом капиталистическим.

Любовь советского человека к социалистическому отечеству становится тем глубже, чем полнее он сознает сущность политики большевистской партии и Советского государства. Деятельность партии Ленина — Сталина и Советского государства направлена на политическое воспитание народа, на всемерное повышение большевистской идейности советских людей.

Принцип большевистской партийности, идейности во всех областях деятельности советского человека совпадает поэтому с идеей советского патриотизма. Патриотическое отношение советского человека к порученному делу есть вместе с тем большевистское отношение к нему. Чем выше патриотическое сознание советского гражданина, тем больше большевистской партийности в его мыслях и поступках. Товарищ Сталин назвал передовых людей нашей страны большевиками партийными и непартийными.

Отличительной чертой советского патриотизма является его *всеобъемлющий* характер.

Одно из вопиющих противоречий эксплоататорского общества заключается в том, что трудящиеся массы, народ — подлинный создатель всех материальных и духовных ценностей своей страны, кровью своей отстаивающий ее всякий раз, когда ей угрожает внешний враг,— бесправен, угнетен, не является ее хозяином. Вопросы экономической, политической и культурной жизни страны решаются при капитализме помимо народа, за его спиной, вопреки интересам народа, кучкой финансовых магнатов.

В условиях эксплоататорского общества чувство любви трудящихся масс к своей стране, языку, культуре переплетается с чувством ненависти к социальному строю, существующему в стране и обрекающему их на нищету и бесправие.

Советский патриотизм — это любовь к родной земле и преданность существующему социалистическому строю. Все, что есть в социалистическом отечестве, является близким и родным советскому человеку. Патриотизм советских людей распространяется на все стороны жизни советского общества: на социалистическую экономику, Советское государство, советскую культуру.

Общественная собственность — основа богатства и могущества социалистической Родины, источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся нашей страны. Отсюда все возрастающее стремление советских людей укреплять и развивать этот источник всенародного благосостояния.

Советская власть — это народная власть и по целям своей деятельности, и по роли трудящихся масс в государственном управлении, и по устройству государственной власти. Советское государство, руководимое большевистской партией, выступает организатором политической, хозяйственной и культурной жизни народа.

Новая социальная природа Советского государства вызывает и коренное изменение в отношении народных масс к государству. Советский патриотизм — это чувство глубокой, органической заинтересованности советского человека в делах государства, проявляющееся в добровольном соблюдении им правил социалистического общежития, велений государственной власти. Выполнение советскими людьми государственных

законов, планов, распоряжений становится их моральной обязанностью, мерой их патриотичности. И, наоборот, поступки, нарушающие интересы государства, осуждаются советским общественным мнением как антипатриотические.

При господстве частной собственности на средства производства трудящиеся работают не на себя, а ради обогащения эксплоататоров. Труд при капитализме является для рабочих и крестьян тяжким бременем, а не целью их жизненной деятельности. Маркс писал о труде рабочего в условиях капитализма:

«Для себя самого рабочий производит не шелк, который он ткет, не золото, которое он добывает на приисках, не дворец, который он строит. Для себя самого он производит *заработную плату*, а шелк, золото, дворец превращаются для него в известное количество жизненных средств...» [1].

Социалистический строй превратил средства производства в достояние народа. Трудящиеся в советском обществе работают на себя, на свое общество, на свое государство. Общественная, социалистическая собственность на средства производства изменила характер труда. В условиях социализма труд не является средством обогащения эксплоататоров, а служит источником процветания всего общества. И так как в социалистическом обществе изменилась социальная сущность труда, то изменилось и отношение людей к труду. Из каторжной повинности, каким был труд в эксплоататорском обществе, он превратился при социализме в дело чести, славы, доблести и геройства.

Впервые в истории патриотизм стал моральной нормой поведения человека не только при защите родины с оружием в руках, но и в повседневном мирном труде. Он проявляется в пафосе строительства, в самоотверженном труде советских людей по выполнению и перевыполнению сталинских пятилеток.

Капиталистическое общество представляет собой арену непримиримой борьбы противоположных классов с противоположными интересами, политическими взглядами и моральными нормами. Общественный строй, основанный на частной собственности на средства производства, порождает антагонизм между классами, между нациями, между умственным и физическим трудом, между городом и деревней. В капиталистическом обществе, раздираемом классовыми противоречиями, нет патриотизма как единого, всенародного чувства любви к родине.

Социалистический строй создает материальные и моральные предпосылки для возникновения *всенародного* патриотизма.

Ликвидация эксплоататорских классов в СССР, сплочение рабочих, крестьян и интеллигенции Советской страны в единую трудовую семью, образование новых, социалистических наций, строящих свои отношения на началах сотрудничества и взаимопомощи,— все это создало морально-политическое единство социалистического общества. Политические интересы и моральные представления у всех социальных групп и у всех наций советского общества едины. Мировоззрение большевистской партии, ее программа, ее политика разделяются всем советским народом. Чувством любви к социалистическому отечеству охвачен весь советский народ, и у всех советских людей имеется единое понимание патриотических обязанностей по отношению к отечеству. Патриотизм советских людей является поистине всенародным.

Наконец, одна из важнейших особенностей советского патриотизма состоит в его *интернациональном* характере.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв. в двух томах, т. I, 1948, стр. 56.

Советский патриотизм коренным образом отличается от фальшивого патриотизма эксплоататорских, реакционных классов, которые под флагом патриотизма проповедуют шовинизм и расизм.

«Патриотизм» империалистической буржуазии — это, по выражению Ленина, «пушечный патриотизм». Он направлен на то, чтобы держать народ и армию в состоянии готовности напасть на любое другое государство, которое будет объявлено империалистической буржуазией «врагом отечества».

Империалистическая буржуазия стремится всячески противодействовать интернациональному объединению рабочих, которое необходимо для окончательного уничтожения капиталистического строя. Фальсифицированный ею патриотизм служит целям разжигания национальной вражды не только между народами разных стран, но и между нациями внутри страны. «Разделяй и властвуй» — это циничное правило рабовладельцев древнего Рима является руководящим принципом для современных империалистических угнетателей в их политике по отношению к народам, силой включенным в буржуазное многонациональное государство.

Национальная вражда и национальная ненависть — необходимые спутники буржуазного общества, ибо частная собственность и капитал разъединяют людей, разжигают национальную рознь. Конституция любого капиталистического многонационального государства является конституцией националистической, конституцией господствующей нации; она исходит из предпосылки, что нации и расы не могут быть равноправными.

Характеризуя облик наций при капитализме, облик буржуазных наций, товарищ Сталин пишет: «Буржуазия и её националистические партии были и остаются в этот период главной руководящей силой таких наций. Классовый мир внутри нации ради „единства нации"; расширение территории своей нации путём захвата чужих национальных территорий; недоверие и ненависть к чужим нациям; подавление национальных меньшинств; единый фронт с империализмом,— таков идейный и социально-политический багаж этих наций» [1].

Советский патриотизм открывает новую страницу в истории человечества. Он чужд расовых и националистических предрассудков.

Великая Октябрьская социалистическая революция, как указывает товарищ Сталин, освободила угнетенные царизмом и капитализмом народы не под флагом национальной вражды и междунациональных столкновений, а на основе взаимного доверия и братского сближения рабочих и крестьян народов СССР, не во имя национализма, а во имя интернационализма.

Социалистическое отечество возникает как результат победы передового отряда всемирной армии социализма, ранее пролетариев других стран завоевавшего власть в своей стране, завоевавшего ее не для борьбы против других народов, а для продолжения, в союзе с пролетариями всех стран, борьбы за коммунизм.

Советский патриотизм опирается на нерушимую, все более крепнущую дружбу народов СССР. Эта дружба возможна только в социалистическом обществе.

Нерасторжимый союз народов СССР зиждется на единстве экономических и политических интересов трудящихся всех национальностей, входящих в состав Советского Союза. Братское содружество наций в СССР получает свое проявление в гармоническом сочетании суверени-

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 338.

тета Союза ССР с суверенитетом союзных республик. Оно находит свое выражение в общности советской культуры — национальной по форме, социалистической по содержанию.

Социалистические нации, возникшие и развившиеся в нашей стране в результате ликвидации капитализма и утверждения советского строя, по своему классовому составу, духовному облику и социально-политическим интересам коренным образом отличаются от наций буржуазных. Показывая новую природу социалистических наций, товарищ Сталин пишет:

«Рабочий класс и его интернационалистическая партия являются той силой, которая скрепляет эти новые нации и руководит ими. Союз рабочего класса и трудового крестьянства внутри нации для ликвидации остатков капитализма во имя победоносного строительства социализма; уничтожение остатков национального гнёта во имя равноправия и свободного развития наций и национальных меньшинств; уничтожение остатков национализма во имя установления дружбы между народами и утверждения интернационализма; единый фронт со всеми угнетёнными и неполноправными нациями в борьбе против политики захватов и захватнических войн, в борьбе против империализма,— таков духовный и социально-политический облик этих наций» [1].

Первое место в содружестве равноправных народов СССР по праву принадлежит великому русскому народу.

При помощи русских рабочих все народы нашей страны освободились от социального и национального гнета. Русский народ оказал бескорыстную поддержку другим народам в деле ликвидации унаследованной ими от царизма отсталости, всемерно содействовал их быстрому экономическому и культурному подъему.

Огромны заслуги русского народа в области культуры. Русская творческая мысль оказала большое влияние на культурное развитие других народов нашей страны, на прогресс мировой науки, техники, искусства.

В годы Великой Отечественной войны русский народ возглавлял боевой союз народов СССР, сломавших хребет фашистским хищникам. На приеме в Кремле в честь командующих войсками Советской Армии 24 мая 1945 г. товарищ Сталин провозгласил здравицу в честь советского народа и прежде всего русского народа, заслужившего в этой войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны, являющегося наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Русский народ идет в авангарде всех народов СССР, строящих коммунизм в нашей стране. На него с уважением и любовью смотрит вся многонациональная семья народов Советского государства.

Братское сотрудничество всех наций СССР, наличие у них общего чувства любви к единому отечеству — одно из великих достижений советского социалистического строя.

Советский патриотизм основан на дружбе народов СССР, свободен от национализма. «Сила советского патриотизма,— указывает товарищ Сталин,— состоит в том, что он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность народа своей советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны... Советский патриотизм не разъединяет, а, наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью» [2].

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 339.

[2] И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5, стр. 160—161.

Советский патриотизм сочетает в себе любовь к социалистическому настоящему нашей Родины с уважением к великому прошлому и историческим заслугам каждого из народов нашей страны. «В советском патриотизме,— говорит товарищ Сталин,— гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза» [1].

Советские люди являются законными преемниками всего того передового и прогрессивного, что имеется в прошлом народов нашей страны. Они вдохновляются патриотическими традициями борьбы за свободу и независимость Родины, защиты ее от иноземных поработителей. Имена Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова служат советским людям высоким примером беззаветной преданности Родине.

Трудящиеся всех национальностей СССР воспитываются на революционных традициях, традициях борьбы не только против национального, но и против социального угнетения. Всем советским людям близки и дороги имена Радищева, Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова и многих других славных борцов за свободу, вышедших из среды народов СССР.

Народы Советской страны гордятся своим культурным наследством, своими знаменитыми мыслителями, учеными, писателями, художниками.

Особенно богатыми патриотическими, революционными и культурными традициями обладает русский народ.

Ленин гордился талантливостью русского народа. В одной из бесед с Горьким Ленин отметил: «Европа беднее нас талантливыми людьми». Товарищ Сталин говорил о великом русском народе, как о народе, который дал миру Ленина и Плеханова, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинку и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова.

Советский патриотизм далек от какого-либо нигилизма в отношении национальных традиций прошлого. «...Советский патриотизм,— говорил М. И. Калинин,— берет свои истоки в глубоком прошлом, начиная от народного эпоса; он впитывает в себя все лучшее, созданное народом, и считает величайшей честью беречь все его достижения» [2].

Речь идет, однако, не о всяких национальных традициях. Есть традиции передовые, вырабатывавшиеся на почве борьбы против классового и национального гнета, и традиции реакционные, насаждавшиеся эксплоататорскими классами. Советский патриотизм наследует то передовое, что имеется в прошлой истории народов СССР,— то, что содействовало общественному прогрессу, вело к освобождению народа от порабощения и гнета. Партия ведет борьбу против теории «единого потока» в изображении исторического прошлого народов СССР, против буржуазно-националистической идеализации реакционных элементов в культуре прошлого. Она исходит из указаний Ленина о том, что «мы *из каждой* национальной культуры берем *только* ее демократические и ее социалистические элементы, берем их *только* и *безусловно* в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму *каждой* нации» [3].

Партия Ленина — Сталина использует все лучшее, что есть в прошлой истории и культуре каждой нации СССР для того, чтобы воспитывать массы в духе интернационального единства и совместной борьбы за коммунизм.

---

[1] Там же.
[2] М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании, 1947, стр. 84.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 8.

Партия разоблачила антипатриотическую группу театральных и литературных критиков, оплевывавших с позиций буржуазного космополитизма лучшие национальные традиции русского народа и других народов СССР.

Передовые национальные традиции и лучшие достижения национальных культур являются предметом уважения и любви всех народов СССР. Советские люди бережно хранят эти традиции, поддерживают и развивают их, обогащают их новыми национальными традициями, выросшими на почве социалистического строя.

Советский патриотизм совмещает в себе защиту и отстаивание государственных интересов СССР с неизменным уважением к правам и суверенитету других стран. Внешняя политика Советского государства, являющаяся продолжением его внутренней политики, чужда захвату и насилию. Если войны в капиталистическом мире являются неизбежным следствием частной собственности на средства производства, то следствием общественной, социалистической собственности является мирная внешняя политика Советского государства. Советский Союз стремится к сотрудничеству со всеми государствами независимо от существующих в них экономической и политической систем. СССР идет в авангарде могучего движения народов за упрочение мира, за обуздание американо-английских империалистических поджигателей войны.

Всякое усиление буржуазного «патриотизма» есть усиление национализма, углубление вражды как между нациями внутри страны, так и к народам других стран. Наоборот, рост советского патриотизма вызывает дальнейшее укрепление дружбы между народами Советского Союза и неотделим от укрепления связей советского народа с трудящимися всех стран.

Интернациональный характер советского патриотизма органически сочетается с национальной гордостью советских людей. Советская национальная гордость не имеет ничего общего с национальной ограниченностью.

Советский народ гордится тем, что он первый из всех народов построил в своей стране социалистическое общество. Он гордится тем, что его отечество возглавляет международный лагерь демократии и социализма, противостоящий лагерю американских поджигателей войны, что оно высоко держит знамя борьбы за прочный мир и последовательную демократию.

Советский патриотизм является *движущей силой* развития советского общества.

Особенность патриотизма, как социального чувства, заключается в том, что он способен побуждать массы итти на высшие жертвы во имя защиты Родины. Патриотизм порождает в человеке большую активность, поднимает его на совершение героических поступков. Какой огромный эффект в состоянии дать патриотизм как моральная сила, показывают справедливые войны, в которых народные массы, охваченные патриотическим чувством, вызванным возвышенными целями войны, способны творить буквально чудеса, преодолевать препятствия и трудности, кажущиеся в обычных условиях непреодолимыми.

Пока отечество находится в руках эксплоататоров, патриотизм народных масс не может стать движущей силой общественного развития, не может быть стимулом, вызывающим у трудящихся масс стремление увеличивать общественное богатство, укреплять существующие в стране социальные порядки.

Частная собственность на средства производства порождает такие низменные стимулы деятельности людей, как эгоистический, шкурный интерес, погоня за прибылью, алчность и т. д. Австралийский писатель А. Мэндер, характеризуя капиталистические отношения, пишет: «...Наша современная торгашеская цивилизация порождает главным образом себялюбивых, корыстных, глубоко эгоцентричных людей, решительно все расценивающих по принципу: „Какая мне от этого выгода?“... В таком обществе самое значение слова „успех“ сводится к умению брать больше, чем даешь» [1].

Социалистический строй, победивший в нашей стране, характеризуется полным соответствием между производительными силами и производственными отношениями, между общественным характером производства и общественной собственностью на средства производства. Социалистические отношения вызвали к жизни новые движущие силы общественного развития, действие которых не сопровождается ни классовой и национальной враждой, ни гибелью человеческих жизней, ни разрушением производительных сил. Вместе с ликвидацией частной собственности на средства производства и эксплоататорских классов отошли в прошлое и такие неизбежные спутники капиталистического общества, как индивидуальная борьба за существование, частнособственническое стяжательство, война всех против всех. При социализме действуют подлинно общественные силы развития: морально-политическое единство советского народа, дружба народов СССР, советский патриотизм.

Советский патриотизм, имеющий своей базой новый, социалистический общественный строй, обладает огромной силой обратного воздействия на развитие породившего его социалистического способа производства, ускоряя движение вперед советского общества.

В этом направлении действуют все особенности, присущие советскому патриотизму.

Будучи сознательным по своему характеру, охватывая как чувства, так и мысли советских людей, советский патриотизм приобретает огромную действенность. Идейность трудящихся Советской страны, сознание ими того, что их трудовые усилия служат обществу, народу, приближают к коммунизму, является мощным стимулом, повышающим энергию и напряжение во всех областях производственной и общественной деятельности.

Технолог А. Салин, повествуя о своем жизненном пути, пишет:

«Я стал более основательно изучать историю партии, читал труды наших вождей Ленина и Сталина.

И скоро моя работа в моих же собственных глазах стала приобретать более глубокий смысл. Каждое новое усовершенствование, представлявшееся мне прежде техническим мероприятием, становилось мероприятием сугубо политическим. Я научился свой повседневный труд теснее связывать с интересами всех советских людей, строящих самое передовое общество в мире.

Каждая шестерня, выпущенная сверх плана благодаря моим новым приспособлениям, перестала быть просто дополнительной запасной частью, дающей жизнь еще одному трактору, выбывшему из строя. За этим трактором я видел колхозные поля, массивы совхозов, которые с помощью возвращенного к жизни трактора дают более высокий урожай. Я бы сказал, что вся моя работа, все мои творческие поиски стали более осмысленными» [2].

---

[1] А. Э. Мэндер. От шести вечера до полуночи, 1948, стр. 58.

[2] А. Салин. Заметки технолога, Профиздат, 1948, стр. 40.

Всеобъемлющий характер советского патриотизма проявляется как в ратных, так и в трудовых подвигах советских людей. Советский патриотизм впервые в истории породил массовый трудовой героизм. Вызываемая патриотическим чувством самоотверженность в труде — одно из замечательных явлений социалистического общества.

Трудовой героизм советских людей получает свое выражение в огромном размахе социалистического соревнования, в стахановском движении, в обязательствах отдельных рабочих, цехов и целых предприятий по досрочному выполнению и перевыполнению производственных планов, в организации бригад отличного качества, в движении за обильный и устойчивый урожай и повышение продуктивности животноводства и т. д. и т. п. Советские люди борются за высокую производительность труда, за строжайшую экономию принадлежащих народу материальных средств, за снижение себестоимости продукции, за быстрый рост промышленности и сельского хозяйства. В нашей стране возникла такая форма строительства, как народные стройки, при которых в сооружении тех или иных крупных объектов принимает участие население целых районов, областей и даже республик.

Трудовой героизм советских людей, питаемый их горячей любовью к социалистическому отечеству, порождает огромный размах творческой инициативы, новаторства во всех областях труда.

В 1948 г. на предприятиях промышленности, транспорта, строительства и сельского хозяйства было проведено два миллиона производственных совещаний. На этих совещаниях было принято свыше четырех миллионов предложений, направленных на улучшение производства. В 1949 г. количество рационализаторских предложений и изобретений выросло на 40% по сравнению с 1948 годом.

Новое, творческое отношение к труду утвердилось не только в социалистической промышленности, но и в колхозной деревне. Об этом хорошо говорят сами колхозники. Герой Социалистического Труда И. Ракитин называет свой труд звеньевого в колхозе *своим любимым делом*. Герой Социалистического Труда П. Варгина рассказывает о том, как колхозники впервые за всю свою крестьянскую жизнь следили *с карандашом* в руках за сроками колошения и налива ржи на колхозных полях. Звено Чаганака Берсиева, добившееся мирового рекорда по урожайности проса, вручную отбирало семена для посева так, чтобы каждая тысяча зерен весила не 5 граммов, как обычно, а 7—8.

Советский патриотизм выступает как сила, подымающая производство на все более высокий уровень, дополнительно создающая огромную массу прибавочного продукта, способствующая неуклонному росту народного хозяйства СССР.

Трудовые подвиги советских людей являются средством преодоления трудностей и препятствий, встречающихся в ходе социалистического строительства. Еще в 1919 г. в статье «Великий почин» Ленин указывал на героическую инициативу масс как на источник победы над голодом, повышения производительности труда в разоренной войной промышленности. Коммунистические субботники явились примером того, как героический самоотверженный труд рабочих побеждал вызванную империалистической и гражданской войнами хозяйственную разруху. И в последующие годы, при возникновении тех или иных трудностей, партия всегда обращалась к сознательности, к патриотическому чувству советских людей. И инициатива и энергия масс ломали все преграды на пути социалистического строительства.

Отмечая причины, обусловившие успешное выполнение первого пятилетнего плана, товарищ Сталин говорил, что это, «прежде всего, активность и самоотверженность, энтузиазм и инициатива миллионных масс рабочих и колхозников, развивших вместе с инженерно-техническими силами колоссальную энергию по разворачиванию социалистического соревнования и ударничества. Не может быть сомнения, что без этого обстоятельства мы не могли бы добиться цели, не могли бы двинуться вперед ни на шаг» [1].

Общенародный характер советского патриотизма также в огромной степени содействует росту могущества нашей социалистической Родины.

Эксплоататорские классы никогда не могли и не могут создать единую народную волю и использовать ее в деле строительства хозяйства и культуры. Только в критические периоды общественной жизни, например, перед лицом внешнего нападения и угрозы потери национальной независимости, складывалось в эксплоататорском обществе известное единство интересов всей нации. Но это единство вызывалось чрезвычайной обстановкой и носило кратковременный характер.

В советском обществе, где нет антагонистических классов и национальной розни, общенародная воля, вырастающая на основе морально-политического единства советского народа, становится постоянно действующей силой.

Советский патриотизм получает свое выражение в величайшей заботе всего советского народа о процветании своего социалистического Отечества, о росте его богатства и могущества.

В советском обществе воля миллионов людей направлена не на разрушение существующих общественных и политических порядков, а на всемерное их упрочение и развитие. Огромная энергия, которая ранее, в эксплоататорском обществе, затрачивалась народными массами на борьбу против угнетавших их эксплоататорских классов, обращается теперь на укрепление государственного аппарата, развитие народного хозяйства и культуры.

Интернационалистский характер советского патриотизма способствует морально-политическому сплочению трудящихся различных национальностей социалистического общества.

Вызвать центростремительные силы у народов многонационального государства, включить их энергию в общее русло государственного строительства — неразрешимая задача в условиях капитализма.

Покоясь на братстве народов СССР, на доверии и дружбе между ними, советский патриотизм вызывает у каждой из наций нашей страны стремление вложить максимум своих усилий в общее дело строительства коммунизма. Это соединение творческой энергии всех народов, входящих в состав Советского Союза и воспринимающих политику большевистской партии и Советского государства как единую программу действий, является могучим фактором непрерывного подъема хозяйства и культуры социалистического общества.

Промышленное и культурное строительство в любой советской республике, входящей в состав СССР,— в Узбекистане, Казахстане, Грузии и т. д.— одновременно имеет своей целью расцвет этой республики и составляет часть единого общегосударственного плана развития народного хозяйства и культуры СССР. Сливаясь в одно русло, трудовые усилия отдельных советских народов становятся источником быстрого поступательного движения социалистического отечества в целом.

---

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 396.

Советский патриотизм, любовь советских людей к своей Родине носит активный характер. Кровная заинтересованность каждого советского человека в судьбах своей страны вызывает в нем стремление к достижению все новых и новых успехов во всех областях хозяйства, политики, культуры. Эта животворная природа советского патриотизма делает его одним из источников неуклонного и быстрого движения вперед советского общества.

Сила и жизненность советского патриотизма проверена исторической практикой, всей историей развития советского общества. Патриотизм советского народа явился одним из важнейших условий, способствовавших превращению нашей страны в могущественную социалистическую державу. С исключительной яркостью проявилась мощь советского патриотизма во время Великой Отечественной войны против гитлеровской Германии и империалистической Японии. Безграничная преданность социалистической Отчизне стала источником невиданной храбрости, стойкости, самопожертвования воинов Советской Армии на фронтах Отечественной войны и самоотверженных трудовых подвигов советских людей в тылу. История не знает другого примера, когда бы идея защиты Родины так глубоко охватила все слои населения, все народы, населяющие страну, породила бы такой массовый героизм, какой имел место в нашей стране в период Великой Отечественной войны.

Переход к мирному строительству после победоносного окончания войны ознаменовался новым трудовым подъемом советского народа. Множатся и растут патриотические подвиги советских людей на всех участках строительства коммунизма. Возникли новые формы социалистического соревнования, идет успешная борьба за досрочное выполнение послевоенной сталинской пятилетки.

Развернулась патриотическая инициатива рабочего класса, направленная на мобилизацию внутренних ресурсов и сверхплановые накопления, на обеспечение отличного качества продукции и дальнейшего технического прогресса. Колхозное крестьянство борется за осуществление грандиозного Сталинского плана преобразования природы, за внедрение достижений мичуринской биологии в практику сельского хозяйства.

В новых успехах советской науки, техники, искусства, в растущем содружестве деятелей науки с работниками промышленности и сельского хозяйства воплощается горячий патриотизм советской интеллигенции.

В нашей стране сбылось то, о чем говорил Ленин в 1920 г.: «Надо, чтобы Россия превратилась в огромную армию труда с героическим сознанием самопожертвования всем для общего дела — освобождения трудящихся» [1].

Партия Ленина — Сталина — мозг и сердце советского народа, руководящая и направляющая сила советского общества — является знаменосцем советского патриотизма. Своим верным служением Родине коммунистическая партия завоевала безграничное доверие народа. Чувство любви советских людей к своей социалистической Родине неотделимо от чувства пламенной любви к славной партии Ленина — Сталина и родному товарищу Сталину.

Жизнь и деятельность товарища Сталина является высшим примером беззаветного служения партии, рабочему классу, народу, Родине.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XXV, стр. 157.

Имя товарища Сталина — символ великих побед советского народа. Идеи товарища Сталина вдохновляют советских людей на новые патриотические подвиги во славу Родины. Под мудрым руководством товарища Сталина советский народ идет к дальнейшему усилению могущества нашего социалистического Отечества. «В Сталине народы СССР видят воплощение своего героизма, своей любви к родине, своего патриотизма» [1].

* * *

В докладе на XVIII съезде партии товарищ Сталин, определяя задачи большевистской партии в области внутренней политики, указал на необходимость развивать и культивировать советский патриотизм.

Воспитание советского патриотизма приобретает сейчас особо важное значение, является одной из основных задач большевистской партии и Советского государства.

Советское общество идет по пути постепенного перехода от социализма к коммунизму. Одним из условий построения коммунизма является рост коммунистической сознательности масс, полное преодоление пережитков капитализма в сознании советских людей.

На основе социалистического способа производства и в результате неутомимой воспитательной работы партии и Советского государства сложилось новое, социалистическое сознание советских людей. В докладе о тридцатилетии Великой Октябрьской социалистической революции В. М. Молотов отметил, что важнейшим завоеванием нашей революции является новый духовный облик советских людей, их идейный рост как советских патриотов.

Но советское общество не уничтожило еще полностью пережитков капитализма в сознании людей. Эти пережитки не отмирают сами собой. Они преодолеваются в упорной борьбе, настойчивой работой большевистской партии и Советского государства по распространению передовых, марксистско-ленинских идей и коммунистическому воспитанию трудящихся.

Культивирование советского патриотизма является сильнейшим орудием в борьбе за преодоление пережитков капитализма в сознании советских людей.

Воспитывать народ в духе советского патриотизма — значит искоренять остатки частнособственнической морали, руководствующейся принципом «мне бы урвать побольше, а там хоть трава не расти», и укреплять любовь советского человека к своему социалистическому государству, к своему обществу.

Культивировать советский патриотизм — значит воспитывать советских людей в духе нетерпимости к малейшему нарушению советских законов и советской морали, ко всему тому, что наносит ущерб социалистической собственности, интересам государства, что мешает выполнению и перевыполнению народнохозяйственных планов. Советский патриотизм требует воинствующей большевистской активности в борьбе за интересы социалистического государства, непримиримости к тому, что задерживает поступательное движение советского общества.

Советский патриотизм предполагает сознательное подчинение личных интересов интересам общественным, государственным, самоотверженную работу каждого советского человека во имя еще большего расцвета социалистической Родины.

---

[1] Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография, 1950, стр. 240.

Быть советским патриотом — значит своими трудовыми подвигами способствовать укреплению и развитию социалистического строя и быть готовым с оружием в руках выступить на защиту социалистической Родины.

Советский патриотизм означает верность делу партии Ленина — Сталина, беспредельную преданность нашему вождю и учителю — великому Сталину.

Воспитание советского патриотизма неотделимо от решительной борьбы как против пережитков буржуазного национализма, так и против проявлений космополитизма и низкопоклонства перед буржуазным Западом. Проповедь безродного космополитизма означает предательство интересов советского народа, помощь империалистическим поджигателям войны.

Раболепие перед иностранщиной является отвратительным наследием буржуазно-помещичьего режима царской России. Господствующие классы царской России, отдававшие страну во власть иностранным капиталистам, насаждали преклонение перед заграницей, распространяли клевету о духовной неполноценности русского народа, обреченного якобы на роль ученика Западной Европы.

Воспитывать и культивировать советский патриотизм — значит вести беспощадную борьбу с низкопоклонством перед иностранщиной, развивать в советских людях чувство советской национальной гордости, гордости за нашу социалистическую страну, за великие достижения социалистического хозяйства и культуры, за советскую власть, за славную большевистскую партию и ее гениальных вождей — Ленина и Сталина. Быть советским патриотом — значит хранить патриотическое достоинство советского человека, уважать революционные и культурные традиции русского народа и других народов СССР, давать решительный отпор всякому раболепию перед иностранщиной.

Нет сейчас на земном шаре другого народа, который имел бы такие великие заслуги перед историей человечества, как наш советский народ, уничтоживший власть помещиков и капиталистов и создавший первое в мире социалистическое государство. Советский народ идет в авангарде всего передового человечества, он показывает трудящимся и угнетенным всего мира путь к светлому будущему.

В основе чувства советской национальной гордости лежит сознание всемирно-исторических заслуг советского народа, сознание превосходства социалистической системы хозяйства над капиталистической, превосходства советской социалистической демократии над фальшивой и лицемерной буржуазной демократией, морального превосходства советских людей над людьми буржуазного мира. «...Последний советский гражданин, свободный от цепей капитала,— говорит товарищ Сталин,— стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства...» [1]

Решающая роль в воспитании советского патриотизма принадлежит великой партии Ленина — Сталина.

Большевистская партия ведет непримиримую борьбу против различных проявлений чуждой и враждебной советскому народу буржуазной идеологии, против ее проникновения в ряды советских людей. Она неутомимо развивает в советских людях чувства безграничной любви к социалистической Родине и ненависти к империалистической реакции, к строю капиталистической эксплоатации, к разлагающейся и упадочной буржуазной культуре.

---

[1] И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 590.

Партия большевиков нанесла сокрушительный удар по проявлениям аполитичности, безидейности, национализма, низкопоклонства перед иностранщиной. Партия разоблачила антипатриотическую деятельность безродных космополитов в области литературы, искусства, науки, философии. Исторические постановления и указания ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам призывают работников нашего идеологического фронта, всех советских людей к повышению большевистской идейности, воспитывают их в духе горячего советского патриотизма.

Могучим средством победоносного движения советского общества вперед является критика и самокритика. «...Наша партия,— указывал А. А. Жданов,— уже давно нашла и поставила на службу социализму ту особенную форму раскрытия и преодоления противоречий социалистического общества..., ту особенную форму борьбы между старым и новым, между отживающим и нарождающимся у нас в советском обществе, которая называется критикой и самокритикой» [1].

Критика и самокритика, получая свое воплощение в социалистическом соревновании, способствуют непрерывному росту социалистического народного хозяйства. Товарищ Сталин назвал социалистическое соревнование выражением деловой и революционной самокритики масс, опирающейся на творческую инициативу миллионов трудящихся.

Критика и самокритика служат могучим средством борьбы против пережитков капитализма в сознании советских людей, методом воспитания всей массы трудящихся в духе коммунизма.

Критика и самокритика — признак силы советского общества. Советское общество не боится деловой, здоровой самокритики, так как оно едино и неуклонно растет и развивается.

В критике и самокритике получает свое выражение горячий и животворный советский патриотизм. Вдохновляемые беззаветной любовью к Родине, движимые желанием сделать свое социалистическое Отечество еще более цветущим, советские люди ополчаются на все устаревшее, негодное, косное, смело вскрывают недостатки, чтобы быстрее их устранить и тем умножить мощь Советского государства.

Марксизм-ленинизм учит, что идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами. Товарищ Сталин раскрыл все огромное мобилизующее, организующее и преобразующее значение передовых идей в развитии общества.

В своих гениальных трудах по вопросам языкознания товарищ Сталин показал активную, действенную роль идеологической надстройки в развитии общества.

Партия Ленина—Сталина укрепляет и развивает в советском народе самые возвышенные и прогрессивные идеи, идеи советского патриотизма, что усиливает мощь социалистического общества, ускоряет его движение к коммунизму.

Мирный созидательный труд советских людей является важнейшим вкладом в дело борьбы за мир. Вдохновленный высоким чувством советского патриотизма, наш народ укрепляет мощь своей социалистической Родины — оплота мира во всем мире.

---

[1] «Вопросы философии», 1947, № 1, стр. 270.

А. И. БУРОВ

АНТИРЕАЛИСТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ НАТУРАЛИЗМА В ИСКУССТВЕ

Исторические решения ЦК ВКП(б) по вопросам идеологии поставили перед советской эстетикой задачу решительной и беспощадной борьбы со всякого рода попытками протащить в наше искусство чуждые ему буржуазные, упадочные тенденции.

Одним из непримиримых врагов социалистического реализма, художественного метода нашего искусства, является натурализм.

Будучи антиреалистическим, декадентским по своему подходу к действительности, по способам ее изображения и по целям, которые преследуются этим изображением, натурализм выступает под видом реализма. Он прикрывается реалистической терминологией в теории, имитирует реалистическое изображение на практике. Натурализм — это скрытый антиреализм. Этой его особенностью определяется и специфика борьбы с ним.

Борьба с натурализмом требует, прежде всего, разоблачения его антиреалистической сущности, вскрытия его противоположности реализму, без чего невозможно верное направление удара по проявлениям натурализма в советском искусстве.

Принципиальная оценка натурализма как антинародного, антиреалистического направления в искусстве дана в целом ряде высказываний партийной печати, в докладах и выступлениях А. А. Жданова.

В своем выступлении на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б) товарищ А. А. Жданов расценил натуралистические извращения в музыке как отход от «естественных, здоровых норм музыки» [1], чем подчеркнул декадентскую природу натурализма.

«Социалистический реализм,— писала «Правда»,— развивался и креп, сметая со своего пути формалистов, натуралистов, декадентов, носителей буржуазного космополитизма и прочих представителей антинародных течений в искусстве» [2].

Указав на антинародную сущность формализма, газета «Культура и жизнь» в статье, посвященной итогам дискуссии о натурализме в живописи, писала: «Также антинароден и натурализм. Принижая действительность, затрудняя понимание ее ведущих черт, давая одностороннее представление о ней, натурализм чужд и враждебен советской действительности» [3].

Следует решительно отмести взгляд на натурализм как на некую разновидность реализма.

---

[1] Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б), 1948, стр. 142.

[2] К новому подъему театрального искусства. Газета «Правда» от 29 сентября 1949 г.

[3] К новым успехам советского изобразительного искусства. Газета «Культура и жизнь» от 11 сентября 1948 г.

В наиболее законченной форме такая в корне ошибочная точка зрения была высказана скульптором Г. Кепиновым, который на дискуссии о натурализме в живописи в 1948 г. заявил: «Наши товарищи художники, которые руководят нашей художественной жизнью,— эти люди натуралисты по своему мировоззрению. Они поставили своим идеалом передвижников... Они не охвачены жаждой новаторства...» [1]

Великие реалисты — передвижники — объявляются, таким образом, натуралистами. Нетрудно увидеть, что подобное «ниспровержение» натурализма оказывается на деле борьбой против реализма.

Попытки отождествить натурализм с реализмом не всегда обнаруживаются в столь открытой форме; чаще всего они выступают в замаскированном виде. Так, в учебнике проф. Л. И. Тимофеева «Теория литературы» натурализм определяется как «сниженный, неполноценный реализм» [2], т. е. натурализм оценивается как направление в принципе, в методологических своих установках реалистическое, отличающееся от реализма лишь количественно.

«Натурализм в своих исходных позициях,— писал другой автор,— не противостоит реализму, а (в этих исходных моментах) сам является реализмом, но только наивным, неразвитым, упрощенным» [3].

С представлением о реализме как о чем-то «сером», «ползучем», связана и пресловутая «романтическая путаница» в определении социалистического реализма. Искажая сущность социалистического реализма, некоторые критики (Б. Бялик и др.) представляли его как механическое соединение реализма и романтизма, считая, что реализм по природе своей чужд какого-либо пафоса и потому нуждается в посторонней силе, в романтическом начале, которое должно приподнять «ползучий» реализм.

Отождествление натурализма и реализма не только амнистирует натурализм, но и принижает реализм. Принижение же реализма используется формалистами для того, чтобы вести борьбу против социалистического реализма под флагом борьбы якобы с натурализмом.

Деятельность разоблаченных советской общественностью критиков-космополитов служит убедительным тому доказательством. Нападая на реалистические основы советского искусства, они выдавали эти нападки за критику натурализма. Один из подобных «критиков» писал о постановке МХАТ им. Горького пьесы «Земля» Н. Вирты, что спектакль этот занимает особое место в творческой эволюции МХАТ, так как... он представляет собой опыт преодоления натуралистических тенденций Художественного театра. Одним взмахом пера оказался зачеркнутым славный реалистический путь лучшего в мире театра.

Ненависть к реализму, желание опорочить, принизить его, третируя его как натурализм,— вот что составляло смысл такого рода выступлений, которые преподносились под маской защиты «яркости», «красочности» искусства против «серости» и «бескрылости» реализма. Таким приемом критики-космополиты хотели свернуть советское искусство с пути реализма и протащить в него формализм.

---

[1] Цит. по докл. А. Лебедева «Состояние и задачи художественной критики», «Искусство», 1949, № 2, стр. 49.

[2] Л. И. Тимофеев. Теория литературы, 1948, стр. 308.

[3] А. Михайлов. О советской живописи. Журнал «Новый мир», 1936, № 3, стр. 261.

* * *

Некоторые наши критики ошибочно принимают за определяющие признаки натурализма такие две особенности художественного изображения: обилие и выписанность деталей, подчеркнутая индивидуализация образа; документальность, фактичность, «фотографичность» изображения.

Характеризуют ли эти признаки именно натурализм? Сами по себе — не характеризуют, потому что они являются лишь внешними, формальными признаками. Это не значит, что рассмотрение формальных признаков не заслуживает внимания, не играет никакой роли для понимания того или иного направления в искусстве. Все дело в том, чтобы выяснить, что кроется за этими формальными признаками, из каких методологических установок они проистекают, какое содержание в них вкладывается.

Обратимся к первому формальному признаку натурализма.

Внимание к подробностям, детализация изображения действительно свойственны натурализму. Родоначальники натурализма во французской литературе братья Гонкуры с величайшей скрупулезностью воспроизводили в романах и пьесах свои клинические наблюдения. Немецкие натуралисты Шлаф и Гольд посвятили рассказ «Смерть» тончайшему «анализу» зрительных и слуховых ощущений двух студентов, дежурящих ночью у одра умирающего товарища. Французский натуралист Гюисманс предлагал такой сюжет: чиновник выходит утром из дому, замечает, что у него не чищены ботинки и возвращается. Это следовало описать в «реалистическом» стиле на трехстах страницах. Число подобных примеров можно умножить.

Однако детальность изображения мы найдем и у реалистов. В «Войне и мире» Л. Толстого мы находим подробные описания Бородинского сражения и многих других исторических событий. В портретных и психологических характеристиках Толстой также дает детали. От взгляда великого художника не ускользает желтизна на лице Наполеона, его жесты, манера говорить; рисуя портрет «маленькой княгини» Болконской, Толстой то и дело останавливает внимание на ее верхней губе, которая чуть короче нижней; он тонко и тщательно анализирует переживания своих героев.

Бальзак в «Лавке древностей» дает почти инвентарную опись предметов; в «Крестьянах» содержится детальнейшее описание усадьбы, со сведениями о ее владельцах, с цифрами и датами.

Известный русский критик В. В. Стасов высоко оценивал ясность и определенность деталей в живописи. Отмечая упадочный характер многих произведений западноевропейских художников, экспонированных на всемирной выставке 1873 г., он в то же время восторженно писал о картинах польского художника Жеримского «Привал в лесу», «Авангард», «Казаки»: «Натуральность фигур и лошадей, изумительно написанные пейзажи, дым на только что выстрелившем ружье, вороны, каркающие и шлепающие в воздухе крыльями, каждая подробность и мелочь написаны здесь просто изумительно» [1].

Очевидно, что детализация, индивидуализация, взятые сами по себе, еще ничего не решают в вопросе о сути художественного метода. Очевидно также, что принять этот внешний признак за решающий в определении художественного метода значит скатиться на формалистический путь исследования.

---

[1] В. Стасов. Нынешнее искусство в Европе, СПБ., 1874, стр. 135.

Враги реализма неоднократно использовали этот формальный признак для отождествления реализма с натурализмом и борьбы против реализма. Такие выдающиеся реалисты, как художник Крамской и скульптор Антокольский, были объявлены формалистической критикой «центральными фигурами натурализма» [1] на том основании, что созданные ими образы отличаются четкостью и ясностью. Нашлись «критики», которые на этом же основании объявили «образцом натурализма» известную картину А. Лактионова «Письмо с фронта».

Реализм не отрицает детализации изображения, индивидуализации образа, но реалистическая деталь, реалистическая индивидуализация образа в корне противоположна индивидуализации натуралистической.

Чтобы понять это, необходимо разобраться в природе каждой из них.

Классическое решение вопроса о значении детализации, индивидуализации дают известные высказывания Маркса и Энгельса о диалектике индивидуального и типического в реалистическом искусстве. Энгельс, характеризуя реализм, указывает на «правдивость деталей» как на один из существенных его признаков. Оценивая одно из произведений М. Каутской, Энгельс ставил автору в заслугу «четкость индивидуализации» в обрисовке характеров. «...Каждое лицо — тип,— писал Энгельс,— но вместе с тем и вполне определенная личность, „*этот*“, как сказал бы старик Гегель; так оно и должно быть» [2]. Маркс в письме к Лассалю писал об одном из действующих лиц его драмы «Франц фон-Зикинген»: «Гуттен, по моему мнению, уж слишком изображает одно лишь „воодушевление“, а это скучно. Разве он не был в то же время даровит и чертовски остроумен, и не совершил ли ты поэтому по отношению к нему большую несправедливость?» [3].

Индивидуализация образа, события является для Маркса и Энгельса условием реалистического изображения. Образ должен быть живым, должен быть представлен, так сказать, во плоти своей, во всем многообразии индивидуальных особенностей, чтобы быть характерным. Анализируя упомянутую драму Лассаля, Маркс отмечает, что у Лассаля в обрисовке характеров «нехватает как раз характерных черт» [4]. Маркс и Энгельс рассматривают мастерство индивидуализации как свидетельство талантливости художника.

Вместе с тем они подчеркивают, что для того чтобы быть реалистическим, индивидуальное должно представлять собой конкретизацию общего. Энгельс видит совершенство художественного произведения в полном слиянии «большой идейной глубины, осознанного исторического смысла... с шекспировской живостью и действенностью...» [5]

Основоположники марксизма требовали от художника, в первую очередь, глубокого понимания социального смысла изображаемых событий и образов, ибо только такое понимание может обеспечить изображение жизни в ее наиболее существенных проявлениях. Лишь в этом случае в конкретном, индивидуальном может, как солнце в капле воды, отразиться подлинное существо изображаемого. Без глубокого проникновения в сущность явления невозможна действительно реалистическая детализация, индивидуализация.

---

[1] См. А. Кут. Натурализм и натура. Газета «Советское искусство» от 5 марта 1933 г.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, 1938, стр. 161.

[3] Там же, стр. 173.

[4] Там же.

[5] Там же, стр. 176.

Защищая реалистическую индивидуализацию образа, Маркс и Энгельс решительно боролись против плохой, дурной индивидуализации, которая «сводится к мелочному умничанию и составляет существенный признак выдыхающейся литературы эпигонов»[1].

Диалектического единства индивидуального и общего в художественном образе не понимал видный писатель прошлого века Э. Золя. Противопоставляя индивидуальное общему, он сделал ложный вывод, что изображение индивидуального, частного, взятых как таковые, и есть главная и даже единственная особенность реализма.

Вознамерившись «развить» реализм Бальзака и Стендаля и полагая, что он борется с остатками псевдоклассицизма и романтизма в их творчестве, Золя пытался выбросить краеугольный камень реализма — социально-типический образ. В наличии таких образов у Бальзака и Стендаля он видел отступление от «естественности», преувеличение и «романтику».

Реалистические романы Стендаля, содержащие исторические обобщения, являются, по мнению Золя, «произведениями головы», в которых выступает «человечество, очищенное философским приемом»[2].

Золя вполне сознательно нападает именно на широкие социальные обобщения в художественном изображении. Он осуждает образ Вотрена у Бальзака за то, что этот образ выражает собой, по словам Золя, «трагикомедию реставрации», воплощает уродливые противоречия периода реставрации во Франции. Он обрушивается на стендалевского Жюльена Сореля опять-таки за то, что на этот образ «нужно смотреть, как на олицетворение честолюбивых мечтаний и сожалений целой эпохи»[3]. По мнению Золя, это плохо, это «неестественно». И он провозглашает: «Стремление к индивидуальности — вот что является для нас якорем спасения»[4]. Стендаль и Бальзак остановились, по его мнению, на полпути: обратившись уже к индивидуализации, они не отказались еще от обобщений, от синтетического образа. Золя и решил сделать последний шаг якобы «по пути реализма». Думая, что он защищает реализм, он на самом деле обосновывал переход к натурализму.

Типический образ возможен лишь как образ социальный. Отказ натуралистов от типизации означает поэтому стремление отвернуться от социальной действительности, уйти от реальных противоречий общественной жизни. Требование натуралистической индивидуализации проистекает из установки на асоциальность. «Индивидуализированные» персонажи натуралистов — это биопсихологические или биопатологические особи, а не реальные, т. е. общественные, люди. Романы и пьесы братьев Гонкуров, например, почти все представляют собой жизнеописания изолированных от общества индивидуумов; чаще всего это патологические истории болезни, агонии, смерти. Может ли такое изображение быть реалистическим, несмотря на обилие деталей? Ни в коем случае. Асоциальность в изображении действительности означает уничтожение реальной исторической перспективы, реального времени, реального, общественного человека, а стало быть, исключает возможность реалистического художественного образа.

Воюя против социально-типического образа, натуралисты особенно ополчаются на образы героические, возвышенные. Индивидуализация в натурализме тесно связана с представлением о действительности как

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, 1938, стр. 177.
[2] Э. Золя. Собр. соч., т. 46, Киев, 1904, стр. 79.
[3] Там же, стр. 81.
[4] Там же, т. 47, кн. 2-я, стр. 97.

о чем-то банальном, заурядном, низменном. В самое натуралистическое понимание «естественности», «правдивости» вкладывается принижающий человека и действительность смысл. Установка на дегероизацию, принижение образа чрезвычайно характерна для натуралистов. Не случайно Золя упрекал Бальзака в «преувеличении достоинств героев». «Ему все кажется,— писал Золя о Бальзаке,— что они [герои Бальзака.— *А. Б.*] еще мало величественны; и вот своими могучими творческими руками он создает одних гигантов»[1]. Золя считает в противоположность этому, что настоящий реалист, т. е. натуралист, «фатально изгоняет... героев, потому что он признает лишь естественный ход человеческой жизни... В натуралистическом романе ... простые смертные как бы умаляются и занимают подобающее им место, если писатель заботится прежде всего о том, чтобы произведение его было правдиво...»[2]

Практика натурализма показывает, что такого рода «естественность» и «правдивость» приводят на первый взгляд к парадоксальному, а на деле вполне закономерному явлению: обыденное и банальное превращаются в натуралистическом изображении в нечто исключительное, почти сверхъестественное.

Стремление к предельной детализации и индивидуализации как самоцель ведет к формалистическому, по существу, выискиванию «любопытных» индивидуальностей, обыгрыванию «пикантных» деталей. Поэтому, что бы ни писали теоретики натурализма о правдивости и естественности, на практике натуралисты всегда оказываются выискивателями всяких аномалий жизни, отклонений от нормы, «пиратами гнили, вынюхивателями падали».

Эту особенность натурализма прекрасно охарактеризовал Горький. Он писал: «Если я выберу героем рассказа человека с шестью пальцами и наделю его психику постоянным мучительным ощущением уродливости этого придатка или заставлю гордиться им, это, конечно, будет правдиво: люди с шестью пальцами существуют и, вероятно, чувствуют себя неловко, это будет индивидуальность, ибо она подчеркнута мною.

Именно такова индивидуальность в современной литературе [статья написана в 1912 г.— *А. Б.*]. Ее всегда искусственно снабжают каким-то лишним придатком к нормальной психике, чем и вызывают к ней внимание читателя.

Но разве это — задача истинного, свободного искусства? Его задача — общезначимое, типическое; вечные и бессмертные произведения искусства всегда синтетичны, а для синтеза необходимо широкое, всестороннее знание жизни, чего и нет у современного писателя, что и заставляет его обращать внимание на исключительное — на шестой палец»[3].

Таким образом, есть индивидуализация и «индивидуализация». Реалистическая индивидуализация неотделима от типизации и служит средством наиболее глубокого раскрытия действительности. Натуралистическая же индивидуализация, выступающая в отрыве от типизации и рассматриваемая как самоцель, искажает действительность.

Перейдем к рассмотрению второго признака натурализма (фотографичность изображения), который тесно связан с первым и по существу является наиболее полным его выражением.

---

1 Э. Золя, Собр. соч., т. 46, стр. 106.
2 Там же, стр. 105—106.
3 М. Горький. Литературно-критические статьи, 1937, стр. 134—135.

Призыв к фотографированию действительности равнозначен требованию полного устранения личности автора из художественного процесса в целях якобы наибольшей «объективности» изображения, исключения субъективной предвзятости в подходе к действительности.

Вздорность такого требования не нуждается даже в доказательствах, является простой очевидностью, ибо авторское «я» ни при каких условиях исключить из творческого процесса нельзя. Подлинный смысл натуралистического фотографирования (копирования, протоколирования и т. п.) действительности сводится к буржуазной установке на объективистское, безидейное и аполитичное изображение жизни.

Под прикрытием борьбы с субъективной предвзятостью сторонники натурализма отрицают за художником право судить о жизни и высказывать ей свой приговор. Искусство, по их мнению, не должно обвинять или оправдывать, а призвано только констатировать.

Самым основным упреком натуралистов по адресу реализма является упрек в том, что реализм судит, обвиняет и оправдывает — упрек в тенденциозности. Писателю, заявлял Золя, «не нужно ни рассуждать, ни комментировать; ему достаточно излагать» [1]. Романист, по Золя, это «не моралист, а анатом, который довольствуется сообщением того, что он нашел в человеческом трупе» [2].

Итак, во имя якобы правдивости и объективности художник, согласно натурализму, обязан только фиксировать факты, воздерживаясь от какой-либо их интерпретации, от суждений и оценок.

Чем чревато такое понимание задач искусства?

Натуралистический объективизм ведет не к объективности изображения, а к субъективизму, к субъективистской предвзятости и произволу, т. е. как раз к тому, против чего будто бы борется натурализм. Фетишизация факта ни к чему иному привести и не может.

В гносеологическом смысле натуралистическое преклонение перед фактом означает презрение к обобщениям, к теоретическому мышлению. Но поскольку художественное творчество есть мышление и не может не быть им, поскольку художник-натуралист всё же мыслит, то, провозглашая отказ от мышления, он отказывается лишь от правильного мышления. «Сколько бы пренебрежения ни выказывать ко всякому теоретическому мышлению,— писал Энгельс,— все же без последнего невозможно связать между собою хотя бы два факта природы или уразуметь существующую между ними связь. Вопрос состоит только в том, мыслят ли при этом правильно или нет,— и пренебрежение к теории является, само собою разумеется, самым верным путем к тому, чтобы мыслить натуралистически и тем самым неправильно. Но неправильное мышление, если его последовательно проводить до конца, неизбежно приводит, по давно известному диалектическому закону, к таким результатам, которые прямо противоположны его исходному пункту» [3].

Энгельс указывает, что самые крайние степени фантазерства, легковерия и суеверия надо искать как раз у того направления в науке, «которое, чванясь тем, что оно пользуется только опытом, относится к мышлению с глубочайшим презрением и, действительно, дальше всего ушло по части оскудения мысли» [4]. Энгельс называет это пренебре-

---

[1] Э. Золя. Собр. соч., т. 46, 1904, стр. 76.
[2] Там же, стр. 107.
[3] Ф. Энгельс. Диалектика природы, 1949, стр. 36.
[4] Там же, стр. 98.

жение к теоретическому мышлению самым верным путем от науки к мистицизму.

Конечно, художественное мышление является своеобразным мышлением: это — мышление образами. Но это, прежде всего, **мышление**, и закономерности его в такой же мере объясняются марксистско-ленинской теорией отражения, как и закономерности логического мышления. Специфика художественного мышления состоит в том, что оно осознанное общее не отрывает в самом процессе мышления от наглядно-конкретного. Художник, как и ученый, наблюдает, сравнивает, изучает, обобщает, но основной категорией художественного мышления является образ в отличие от понятия в логическом мышлении. Это не значит, что логическое мышление противостоит образному, несовместимо с ним. Художник всегда сознательно оценивает ту или иную ситуацию, выбирает отношения, состояния, положения, создает коллизию, короче — понимает. Образ и понятие настолько переплетаются, что их немыслимо разграничить ни в одном моменте. Противопоставление образного и логического мышления не абсолютно, а относительно.

Процесс художественного мышления, так же как и процесс логического мышления, представляет собой проникновение в сущность вещей; он так же сложен и диалектичен, так же движется «от явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности» [1]. Приведя отрывок из «Тимона Афинского» Шекспира, Маркс замечает: «Шекспир превосходно изображает *сущность* денег» [2].

Извращенность натуралистического изображения состоит в том, что оно стремится искусственно остановить процесс познания на его первой ступени (ощущение, впечатление, представление). Натуралистический подход к объекту содержит в себе заведомый отказ от того, чтобы добраться до истины путем сложного взаимоотношения сознания и объекта. Между тем *«истина* лежит не в начале, а в конце, вернее в продолжении. Истина не есть *начальное* впечатление» [3].

Говоря о возможности фиксировать правду жизни с позиций «незаинтересованной» созерцательности, запрещая строить концепции, обобщать и судить, натуралисты тем самым пытаются устранить, обесценить субъект. Но так как осуществить это невозможно, ибо отрыв субъекта от объекта в познании означал бы вообще невозможность познания действительности, то «объективность» натуралиста оказывается на деле лишь субъективной, поверхностной и произвольной интерпретацией изображаемого.

Субъективизм, идеализм в теории познания ни в какой степени не противоречит фактографии. Напротив, в эмпирическом описательстве субъективные идеалисты видят идеал познания. Мах, например, заявлял, что сущность всякого познания исчерпывается констатацией фактов. Чтобы понять, что такое землетрясение, достаточно, по его мнению, услышать подземный гул, треск стен, грохот камней, увидеть и почувствовать движение мебели, картин, толчки почвы и т. д. Большего разумения, по Маху, и требовать нельзя.

В качестве «фактографа» натуралист держится такой же «установки». Ограничиваясь фактографией, отказываясь от творческой работы мысли, от познания объективной сущности вещей и явлений, натуралист

---

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, 1947, стр. 193.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, 1938, стр. 67. (Курсив мой.— *А. Б.*).
[3] В. И. Ленин. Философские тетради, 1947, стр. 147.

не может не притти к навязыванию действительности своих субъективных домыслов. Фактически в натуралистическом изображении не предмет выражен через «призму темперамента», а темперамент — через предмет. Натуралистический объективизм оказывается не чем иным, как субъективизмом.

Требование «уберечь» художественное произведение от мысли, не дать мысли «испортить» художественное произведение — характернейшая черта натурализма.

Возникает вопрос: обобщает ли натуралист? Разумеется, «обобщает», поскольку он все же мыслит, делает выводы. Но натуралистическое «обобщение» состоит в том, что оно случайное возводит в ранг необходимого и тем самым низводит необходимое до степени случайного. Натуралист уводит от понимания закономерности явлений, искажает объект изображения.

Совершенно неправильно поэтому считать, что натуралист не искажает действительности, а лишь недостаточно обобщает ее. На самом деле коренная разница между реализмом и натурализмом определяется не степенью, а самим характером обобщения.

В качестве примера натуралистического «обобщения» можно привести повесть Л. Андреева «Красный смех», посвященную изображению войны (по всей вероятности, русско-японской войны 1904—1905 гг.).

Сущность войны раскрывается как разгул звериных инстинктов в человеке, как пароксизм всеобщего умопомешательства. Поход армии при 50-градусной жаре, солдаты, убитые на проволочных заграждениях, самоубийство санитара и т. п.— все это принимает у Андреева фантастические размеры. Загипнотизированный этими фактами, автор как бы наслаждается их ужасом, садически смакует «детали». Он совершенно изолирует изображаемые им факты от конкретно-исторической обстановки, лишает их какого бы то ни было социального смысла. Тем самым в превратном виде предстает сущность войны, затушевываются ее причины, скрываются подлинные ее виновники, и она выступает как проявление некоего мистического «Красного смеха».

Гипертрофия факта, односторонней тенденции, настроения — отличительный признак натурализма и способ натуралистического «обобщения». Натуралистический образ является таким «обобщением», которое извращает действительность. По сути дела, натурализм ведет к разрушению образа, ибо натуралистическое изображение не раскрывает сущности, связи, закономерности явлений.

Разумеется, ни фотография, ни художественный документ (очерк в литературе, документальный фильм) сами по себе не могут быть рассматриваемы как натуралистическое изображение. Правда, фотография уступает живописи в возможностях типизации, обобщения. Эти возможности ограничены самой спецификой фотографического обобщения, не создающего синтетического образа, а выбирающего типическое в единичных явлениях жизни. Однако очевидно, что выбор этот также требует умения разбираться в действительности, правильно объяснять ее, т. е. оценивать и произносить приговор. Хорошая фотография так же исключает объективистское невмешательство в жизнь, как и хорошая живопись.

Но когда декаденты начинают заниматься фотографией, то и фотография становится декадентской. Достаточно напомнить о «фотографических экспериментах» немецкого декадента Моголи Наги или формалиста Родченко, в «фотографиях» которых действительность уродовалась до неузнаваемости.

Советской общественностью была в свое время разоблачена пресловутая теория «литературы факта», сводившая литературу к простой регистрации и описанию фактов и по существу направленная на ликвидацию литературы как искусства. В киноискусстве под флагом документальности выступала декадентская группа так называемых «киноков», утверждавших, что для создания фильма требуется немногое: киноаппарат и ножницы. Киноаппарат или «киноглаз» — для того, чтобы подглядывать «правду жизни», ножницы — для монтажа кадров.

Посмотрим на одно из таких произведений «искусства» — на фильм Д. Вертова «Человек с киноаппаратом».

Человек с киноаппаратом выходит из дому подглядеть «правду жизни». Он отправляется с твердым намерением, которое можно прочитать на его безучастном лице: «никакой предвзятости, никакой инсценировки — фиксировать жизнь такой, как она есть».

В результате он нагромождает в фильме кучу разрозненных фактов — сутолока уличного движения, мелькание трамвайных колес, перебегающие улицу пешеходы, сцены рождения, случайной смерти и т. д.,— которые, в целом, создают впечатление бессмысленности жизни.

Что видит автор фильма на фабриках и заводах? Ничего, кроме вертящихся с фантастической быстротой деталей машин, лишенных направляющей их воли. Кому принадлежат эти предприятия, кто на них работает, где люди? Эти вопросы остаются без ответа. Какая страна здесь изображена? Какой исторический период? Обо всем этом можно догадаться разве по форме милиционера. А между тем здесь «сфотографирован» крупный советский город периода индустриализации страны.

Спрашивается, документ ли это? Нет, конечно,— это грубейшая подделка под документ. Жизнь советских людей представлена здесь в извращенном, обессмысленном виде. Подобный «документ» не имеет ничего общего с реалистическими произведениями документального жанра.

Бывают, как мы видим, документы и «документы». Когда декадент приходит в документальный жанр, он и его искажает.

Действительное содержание всех и всяких призывов к «фотографированию», «протоколированию», «копированию» и т. д. состоит в отказе от идейности искусства, в буржуазном объективизме и аполитичности.

Проповедь «невмешательства» в общественную жизнь — таков краеугольный камень натуралистической эстетики, в какие бы одежды она ни рядилась. Натуралисту нет дела до общества, до его нужд, он ставит себя «выше» общества, принимает позу писателя-«сверхчеловека».

Говоря о ранних натуралистах, входивших в группу, руководимую Золя, и повернувшихся спиной к политической борьбе, к социальной действительности, Анри Барбюс совершенно справедливо заметил, что эта группа «оставалась благоговейно верной старому образу поэта, который парит над всем преходящим» [1].

Проповедуя искусство, лишенное «тенденциозности», общественно-политической идейности, натурализм выступает как разновидность реакционной упадочной теории и практики «искусства для искусства». Всякое упадочное течение в искусстве начинает с провозглашения невмешательства искусства в общественную жизнь.

В своей книге «Европейский роман в XIX столетии» русский представитель натурализма и политический реакционер Боборыкин прямо

---

[1] А. Барбюс. Золя, 1933, стр. 127.

и открыто ополчается против какой бы то ни было общественной роли искусства, против социального, политического и даже морального «утилитаризма», заявляя, что «истинный эстетик не может признавать мерила, стоящие вне области красоты...» [1]

Боборыкин упрекал Бальзака за то, что последний не сумел воздержаться от вторжения своей личности в художественное творчество, не захотел всецело отдаться «артистическому мастерству в деле формы». И, напротив, он с восторгом отзывался о Гонкурах, творчество которых представляет-де собой «дальнейшее развитие реалистических приемов, доведенных до nec plus ultra верности, вплоть до перехода в фотографию или же в самую рьяную погоню за новизной, за выискиванием красок, слов, штрихов» [2].

«Безоценочные», якобы беспартийные и равнодушные к классовой борьбе писания натуралистов свидетельствуют отнюдь не о беспристрастии, не о беспартийности. В обществе, разделенном на антагонистические классы, на эксплоататоров и эксплоатируемых, всякая проповедь беспартийности лицемерна, лжива.

«Беспартийность,— писал Ленин,— есть равнодушие к борьбе партий. Но это равнодушие не равняется нейтралитету, воздержанию от борьбы, ибо в классовой борьбе не может быть нейтральных... Равнодушие к борьбе отнюдь не является, поэтому, на деле отстранением от борьбы, воздержанием от нее или нейтралитетом. Равнодушие есть молчаливая поддержка того, кто силен, того, кто господствует... Беспартийность в буржуазном обществе есть лишь лицемерное, прикрытое, пассивное выражение принадлежности к партии сытых, к партии господствующих, к партии эксплуататоров» [3].

Объективная роль «беспартийного» натурализма и состоит в том, что он помогает охранять власть сытых, служит реакционной буржуазии.

Реалистическая эстетика всегда выступала открытым поборником общественного назначения искусства.

Борьба русской революционно-демократической эстетики за реализм в искусстве была борьбой против безидейности, аполитичности, против попыток отвлечь искусство от участия в решении насущных вопросов общественной жизни.

Реалистическое искусство для Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина — это искусство тенденциозное, наполненное страстью живого, заинтересованного утверждения и отрицания. «Отнимать у искусства право служить общественным интересам,— писал Белинский,— значит не возвышать, а унижать его... Это значит даже убивать его...» [4]

Тенденциозность, «сознательность, доведенная до страстности» (Салтыков-Щедрин) рассматривалась русскими революционными демократами как непременное условие глубокого проникновения в сущность предмета и, следовательно, как условие правдивости его изображения. «Вглядываясь в произведения самобытного таланта,— писал Белинский,— всегда находите в них признаки сильной наклонности, иногда даже страсти к чему-нибудь одному, и по тому самому такой талант становится для вас истолкователем овладевшего им предмета.

---

[1] П. Д. Боборыкин. Европейский роман в XIX столетии, СПБ., 1900, стр. 87.
[2] Там же, стр. 585.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 61.
[4] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. XI, 1917, стр. 104.

Он делает его для вас доступным и ясным, рождает в вас к нему симпатию и охоту знать его» [1].

Реалистическая теория воспроизведения жизни, обоснованная Чернышевским, включает в себя, как неотъемлемую часть, оценку и приговор художника. «Существенное значение искусства,— писал Чернышевский,— воспроизведение того, чем интересуется человек в действительности. Но, интересуясь явлениями жизни, человек не может, сознательно или бессознательно, не произносить о них своего приговора» [2].

Характеризуя литературу как силу служебную, значение которой состоит в пропаганде определенных идей, соратник Чернышевского Добролюбов указывал, что достоинство литературы «определяется тем, что и как она пропагандирует» [3].

Русские революционные демократы хорошо понимали, что всякое действительно прогрессивное, действительно ценное и значительное явление в искусстве и общественной жизни должно служить интересам народных масс, что поэтому правильное изображение действительности в искусстве неотделимо от народности. «Если изображение жизни *верно,*— писал Белинский,— то и *народно»* [4].

Этим критерием руководствовался Белинский в оценке достоинств и недостатков любого литературного явления, до конца вскрывая фальшь и вред реакционно-романтических произведений своего времени.

Русская революционно-демократическая критика воспитывала художников в духе служения обществу, народу, в духе высокого сознания гражданского, патриотического долга. «В полной и здоровой натуре,— вдохновенно утверждал Белинский,— тяжело лежат на сердце судьбы родины; всякая благородная личность глубоко сознает свое кровное родство, свои кровные связи с отечеством... *Живой* человек носит в своем духе, в своем сердце, в своей крови жизнь общества: он болеет его недугами, мучится его страданиями, цветет его здоровьем, блаженствует его счастием, вне своих собственных, своих личных обстоятельств» [5].

Великие русские художники-реалисты прошлого века глубоко чувствовали свою кровную связь с народом, творили во имя и ради него. В этом состоит непреходящее значение их творчества.

Материалистическое понимание истории, созданное Марксом и Энгельсом и явившееся великим переворотом в социологии, вооружает нас единственно правильным, научным подходом к вопросам идеологии. Учение о партийности идеологии, разработанное Лениным и Сталиным, до конца разоблачает подлинную классовую природу всех и всяких призывов к «аполитичности» и «беспартийности» искусства.

В классовом обществе, учат Ленин и Сталин, нет и не может быть искусства, свободного от классовых интересов, ибо искусство является формой общественной деятельности и ничем иным быть не может. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» [6],— писал Ленин в знаменитой статье «Партийная организация и партийная литература».

За фразой об абсолютной «свободе творчества» художника в буржуазном обществе Ленин вскрывает худшую форму зависимости и

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. X, 1914, стр. 464.
[2] Н. Г. Чернышевский. Избр. соч. Эстетика и критика, 1934, стр. 107.
[3] Н. А. Добролюбов. Соч., т. II, 1935, стр. 325.
[4] В. Г. Белинский. Избр. соч., т. I, 1934, стр. 108.
[5] Там же, стр. 470.
[6] В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 30.

несвободы, продажность и карьеризм. «Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? — писал Ленин,— от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в рамках и картинах, проституции в виде „дополнения“ к „святому“ сценическому искусству? Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза (ибо, как миросозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность)» [1].

Самая идея беспартийности, указывают Ленин и Сталин, есть в буржуазном обществе идея буржуазная, ибо именно буржуазии выгодно замазывать классовые противоречия для сохранения своей власти над народом. В статье «Беспартийные чудаки» товарищ Сталин, дав уничтожающую критику буржуазной беспартийности, указывает, что эта беспартийность означает замазывание классовых противоречий, замалчивание борьбы классов. «Объединить в союз буржуа и пролетариев, перекинуть мост между помещиками и крестьянами, сдвинуть воз с помощью лебедя, рака и щуки — вот к чему стремится беспартийность» [2].

Когда буржуазия требует от художника «чистого», «беспартийного» искусства, она фактически требует от него реакционности, поддержки буржуазного строя.

Эпоха империализма является эпохой крайнего обострения всех капиталистических противоречий. Империализм — это канун социалистической революции. Империалистическая буржуазия стремится затушевать социальные антагонизмы, она пропагандирует лживые идейки беспартийности, воздержания от политики в целях отвлечения трудящихся масс от революционной борьбы и удержания своего господства.

Этим реакционным целям и служит, в частности, натурализм в искусстве.

* * *

Как направление в искусстве, натурализм возник во второй половине XIX в. во Франции. Он явился одним из выражений уже начавшегося в то время упадка буржуазной культуры, обусловленного соответствующими социально-экономическими причинами.

С ростом капитализма все резче обнажалось основное его противоречие — антагонизм пролетариата и буржуазии. Уже в 30-х и 40-х годах прошлого века классовая борьба пролетариата против буржуазии во Франции достигла большой остроты. В ряде классовых битв французский рабочий класс показал себя активной революционной силой, поднимающейся на борьбу против капиталистического строя.

Перед буржуазной идеологией ставится задача: помочь сохранению господства буржуазии, уверить трудящиеся массы в незыблемости капитализма, завуалировать противоречия между пролетариатом и буржуазией. Буржуазная идеология призывается исказить действительность, замазать объективные тенденции развития капиталистического общества, ведущие к пролетарской революции и уничтожению капитализма.

Не случайно поэтому во второй половине XIX в. усиливается борьба духовных слуг буржуазии против материализма. Одновременно с этим усиливается борьба против реализма в искусстве. Реакционность в политике, идеализм в философии и антиреализм в искусстве всегда шествуют рука об руку, питают и поддерживают друг друга.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 30.
[2] И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 230.

Идеализм в философии и антиреализм в искусстве не всегда выступают открыто, а иногда маскируются под материализм и реализм. Таковы позитивизм и натурализм.

Позитивизм и натурализм тесно связаны между собой. В нашей печати справедливо указывалось на то, что «натурализм связан с буржуазно-позитивистским мировоззрением» [1].

Разоблачение натурализма как скрытого антиреализма неотделимо поэтому от разоблачения позитивизма как скрытого идеализма.

Буржуазная философия позитивизма, получившая распространение с середины прошлого века, представляет собой идеалистическую реакцию на марксистский материализм. Будучи идеалистическим по существу, позитивизм занимается, однако, «тонкой фальсификацией гносеологии, подделываясь под материализм, пряча идеализм за якобы материалистическую терминологию» [2].

Спекулируя словечками «опыт», «положительное знание», позитивисты сводят задачу познания к простой констатации фактов, отбрасывают теоретическое мышление, объявляют сущность вещей непознаваемой. Позитивистский эмпиризм служит прикрытием субъективного идеализма и агностицизма.

Взгляды позитивистов на общество представляют собой смесь идеализма с биологизмом. Позитивистский «метод аналогий» отождествляет общество с биологическим организмом. Смысл этих аналогий состоит в том, чтобы мнимыми ссылками на законы природы «доказать» вечность капитализма и необходимость подчинения эксплуатируемых эксплоататорам.

Ублюдочная философия позитивизма направлена против революционного движения пролетариата. Родоначальник позитивизма Конт писал, что назначение позитивистской пропаганды состоит в том, чтобы «устранить смуту, превращая политическую агитацию в философское движение» [3].

Позитивизм прикрывается объективностью, но подлинная роль позитивистской философии вообще и ее социологии («социальной физики») в частности сводится к борьбе против марксизма, к дезориентации и разоружению пролетариата, к воспитанию у рабочих покорности и смирения перед их угнетателями.

Позитивизм оказал решающее влияние на возникновение натуралистической теории и практики в искусстве.

Систематизатором позитивистской эстетики явился Ипполит Тэн.

Политическое лицо Тэна со всей отчетливостью обнаруживается в его сочинениях по истории Франции, в которых он выступает как ярый враг революции, клевещет на народ и открыто защищает интересы аристократической реакции. Эстетическое сочинение Тэна «Философия искусства», при всем его либеральном словоблудии, является не в меньшей мере реакционным.

Тэн сводит задачу эстетики к коллекционированию и описанию явлений искусства, что должно оправдать якобы нейтральный подход к фактам искусства, воздержание от каких-либо оценок.

Выхолащивая общественное содержание искусства, Тэн выбрасывает из него общественного человека и пытается подменить его биологиче-

---

[1] К новым успехам советского изобразительного искусства. Газета «Культура и жизнь» от 11 сентября 1948 г.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 316.

[3] О. Конт. Дух позитивной философии, СПб., 1910, стр. 44.

ской особью. Это находит выражение в измышленной им схеме «раса — среда — момент», которой, по его мнению, следует руководствоваться при определении ценности произведений искусства.

Значимость произведения художественной литературы обусловливается, по Тэну, тем, насколько глубоко оно проникает в духовную сущность человека. Что же понимает Тэн под духовной, моральной сущностью человека?

Самыми неустойчивыми качествами человеческого характера являются, согласно Тэну, качества, определяемые социальной средой, историческим периодом, «моментом». Это — качества поверхностные и незначительные. Есть, однако, «более глубокие» пласты характера человека. Таковыми являются качества, определяемые расовой принадлежностью. Тэн проповедует расизм, измышляет, будто существует некий особый духовный склад, свойственный «высшим» расам, каковой и является якобы источником возникновения общества, создания религий, философских систем и искусства. Сказать что-нибудь вразумительное об этих таинственных духовных качествах человека «высшей» расы Тэн, конечно, не в состоянии. Он приходит к прямой мистике. Мистику крови (нации, расы) Тэн дополняет мистикой духа,— какими-то неуловимыми особенностями духовного склада «высших рас». Все его рассуждения о расах, способных к самобытной цивилизации и не способных будто бы к ней, носят реакционный характер.

Какие же выводы из этого реакционного вздора делает Тэн в отношении искусства?

Он заявляет, что «лестнице моральных ценностей» должна соответствовать «лестница литературных ценностей». Произведения художественной литературы, отражающие черты, определяемые историческим периодом, общественной средой, являются самыми малоценными и недолговечными. Наоборот, великими произведениями литературы, согласно Тэну, являются те, в которых запечатлены признаки человеческого характера, коренящиеся в «расовом духе».

Все эти рассуждения представляют собой антинаучный, реакционный вымысел. В самом деле, как подвести под тэновскую «лестницу литературных ценностей» произведения великих писателей, в которых, как известно, ни расизма ни мистики нет? Тэн поступает так: он просто извращает творчество, например, Шекспира и Бальзака, утверждает, что «в десяти случаях из двенадцати главное действующее лицо у них маньяк или преступник» [1]. Тэн всячески старается представить дело таким образом, будто Шекспир и Бальзак являются великими писателями не потому, что они, живя интересами своего времени, реалистически отразили типы определенных исторических эпох в типических обстоятельствах, а потому, что проникли в некую таинственную биологическую основу характера человека вообще.

Правда, Тэн вынужден оговориться, что маньяки и преступники не являются с точки зрения «благотворности характера» идеальными типами. Идеальными являются персонажи, воплощающие такие моральные качества, как доброта, нежность, невинность и проч. Но для подобных типов, заявляет Тэн, воздух современной цивилизации неблагоприятен. Причину последнего обстоятельства Тэн видит, однако, не в социально-экономических уродствах, порождаемых капитализмом, калечащим человека, а в том, что цивилизация вообще означает невозможность идеального человека.

[1] И. Тэн. Философия искусства, 1933, стр. 316.

Тэн выражает тоску по человеку-животному, то и дело употребляя вместо слова «человек» такое определение: «животное, именуемое человеком».

Тэн отрицает живое, активное вмешательство литературы в жизнь, отрицает ее общественную роль, пытается выбросить из литературы общественного человека. Он выступает против идейности литературы, заявляя, что в человеке «есть нечто более важное, чем идеи,— ...его первоначальные страсти...» [1]

Тэн провозглашает, что объектом живописи и скульптуры является человек-животное, человек, лишенный каких-либо моральных свойств, и решительно нападает на тех живописцев и скульпторов, которые хотят воплотить в образе какую-либо идею.

Практически все это означает требование к художнику заняться физиологией, патологией, но только не реальным общественным человеком.

Отвлечь художника от злободневных вопросов современности, от борьбы классов и партий, замазать антагонистические противоречия буржуазного общества — такова цель тэновской эстетики.

Позитивистская философия и позитивистская эстетическая теория послужили «обоснованием» антиобщественного декадентского искусства и в первую очередь натурализма.

При рассмотрении позитивистской философии и позитивистской эстетики не может не броситься в глаза одна общая их особенность — биологизм, стремление перенести на общество законы органической природы.

Попытки отождествить законы общественной жизни с законами биологии очень распространены в буржуазной социологии. Особенно усердно действуют в этом направлении нынешние ученые приказчики американо-английской империалистической реакции. При помощи социального дарвинизма, расизма, мальтузианства, лженаучной теории вейсманизма-морганизма и т. д. они стремятся обосновать незыблемость капиталистических порядков, «естественность» капиталистического рабства, неизбежность империалистических войн.

Основоположники марксизма-ленинизма вскрыли антинаучный и реакционный характер «исторического натурализма». Энгельс указывал, что перенесение на человеческое общество биологических закономерностей представляет собой издевательство и над природой и над человеком. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» отмел биологические бирюльки эмпириокритиков в общественно-экономических вопросах. Ленин пишет, что «перенесение биологических понятий *вообще* в область общественных наук есть *фраза*» [2]. Эта фраза служит интересам реакционной буржуазии.

Биологизм во взглядах на общество и человека является существеннейшей чертой натурализма в искусстве. Этот биологизм имеет двоякое назначение: во-первых, он является формой бегства художника-декадента от вопросов социальной жизни, во-вторых, он создает видимость «научной» базы для пропаганды антигуманизма.

Разумеется, биология сама по себе не повинна в том употреблении, какое из нее делают натуралисты. Биология не дает оснований для представления о человеке как о существе низменном, жестоком, эгоистическом. Но в натурализме биология призвана оправдать именно такой

---

[1] И. Тэн. Философия искусства, 1933, стр. 92.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 315.

взгляд на человека. Причем в виде скота и зверя натуралисты изображают, в первую очередь, «простого человека». Это целиком соответствует интересам буржуазии.

Для эксплоататоров, писал Горький, «...полезно видеть ближнего уродом, бездарным, глупым и вообще — существом, которое вполне оправдывает беспощадное, цинически жестокое отношение к нему,— существом, которое требует самых суровых мер для его воспитания» [1].

Следует отметить, что показ низменного, отталкивающего в жизни допускает и реализм. История реалистического искусства содержит много примеров смелого и правдивого изображения картин грязи и пошлости, пороков и преступлений. Задача реалистического изображения подобных явлений состоит, однако, в том, чтобы вскрыть их действительное место в общественной жизни и их социальные причины, чтобы оценить и заклеймить их с точки зрения передовых идей. «Тогда только,— писал Добролюбов,— обычно неприятные картины грязной нищеты и соединенных с нею обманов, пошлостей, невежества и даже преступлений — предстанут нам в своем настоящем свете, когда мы добьемся мыслию или инстинктом до истинных причин их, не в одной натуре того или другого лица, а в целом строе окружающей его жизни» [2].

Натурализм же выдает отвратительное и уродливое за норму и закон, за сущность «человеческой природы». Натуралист не критикует, не отрицает, а смакует отвратительное, своеобразно эстетизирует, а значит и утверждает его.

Биологизм в искусстве, из каких бы соображений он ни принимался художником или теоретиком, неминуемо ведет к проповеди человеконенавистничества, к расизму, к антинародности. Так произошло, в частности, даже с Эмилем Золя, который, приняв позитивистский физиологизм, пришел в некоторых своих произведениях к утверждению, что животное начало является определяющим в человеке.

Золя обладал большим общественным темпераментом, чувством благородной непримиримости ко всякой общественной лжи и несправедливости. Он имел мужество выступить с беспощадным разоблачением преступных махинаций французского буржуазного правительства в известном деле Дрейфуса. Нельзя сомневаться в искренности целого ряда высказываний Золя, свидетельствующих о его демократических симпатиях, о его желании всеми силами способствовать делу прогресса и свободы.

Золя не нашел, однако, правильных путей к реализации своих намерений.

Насилуя свой общественный темперамент, Золя принял лженаучную абстракцию Конта о «социальной физике», которая требует «подняться» над борющимися классами и партиями и с этой позиции «изучать» общество как биологическую особь. Основой эстетических взглядов Золя являлось убеждение, что «социальное круговращение тождественно с физиологическим» [3].

Под прямым влиянием этих лженаучных представлений Золя пишет такие безусловно натуралистические романы, как «Тереза Ракен» и «Человек-зверь». И в том и в другом романе он совершенно покидает социальную почву; законом жизни оказывается борьба всех со всеми.

В «Человеке-звере» все действующие лица охотятся друг за другом и уничтожают друг друга. Служащий Рубо и его жена Северина убивают

[1] А. М. Горький. О литературе, 1937, стр. 340.
[2] Н. А. Добролюбов. Соч., т. II, 1935, стр. 578.
[3] Э. Золя. Собр. соч., т. 47, стр. 126.

старика — богача Гранморена. Северина и машинист Жак Лантье, одержимый манией убийства, с этой же целью охотятся за Рубо. Затем Жак убивает Северину. Тщедушный старик, железнодорожный сторож Мизар отравляет свою жену Фазию. Дочь Фазии Флора совершает массовое убийство, устроив крушение поезда, и потом сама кончает самоубийством. Наконец, Жак и его друг кочегар Пекэ убивают друг друга. Целая цепь кошмарных преступлений.

Золя заходит в тупик, упирается в чудовищный вывод, что социальные преобразования и борьба за них не изменят положения трудящихся, ибо человек — зверь по природе.

Чем же объяснить тот факт, что в большинстве своих произведений Золя является все-таки реалистом? Объяснения следует искать в следующих обстоятельствах.

Во-первых, в творчестве Золя дают себя знать социальные противоречия капиталистического общества, которые толкают каждого честного художника к решению общественных вопросов. Во-вторых, надо иметь в виду громадный художественный талант Золя, который никак не мог уместиться в объективистских, ориентирующих на невмешательство в жизнь теоретических принципах натурализма. Золя следует традициям бальзаковского реализма, которые проявились хотя бы в широком историческом замысле «Ругон-Маккаров», перекликающихся с «Человеческой комедией» Бальзака. Вследствие всего этого Золя проделал значительную отдушину и в самом каменном мешке своих эстетических взглядов. Таковыми являлись его высказывания о роли общественной среды.

«Я предполагаю,— писал Золя,— что при изучении семьи, группы живых существ, общественная среда также имеет громадное значение»[1]. В соответствии с этим Золя предъявляет к романисту такие два требования, осуществление которых, по его мнению, необходимо, но которые на деле являются противоположными друг другу и исключающими друг друга: 1) «Знать механизм естественных явлений у человека, показать, каким образом проявляются мысли и чувства, все это основать на объяснении физиологии, на влиянии наследственности и окружающих обстоятельств»; 2) «затем уже показать человека, живущего в социальной среде, которую он сам произвел, которую он ежедневно изменяет и в которой он, в свою очередь, претерпевает постоянные изменения»[2].

Из этого компромисса, вполне понятно, ничего не получается. Идейная и художественная ценность романов Золя находится в прямой зависимости от того, какая из этих двух задач выдвигается им на первый план. В тех произведениях, которые «изучают» преимущественно «механизм естественных явлений у человека», подходят к человеку с точки зрения физиологии, мы имеем явное преобладание натурализма — гипертрофию «фактов», субъективистскую трактовку событий, увлечение натуралистической деталью, грубейший физиологизм, принижающий человека («Тереза Ракен», «Человек-зверь», «Земля»). Напротив, там, где преимущественное внимание автора обращено на социальную среду, мы имеем общественно ценные произведения, которые, несмотря на серьезные натуралистические погрешности, не потеряли своей значительности до сегодняшнего дня. Сюда можно отнести подавляющее большинство романов Золя.

Золя являлся больше теоретиком, чем практиком натурализма. Подлинными родоначальниками натурализма, как направления в литературе,

[1] Э. Золя. Собр. соч., т. 47, стр. 121.
[2] Там же, стр. 121—122.

следует считать братьев Гонкуров, в произведениях которых физиологизм в искусстве полностью выражает их злобный антидемократизм и антинародность.

История натурализма показывает, что он эволюционирует в направлении все большего обнаружения своей антиреалистической, антинародной сущности, все большего слияния с открыто декадентскими направлениями.

Натурализм получает наибольшее распространение и проявляется в наиболее отвратительных формах в буржуазном искусстве эпохи империализма — эпохи загнивания капитализма, его общего кризиса.

В русском буржуазном искусстве «расцвет» натурализма падает на конец XIX и начало XX вв. и выражает собой буржуазно-дворянскую реакцию на пролетарский этап русского освободительного движения. Декадентские писатели типа Ф. Сологуба, Л. Андреева, М. Арцыбашева выступили с гнусной проповедью человеческой животности, пытаясь тем самым отвлечь массы от участия в революционной борьбе, воспитать в них социальный цинизм, растлить их политически и морально. После поражения революции 1905 г., в период столыпинской реакции, они в своих писаниях поносили революцию, клеветали на народ, пытаясь представить революционное движение масс как слепую и бессмысленную ярость сорвавшегося с цепи зверя.

«Появилась целая орава модных писателей,— говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)»,— которые „критиковали“ и „разносили“ марксизм, оплевывали революцию, издевались над ней, воспевали предательство, воспевали половой разврат под видом „культа личности“»[1].

Писатели-натуралисты, как и весь декадентский лагерь, не только порвали с великими традициями русского классического реализма, но приложили все усилия к тому, чтобы их дискредитировать. Гуманизму русской классической литературы XIX в. они противопоставили человеконенавистничество; ее демократизму, народности — отвратительную клевету на простого человека; ее социальному, освободительному пафосу — защиту буржуазно-помещичьего строя.

Крайней степени реакционности и антихудожественности натурализм достиг в современном буржуазном искусстве, находящемся, как и вся буржуазная культура, в состоянии полнейшего маразма.

Главным поставщиком реакционной натуралистической мерзости, преподносимой под видом искусства, являются США — центр современной империалистической реакции. Натурализм в американском декадансе всячески поощряется. В конкурсе на лучшую американскую новеллу в 1947 г. премии получили четыре новеллы — три из них с сюжетами, взятыми якобы из «повседневной жизни». В одной из новелл описывается убийство, совершенное мальчиком; во второй — герой — шизофреник; в третьей — основу сюжета составляет несчастный случай с девушкой и дается подробное описание клинической операции. В четвертой же премированной новелле речь идет о фантастических событиях — с колдунами, оборотнями, упырями и т. д.

Натурализм в современном буржуазном «искусстве» почти целиком сомкнулся с открыто упадочными течениями, полностью обнаружив тем самым свою декадентскую, антиреалистическую, антидемократическую природу. Характеризуя нынешний декаданс, А. А. Фадеев справедливо отметил, что в нем «с предельной ясностью обнажены эти уже почти слившиеся две ипостаси литературного вырождения: зоологический

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 96—97.

натурализм, с одной стороны, и заумная символика, с другой, представляющая зачастую ту же эстетизацию низменного в человеке» [1].

Это не значит, что натурализм уже оставил свои попытки подделываться под реализм. Под какими бы вывесками ни выступал натурализм, именуя себя то сюрреализмом, то экзистенсиализмом, то «клиническим» и «магическим» реализмом, он не перестает маскироваться под реализм как в теории, так и на практике.

В США произведения таких массовых видов искусства, как кино и литература, обычно имитируют реализм. Эта «реалистическая» мимикрия декаданса совершенно не случайна. Будучи предназначенными для массового читателя и зрителя, американская литература и кино призваны в наиболее «удобоваримой» форме протащить в массы реакционные идеи, духовно растлить и оболванить народ в соответствии с целями магнатов финансового капитала, преступных поджигателей новой войны.

Прикрываясь словами: «правда жизни», «жизнь, как она есть» и т. п., натуралисты преподносят под видом «правды» смакование различных низменных побуждений, физиологических и психических извращений и т. п. Пресловутый французский экзистенсиалист Сартр видит в изображении подобных явлений «углубление реализма».

В основе новейшего натурализма попрежнему лежит биофизиологический (теперь вернее будет сказать: биопатологический) взгляд на человека, служащий почвой для самого отвратительного человеконенавистничества. Так, английский декадент Д. Лоуренс заявляет, что для него не существует человека со стороны его человеческих качеств,— общественно-политической деятельности, интеллекта, морали и т. д.,— его интересует человек-животное, зверь, самец, самка. В этом «эстетическом» откровении со всей омерзительностью раскрывает себя современный буржуазный биологизм в искусстве.

Превратить человека в животное, поставить его на четвереньки — такова задача современных декадентов, претендующих на то, чтобы называться «реалистами».

Характерным примером «литературы», пропагандирующей презрение к человеку, является роман Стейнбека «Заблудившийся автобус».

Джон Стейнбек известен как автор талантливого реалистического романа «Гроздья гнева». Но, став на службу империалистической реакции, он не смог остаться на позициях реализма и скатился к натурализму. Его роман «Заблудившийся автобус» является свидетельством измены реалистическому методу. Стейнбек отказался от показа социальных противоречий жизни, от изображения реального, общественного человека. Место последнего заняла у него биологическая абстракция, человек вообще. Персонажи и события выключаются тем самым из действительных жизненных связей, из реальных взаимоотношений.

В романе Стейнбека изображаются дорожные приключения пассажиров одного автобуса, который заблудился в ночной темноте. Пассажиры — люди самого различного общественного положения и возраста: от проститутки до коммерсанта, от зеленого юноши до больного старика. По сюжету роман напоминает известный рассказ Мопассана «Пышка», в котором автор также сталкивает друг с другом в дорожной карете различных людей буржуазного общества. Этим чисто внешним обстоятельством исчерпывается, однако, все сходство. Перед нами произведения диаметрально противоположные.

---

[1] А. Фадеев. Задачи литературной теории и критики. «Проблемы социалистического реализма». Сборник статей, 1948, стр. 35.

Мопассан, как известно, дает меткую сатиру на «хозяев жизни» буржуазного общества, на фабрикантов и аристократов, разоблачая их показную добродетель и порядочность, их мнимый патриотизм, который исчерпывается любовью к своему родовому или благоприобретенному имению, к фабрике и кошельку. На фоне этих людей проститутка выглядит единственно порядочным человеком и патриоткой. Мопассан вскрывает социальную подоплеку отвратительного поведения своих «высокопоставленных» персонажей. И потому критика его принимает действенный характер, приводит читателя к правильным выводам, независимо даже от того, желал ли сам автор таких выводов.

Стейнбек на первый взгляд тоже как будто «критикует». Но на протяжении всего романа он только тем и занимается, что показывает, до какой степени отвратительны, извращены, похотливы, подлы и опустошены его герои. Тут нет ни одного порядочного человека. В романе Стейнбека выступает коллекция нравственных уродов. Отвратительны и богатые и бедные, и старые и молодые, отвратительны не вследствие таких-то и таких-то причин, а уже потому, что все они люди.

Омерзительная клевета на человека и составляет «идею» романа. Это даже не мысль, а, говоря словами Горького, «распутная и разнузданная болтовня», болтовня невежественная, но злорадная, «точно крик больного, который хочет, чтобы весь мир заболел вместе с ним!» [1] Автор намерен «доказать», что выведенные им характеры — норма человека и что возмущаться по этому поводу бесполезно. Перед нами пасквиль на человека.

Суть натуралистического антигуманизма заключается, конечно, не в какой-то абстрактной нелюбви к человеку вообще. Эта мизантропия имеет совершенно конкретный классовый смысл. Она направлена своим острием против трудящихся, против их борьбы за освобождение от гнета эксплоататоров и перестройку общества на началах подлинной демократии и социальной справедливости. Внушая мысль о низости, аморальности человека, она стремится привить трудящимся мысль о естественности бесчеловечных буржуазных отношений, о бессмысленности революционной борьбы против капиталистов.

Целый ряд такого рода «произведений» преследует прямую цель — убедить трудящихся в невозможности и неосуществимости социализма. «Вы спросили меня,— говорит в кабаке «герой» одной из пьес американского «драматурга» О'Нила,— почему я отошел от рабочего движения. По многим веским причинам. Первая заключалась во мне самом, вторая причина — это мои товарищи, а последняя — стадо свиней, называемое человечеством вообще» [2].

Пусть трудящиеся и не помышляют о социализме, не борются с империалистами,— таков смысл этой гнусной клеветы на человека.

В большом ходу в теперешнем растленном буржуазном «искусстве» произведения, посвященные теме предательства, ренегатства в рабочем движении. Все они построены по одному образцу: так как человек вообще есть существо аморальное, трусливое, двоедушное, эгоистичное, то никакой преданности идее, никакой способности к самопожертвованию, ни даже элементарной честности от него ожидать нельзя. Отсюда вывод: предательство — дело «естественное» и осуждению не подлежит.

---

[1] М. Горький. Литературно-критические статьи, 1937, стр. 135.

[2] Цит. по статье М. Мендельсона «Американские смертяшкины», «Новый мир», 1948, № 12, стр. 216.

В США на поприще оправдания предательства подвизается О'Нил; во Франции на этой теме специализируются такие продавшиеся американскому империализму предатели французского народа, как А. Жид, Сартр, Пишон и др. Они уже давно и настойчиво оплевывают славные дела и традиции героев движения Сопротивления, изо всех сил стараются вытравить во французах чувство национальной гордости, чтобы облегчить окончательное закабаление страны американскими монополиями. В Англии пропагандой предательства занят циник и порнограф Кестлер.

Натурализм культивирует не только социальное, но и национальное предательство. Имея своим отправным пунктом «человека вообще», человека, лишенного всяких национальных черт, чувства патриотизма, он распространяет отравленные идеи национального нигилизма, безразличия к родине, питается изменнической идеологией буржуазного космополитизма и питает ее.

Весьма распространенным в современном, особенно американском, натурализме, является изображение человека-зверя. Бешено вооружающийся американский империализм, одержимый бредовой идеей завоевания мирового господства, нуждается в неразмышляющих солдатах-убийцах. Воспитанию таких головорезов и служит американское «искусство». Насилия и убийства, нагромождение садистских подробностей, самое откровенное смакование жестокости составляют основное содержание американских кинофильмов и массового литературного чтива; гангстер, насильник, убийца — излюбленные «герои» произведений американского кино и литературы. При этом извращенность и преступность представляются как «естественное» состояние и поведение человека.

Этот культ жестокости и садизма усиливается в фильмах с антикоммунистической тематикой, особенно там, где изображается преследование «красных» и расправа с ними.

Такого рода «духовная» продукция усиленно экспортируется в маршаллизованные страны с целью морального и политического разложения народов этих стран, подготовки из них пушечного мяса, наемных солдат, готовых убивать и умирать во имя прибылей американских монополистов.

В одном из романов американского литературного гангстера Г. Джексона, называющего себя «клиническим реалистом», изображается город, жители которого сплошь заражены жаждой крови, убийства. Главный «герой» романа Адамс совершает свои зверские преступления не из каких-либо корыстных соображений: он — убийца по натуре.

Для чего понадобилось декадентскому выродку Джексону, осмеливающемуся называть себя «писателем», населить город и весь мир существами, которые много хуже диких зверей? Ответ на этот вопрос может быть только один: перед нами та же оголтелая, истерическая пропаганда войны, которая исходит от черчиллей, кеннонов, даллесов. Джексон «доказывает», что человек — убийца по самой своей природе и воевать ему, следовательно, необходимо. Профессиональный убийца Адамс в своем последнем слове на суде выразил желание «разбомбить какой-нибудь город». «Воспитанные» на такой «литературе» американские бандиты варварски бомбят сейчас мирные города и села Кореи, истребляют женщин, стариков, детей, превращают в развалины школы, больницы, научные учреждения.

Вся эта грязная реакционная стряпня, все эти вопли растленных и обреченных не имеют никакого права на то, чтобы называться искус-

ством. Классики искусства прошлого и особенно проникнутое высокой коммунистической идейностью советское искусство научили и учат все передовое и прогрессивное человечество глубокому уважению к той благородной отрасли духовной деятельности человека, которая называется художественным творчеством. И, конечно, нельзя принять за него проповедь человеконенавистничества, гниения и смерти, исходящую от современных натуралистов в буржуазном искусстве.

* * *

Безидейный, антинародный натурализм бесконечно чужд и враждебен героической советской действительности, высокоидейному, проникнутому принципом большевистской идейности советскому искусству.

Советское искусство твердо и уверенно идет по пути социалистического реализма, указанному товарищем Сталиным.

В 1932 г. в беседе с писателями товарищ Сталин определил художественный метод советского искусства как социалистический реализм. Это гениальное определение имело решающее значение для дальнейшего развития советского искусства. Антиреалисты всех мастей, пытавшиеся свернуть наше искусство с реалистического пути на путь буржуазного модернизма, получили уничтожающий удар.

Великое значение сталинского определения метода советского искусства состоит, во-первых, в том, что оно указало на действительное место, которое занимал и занимает реализм в искусстве, как единственно плодотворный, единственно правильный метод изображения действительности.

Определение товарища Сталина показывает, во-вторых, что советское искусство не является чем-то возникшим на пустом месте, чем-то лишенным исторической преемственности. Социалистический реализм, имеющий свои исторические корни, в то же время наследует и развивает лучшие реалистические традиции искусства прошлого, является законным наследником этих лучших традиций.

Наконец, определение товарища Сталина подчеркивает, что реализм советского искусства представляет собой качественно новую и высшую форму реализма, именно — социалистический реализм.

Качественное своеобразие искусства социалистического реализма обусловливается тем, что оно базируется на теоретическом фундаменте философии марксизма-ленинизма и является проводником коммунистических идей великой партии Ленина — Сталина. Оно отображает новый, советский общественный и государственный строй, не знающий эксплоатации человека человеком и являющийся самым передовым и прогрессивным в истории общественным строем. Оно служит делу полного освобождения человечества от всякого порабощения и гнета.

Слабость критического реализма прошлого при всей его направленности против эксплоататорского строя заключалась в том, что поскольку это был реализм допролетарский, то в нем отсутствовал научно обоснованный общественный идеал, и он не мог видеть той общественной силы, которая способна положить конец всякой социальной несправедливости.

Это не значит, что критический реализм только отрицал, ничего не утверждая. Отрицание должно нести в себе момент утверждения и без него немыслимо; в противном случае отрицание превращается в натуралистическое смакование уродства, грязи, пошлости, т. е. перестает быть отрицанием.

Оптимизм, жажда социальной справедливости и уверенность в возможности ее достижения вовсе не были чужды критическому реализму. Вне этого условия невозможно подлинно реалистическое, высокохудожественное изображение жизни. «Нужно выработать в душе,— писал Добролюбов, обращаясь к художнику,— твердое убеждение в необходимости и возможности полного исхода из настоящего порядка этой жизни для того, чтобы получить силу изображать ее поэтическим образом...» [1]

Великие русские художники-реалисты прошлого века ставили своей целью служение народу, черпали свои силы в связи с народом. «В чем была тогда сила искусства? — говорил М. И. Калинин, имея в виду русское реалистическое искусство XIX в.— Она заключалась в том, что крупные художники направляли свой талант, свое мастерство к тому, чтобы по своему разумению выразить чаяния народа» [2].

Но реализм прошлого был исторически ограничен. Его представители не владели знанием законов общественного развития. И это приводило к тому, что когда дело доходило до утверждения, то художник выдвигал какой-нибудь всегда абстрактный, утопический идеал — «по своему разумению».

Вдохновляемое научно обоснованным коммунистическим идеалом, советское искусство приобретает громадную сознательную целенаправленность, исключительный пафос утверждения нового.

Искусство социалистического реализма дает верное, глубоко правдивое изображение действительности. «Пишите правду»,— учит советских художников великий Сталин.

И именно правдивое, реалистическое отображение советским художником нашей действительности обусловливает такую характерную черту социалистического реализма, как революционная романтика, ярко выраженная устремленность в завтрашний день.

«...Революционный романтизм,— говорил А. А. Жданов,— должен входить в литературное творчество, как составная часть, ибо вся жизнь нашей партии, вся жизнь рабочего класса и его борьба заключаются в сочетании самой суровой, самой трезвой практической работы с величайшей героикой и грандиозными перспективами. Наша партия всегда была сильна тем, что она соединяла и соединяет сугубую деловитость и практичность с широкой перспективой, с постоянным устремлением вперед, с борьбой за построение коммунистического общества» [3].

Определяющую черту метода социалистического реализма составляет большевистская, коммунистическая идейность.

Будучи основой основ советского искусства, большевистская идейность является качественно новой и высшей формой проявления идейности по сравнению с принципом общественно-политической тенденциозности критического реализма. Базируясь на научной идее коммунизма, большевистская идейность полностью разрешает проблему тенденциозности, исключает субъективистскую, утопическую тенденцию.

Большевистская идейность, партийность не только не противоречит правдивости, но, напротив, является условием до конца правдивого изображения жизни в искусстве. Как страстное, сознательное утверждение идеи научного коммунизма, большевистская партийность является высшей формой объективности.

---

[1] Н. А. Добролюбов. Соч., т. II, 1935, стр. 578.

[2] М. И. Калинин о литературе. Сборник статей и высказываний, 1949, стр. 77.

[3] А. А. Жданов. Советская литература — самая идейная, самая передовая литература в мире, 1934, стр. 3.

Пролетариат — это класс, олицетворяющий собой то новое в общественной жизни, что неодолимо. Объективный ход истории совпадает с его субъективными, классовыми интересами; история работает на него. Поэтому пролетариат не боится исторической правды, а, наоборот, заинтересован в наиболее глубоком ее познании. Совпадение объективных закономерностей самой действительности с субъективными интересами пролетариата и порождает неразрывную связь партийности и объективности в марксистско-ленинском мировоззрении.

Особенность интересов пролетариата состоит также в том, что они не являются узко-классовыми, своекорыстными. Классовая борьба пролетариата направлена к тому, чтобы уничтожить всякую эксплоатацию человека человеком, а это соответствует интересам всех трудящихся. В принципе большевистской идейности, партийности советского искусства получает свое выражение подлинный гуманизм и народность.

И потому наше советское искусство не боится обвинений в тенденциозности. «Да, советская литература тенденциозна,— говорил А. А. Жданов в своей речи на I Всесоюзном съезде советских писателей,— ибо нет и не может быть в эпоху классовой борьбы литературы не классовой, не тенденциозной, якобы аполитичной. И я думаю, что каждый из советских литераторов может сказать любому тупоумному буржуа, любому филистеру, любому буржуазному писателю, который будет говорить о тенденциозности нашей литературы: „Да, наша советская литература тенденциозна, и мы гордимся ее тенденциозностью, потому что наша тенденция заключается в том, чтобы освободить трудящихся — все человечество от ига капиталистического рабства“» [1].

Гуманизм внутренне присущ искусству социалистического реализма. Великий художник пролетариата А. М. Горький не случайно начал свое творчество гимнами «человеку с большой буквы», людям «с солнцем в крови». В очерке «Читатель» Горький с чувством благодарности говорит о старых реалистах, как о людях, одухотворенных «неукротимым стремлением к совершенствованию бытия», «глубокой верой в человека». Именно поэтому «они создавали книги, которых никогда не коснется забвение... В этих книгах есть и мужество, и гнев пылающий, в них звучит любовь искренняя и свободная...» [2]

Социалистический гуманизм является законным наследником гуманистических традиций прошлого. Но он не ограничивается этим наследием. Это — гуманизм высшего порядка. Он свободен от абстрактности прежнего гуманизма, он неотделим от революционной борьбы за построение коммунистического общества. Его любовь и ненависть имеют совершенно конкретный адрес — это ненависть к капиталистической эксплюатации и неисчерпаемая любовь к трудящимся массам, к социалистическому Отечеству, к героической партии Ленина — Сталина, к вдохновителю и организатору славных побед коммунизма — великому Сталину.

В условиях победившего в нашей стране социализма гуманизм выражается в действенной, сталинской заботе о советском человеке.

Социалистический строй создает подлинно человеческие отношения между людьми, отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи. Социализм открывает безграничный простор для расцвета личности, для развития всех ее талантов и способностей.

---

[1] А. А. Жданов. Советская литература — самая идейная, самая передовая литература в мире, 1934, стр. 12.

[2] М. Горький. Соч., т. II, 1928, стр. 292.

Советский художник призван культивировать в своих читателях и зрителях качества нового, коммунистического человека, поддерживать и развивать в советских людях всё то высокое и прекрасное, что порождается в них социалистическими формами труда и общежития, и искоренять старые, буржуазные пережитки в сознании советских людей. Назвав советских писателей «инженерами человеческих душ», товарищ Сталин со всей силой подчеркнул воспитательную задачу нашего искусства, его действенную роль.

Без гуманизма, без активной, действенной любви к трудящемуся человеку, без заботы о духовном росте советских людей невозможно представить себе искусства социалистического реализма. Отмечая лучшие произведения советских художников, газета «Культура и жизнь» в статье «К новым успехам советского изобразительного искусства» писала: «Своим благородным гуманистическим пафосом, вниманием и любовью к человеку, реалистической ясностью они противостоят упадочному искусству гниющего буржуазного общества — искусству, далекому от жизни, изломанному, больному» [1].

Борьба за высокую идейность советского искусства неотделима от борьбы за совершенную художественную форму. Передовое идейное содержание требует адэкватной формы. Глубокая идейность в сочетании с высоким художественным мастерством — вот чего требуют партия и народ от советского художника.

Гениальные работы товарища Сталина по вопросам языкознания, являющиеся выдающимся вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма, составляют развернутую программу борьбы за дальнейшее улучшение художественной формы произведений советской литературы, за совершенство, чистоту и точность их языка.

Руководимое и направляемое большевистской партией советское искусство, социалистическое по содержанию, национальное по форме, сыграло громадную роль в пропаганде великих идей коммунизма, в укреплении морально-политического единства советских людей и мобилизации их на выполнение и перевыполнение планов социалистического строительства. Заслуги советского искусства признаны и высоко оценены советским народом.

Но советские художники не могут останавливаться на достигнутом. Перед советским искусством стоит большая патриотическая задача: в ярких, высокохудожественных формах дать образ советского человека, отразить великие достижения советского народа в его борьбе за коммунизм и неустанно пропагандировать и утверждать новое, передовое, прогрессивное; помочь большевистской партии и Советскому государству воспитать нашу молодежь бодрой, верящей в свои силы, не боящейся никаких трудностей.

Советское искусство призвано изображать социалистическую действительность в ее революционном развитии, показывать в сегодняшнем труде и успехах советских людей яркие черты коммунистического завтра и тем освещать советским людям путь вперед.

В условиях социализма искусство стало фактором огромного общественного, государственного значения, великой преобразующей силой. Никогда за всю прошлую историю искусство не занимало столь видного и почетного места в общественной жизни, как при социализме.

Но именно это накладывает на советского художника особую ответственность за чистоту его мировоззрения и творческого метода. Необхо-

---

[1] К новым успехам советского изобразительного искусства. Газета «Культура и жизнь» от 11 сентября 1948 г.

дим решительный отпор каким бы то ни было попыткам заразить наше искусство ядом буржуазного декадентства.

Питательной средой для проникновения всякого рода декадентских тенденций в советское искусство являются пережитки буржуазной идеологии в сознании некоторых советских художников. Наличие таких пережитков свидетельствует о том, что художник не овладел марксистско-ленинским мировоззрением, не усвоил принципа большевистской идейности. Отсюда — проявления позорной болезни низкопоклонства перед разлагающейся буржуазной культурой, увлечение западной декадентской «модой» в искусстве.

Рецидивы декадентства в нашем искусстве дают себя знать как в формалистических, так и в натуралистических извращениях, имеющихся у отдельных художников.

В постановлении ЦК ВКП(б) и докладе А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» был разоблачен грубый натурализм в произведениях М. Зощенко.

Опошляя советского человека, натурализм антипатриотичен, антинароден, ибо именно советский человек является высшим завоеванием социализма, представляет собой цвет и гордость современного человечества.

Разоблаченные советской общественностью критики-космополиты ориентировали советских художников столь же на натуралистическое, сколь и на формалистическое изображение советской действительности, когда они делали ставку на дегероизацию образа советского человека в искусстве, на принижение и развенчание его. Выдвигая формалистическое требование «драматизма ради драматизма», показа «внутренних конфликтов» и психической раздвоенности в сознании и поведении советских людей, они обнаруживали тем самым злобно мещанское неверие в высокие морально-политические качества советского человека.

Свести духовную сущность советского человека к низменным страстям и побуждениям — таков смысл демагогического лозунга критиков-космополитов: рисовать «грубую правду» жизни.

В свое время Горький подверг разоблачению отвратительный буржуазно-мещанский взгляд на действительность, с точки зрения которого человек изображается «начиненным непримиримыми противоречиями мысли и чувства» [1]. Горький вскрывает классовую подоплеку такого представления о человеке, показывает, что оно выгодно эксплоататорам. Перенося причину несчастий человека в самого человека, объясняя их «роковым несовершенством» человеческой природы, эксплоататоры и их идеологические прислужники пытаются скрыть подлинную причину жизненных зол — социальную несправедливость буржуазного общества и тем самым «утвердить свое „идейное“ право на узурпацию чужого труда, право на паразитизм» [2]. Именно поэтому паразиты, говорит Горький, заражены сладострастной любовью к «трагедиям жизни».

Такой взгляд на жизнь и человека решительно враждебен самому духу советской идеологии, советского гуманистического искусства, которое с первого дня своего возникновения активно борется с проклятым наследием капитализма, ставит задачу «выпрямить» душу трудящегося человека, искалеченную веками рабства, помочь ему обрести человеческое достоинство и осознать себя подлинным хозяином жизни.

---

[1] А. М. Горький. О литературе, 1937, стр. 366.
[2] Там же, стр. 367.

При социализме человек-труженик впервые стал сознательным творцом истории. Советскому человеку свойственны высокая идейность, горячее чувство патриотизма и интернационализма, сознание общественного долга, новое, невозможное в других общественных формациях, отношение к труду, коллективизм, кипучая творческая активность. Советские люди продемонстрировали исключительную твердость духа, стойкость, волю к победе, сознательный и массовый героизм в войне против фашистских захватчиков. Одержав блестящую победу над фашизмом, они спасли мировую цивилизацию.

«Где вы найдете,— говорил товарищ Жданов,— такие великолепные качества людей, какие проявил наш советский народ в Великой Отечественной войне и какие он каждый день проявляет в трудовых делах, перейдя к мирному развитию и восстановлению хозяйства и культуры!» [1].

Нельзя правдиво изобразить советскую действительность, не разглядев, не поняв замечательных идейных и нравственных качеств советских людей.

В лучших произведениях советского искусства простой человек, скромный труженик выглядит как герой. Закономерно ли это? При реалистическом изображении советской действительности это неизбежно. Труд и борьба советских людей героичны по своему содержанию, ибо советский человек трудится и борется как строитель коммунизма, он прокладывает дорогу к светлому будущему всему человечеству. Всякий труд в нашей стране, направленный на достижение великой цели — построения коммунистического общества, носит возвышенный характер, является делом чести, славы, доблести и геройства. «...Последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства...» [2]

Советская литература в таких лучших своих образцах, как «Счастье» П. Павленко, «Кавалер Золотой Звезды» С. Бабаевского, «Далеко от Москвы» В. Ажаева и многих других, пропитана благородным, глубоко патриотическим стремлением раскрыть смысл одухотворенного созидательного труда советских людей, показать, как в процессе этого труда воспитываются и проявляются качества, делающие простого советского человека подлинным героем.

Натурализм, убивающий все возвышенное и героическое, уродующий и опошляющий советскую действительность, враждебен советской действительности, советскому искусству.

Борясь с проявлениями натурализма в советском искусстве, следует помнить, что он не всегда выступает в грубой, обнаженной форме и не всегда проистекает из убежденно декадентского взгляда на действительность.

А. М. Горький, отечески заботившийся о развитии советского искусства, часто рассматривал рецидивы натурализма как следствие неопытности художника или его несерьезного, поверхностного отношения к теме. Но и в этих случаях Горький подчеркивал, в первую очередь, «неправильное отношение к жизни», вследствие чего внимание художника «останавливается по преимуществу на отрицательных явлениях ее и как бы не замечает явлений, требующих утверждения, развития» [3].

---

[1] А. А. Жданов. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», 1946, стр. 36.
[2] И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 590.
[3] А. М. Горький. Литературно-критические статьи, 1937, стр. 601.

Поверхностное отношение к теме обусловило порочность кинофильма «Большая жизнь» (2-я серия), осужденного известным постановлением ЦК ВКП(б). В постановлении Центрального Комитета нашей партии отмечается, что в этом фильме извращена общая картина восстановления Донбасса, «...дано фальшивое, искажённое изображение советских людей. Рабочие и инженеры, восстанавливающие Донбасс, показаны отсталыми и малокультурными людьми, с очень низкими моральными качествами». Фильм проповедует отсталость, бескультурье, невежество. ЦК ВКП(б) указал, что причины выпуска подобных фильмов заключаются «в незнании предмета, в легкомысленном отношении сценаристов и режиссеров к своему делу», в том, что «некоторые работники искусства, живя среди советских людей, не замечают их высоких идейных и моральных качеств, не умеют по-настоящему отобразить их в произведениях искусства» [1].

Стремясь к правдивому изображению жизни, некоторые советские художники до сих пор не могут освободиться от неправильного понимания правдивости, связывают это понятие с задачей изображения преимущественно бытовых подробностей, видя в этом «глубину» проникновения в жизнь.

Такое, в корне ошибочное представление о реалистической правде довлеет, очевидно, над писательницей Антониной Коптяевой и приводит ее к срывам явно натуралистического порядка. В своем романе «Иван Иванович» писательница, создав удачный образ врача-новатора Ивана Ивановича, в изображении почти всех остальных персонажей подчеркивает в целях, видимо, «углубления» реализма, прежде всего их несовершенство, наделяя каждого каким-нибудь нравственным или физическим недостатком. «Углубляясь» в этом направлении, А. Коптяева начинает копаться в супружеских изменах, сплетнях, семейных дрязгах, с ненужными антихудожественными подробностями описывает сцены клинических операций, аборта и т. д.

Советская эстетика и критика ведут борьбу на два фронта: против формализма и против натурализма. Но проводя борьбу на два фронта, следует в то же время видеть единую декадентскую сущность и формализма и натурализма. И формализм, и натурализм имеют одинаковое, буржуазное происхождение. Оба они базируются на одних и тех же реакционных «методологических» принципах, каковыми являются: асоциальность, аполитичность, безидейность, характеризующие их как направления так называемого «чистого искусства».

Формализм и натурализм различны только по внешности, по приемам изображения: натуралист стремится к передаче внешней похожести отдельных предметов, деталей, формалист же может открыто игнорировать всякую похожесть. Однако это различие, поскольку оно выдерживается, является различием в пределах формального подхода к объектам изображения. И для формализма и для натурализма характерен отрыв формы от содержания и превращение ее в самодовлеющую сущность.

Натуралистическое изображение предметов, явлений сплошь и рядом переходит в чисто формалистическую погоню за «новизной», за эстетскими зрительными и слуховыми эффектами. И, наоборот, формалист, который выискивание этих эффектов делает главной своей целью и потому сознательно не считается с содержанием объекта изображения, легко приходит к грубому и уродливому натурализму.

---

[1] Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б), 1947, стр. 559—561.

В своем выступлении на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б) товарищ Жданов убедительно показал, что формалистическое трюкачество в музыке сопровождается введением в музыку грубого натурализма, немузыкальных звуков и шумов, что чуждый советскому искусству формализм «осуществляет замену естественной, красивой, человеческой музыки музыкой фальшивой, вульгарной, зачастую просто патологической» [1]. «Надо сказать прямо,— говорил А. А. Жданов,— что целый ряд произведений современных композиторов настолько перенасыщен натуралистическими звуками, что напоминает, простите за неизящное выражение, не то бормашину, не то музыкальную душегубку» [2].

Натурализм обнаруживает свою родственность не одному формализму.

В таких картинах украинского художника З. Толкачева, как «Цветы Освенцима», «Оккупанты», «Христос в Майданеке», не представляется возможным разграничить натурализм и экспрессионизм и символизм.

Изображая фашистские зверства на нашей временно оккупированной территории, автор не сумел осмыслить события во всей их полноте, отдался чувству страха, ужаса. Показывая действительность в таком сугубо одностороннем плане, художник нагромождает страшные натуралистические подробности, смакует страдание и смерть, вызывая в зрителе чувство подавленности и даже отвращения. В итоге художник приходит к мистической символике, вводя образ Христа. В целом, картина событий искажена, образ советского человека принижен, а оккупанты выступают в виде какой-то непобедимой стихийной силы.

И натурализм и формализм являются выражением буржуазной идеологии. Поэтому искоренение остатков их влияния — необходимая составная часть той непримиримой решительной борьбы за преодоление пережитков капитализма в сознании советских людей, которую ведет сейчас большевистская партия и Советское государство.

Чтобы создать высокохудожественные, нужные партии и народу произведения, советский художник должен уметь видеть, наблюдать. Мировоззрение художника должно быть партийным. Без этого художник не поймет до конца великого смысла и значения совершающихся на его глазах событий и может уподобиться тому иностранному наблюдателю, который, по словам А. М. Горького, «останавливается не на фактах новой стройки, а на мусоре разрушаемого старого» [3].

* * *

На международной арене идет соревнование двух общественных систем — социалистической и капиталистической.

В этом соревновании со всей отчетливостью проявилось не только превосходство социалистической системы хозяйства над капиталистической, но и превосходство социалистической культуры вообще, советского искусства в частности над разлагающимися культурой и искусством буржуазного мира.

Советское искусство оплодотворено великими и прекрасными идеями коммунизма; оно уходит своими корнями в народ и служит ему верой

[1] Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). 1948, стр. 136.
[2] Там же, стр. 143.
[3] А. М. Горький. О литературе, 1937, стр. 341.

и правдой; оно противостоит империалистическому мракобесию и варварству, исполнено боевого революционного духа, устремлено в прекрасное коммунистическое завтра. Советское искусство служит нашей великой социалистической Родине, являющейся надеждой всего передового человечества.

Когда советский художник берет в руки перо, кисть, резец, чтобы приступить к воплощению своего замысла, он должен постоянно иметь в виду смысл той великой борьбы, в которой он неизбежно примет участие своим будущим произведением. Каждое глубоко идейное и высокохудожественное произведение, созданное им,— будь то книга, картина, скульптура, кинофильм,— это еще одно выигранное сражение в идеологической борьбе против лагеря империалистической реакции, еще один шаг вперед в деле строительства великого здания коммунизма.

Г. В. ПЛАТОНОВ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ В ТРУДАХ К. А. ТИМИРЯЗЕВА

Климент Аркадьевич Тимирязев дорог советскому народу и всему прогрессивному человечеству как выдающийся ученый-революционер, еще до Октября 1917 г. ставший под боевое красное знамя социалистической революции. Тимирязев — гениальный биолог-материалист, заложивший научные основы современного учения о фотосинтезе и других разделов физиологии растений. Отстаивая и развивая прогрессивные, материалистические положения эволюционной теории Дарвина, Тимирязев вел непримиримую борьбу против вейсманизма, витализма и других проявлений идеалистической реакции в биологии. Он многое сделал для научно-теоретической подготовки полной победы мичуринской биологической науки, одержанной в наше время советскими биологами.

Крупнейшие достижения великого русского ученого связаны с тем, что он в своей научной работе не был узким, односторонним специалистом, не являлся слепым эмпириком, а поднимался до широких философских обобщений. Его мировоззрение и научные взгляды сложились под благотворным влиянием великих русских мыслителей — Герцена, Белинского, Чернышевского, Писарева, Сеченова. Тимирязев был убежденным материалистом. Поэтому глубоко понять все значение Тимирязева в развитии биологической науки невозможно без анализа его философских взглядов.

Настоящая статья посвящена рассмотрению взглядов Тимирязева по вопросам теории познания. Хотя у Тимирязева нет специальных исследований, посвященных теории познания, в его трудах находят освещение все ее основные вопросы. Он сознательно ставит и материалистически решает вопрос об отношении сознания к материи, о соотношении чувственной и логической ступеней познания, о познаваемости мира, о роли практики в процессе познания, о непримиримой противоположности материализма и идеализма.

* * *

Тимирязев считает, что в процессе познания надо итти «от природы к человеку», т. е. от объекта к субъекту, а не наоборот. Самая широкая задача науки, пишет он, «...сводится к тому, чтобы, отправляясь от „бытия", как данного, объяснить, почему оно таково, а не иное...» [1].

Тимирязев убежден в материальности мира, в объективном, независимом от сознания существовании окружающей нас действительности. Природа рассматривается Тимирязевым как совокупность различных форм материи. В одной из его записных книжек, хранящихся в Мемо-

[1] К. А. Тимирязев. Соч., т. IX, 1939, стр. 192.

риальном музее К. А. Тимирязева, имеется такое определение материи: «Что такое материя? — Это подлежащее, без которого ни один глагол не имеет смысла» [1].

Материя, указывает Тимирязев, находится в постоянном движении и изменении. «...Мы не знаем,— подчеркивает он,— материи без движения» [2]. В другом месте Тимирязев пишет: «...В природе, в доступной нам части вселенной, существует известное количество вещества, одаренного известным количеством движения...» [3].

Вместе с физиками-материалистами своего времени Тимирязев полагает, что всё мировое межпланетное пространство заполнено невесомым и неосязаемым эфиром. Эфир он понимает не как нечто нематериальное, как это имело место у физиков-идеалистов. Вместе с Максвеллом, Столетовым и Лебедевым он считает, что эфир — также материя, но лишь более тонкая, а потому непосредственно не воспринимаемая нашими органами чувств.

Органический мир — животные и растения — характеризуется Тимирязевым как одна из форм движущейся материи. Во всей своей научной деятельности он исходит из того, что живая материя, как и материя в целом, подчинена определенным закономерностям: закону сохранения материи, закону сохранения и превращения энергии и т. д. Тимирязев не отрицает специфики живых существ, видя ее в постоянном обмене веществ с окружающей средой, но в то же время он указывает, что в органической материи нет ничего сверхъестественного. «Все объективные проявления жизни,— пишет он,— сводятся к трем категориям явлений: это или превращения вещества, или превращения энергии, или, наконец, превращения формы» [4].

Указывая на материальный характер мира, Тимирязев рассматривает сознание как продукт материи, как нечто вторичное. На низших ступенях своего развития материя не обладала еще этим свойством. Сознание возникло позднее, с появлением высокоорганизованных живых существ.

В черновом наброске одной из лекций Тимирязев писал, что сознание возникло во времени. В записной книжке № 14 мы находим у него такое выражение: «Дарвин и Маркс как знатоки жизни понимали, что в начале было не слово, а бытие, породившее и *слово* и *мысль*» [5].

Тимирязев заявляет, что и на современном уровне развития жизни мышление присуще далеко не всем представителям органического мира, как считали фитопсихологи, сторонники признания души у растений,— Гартман, Франсе, Паули, Немец, а за ними и некоторые преклоняющиеся перед западными «авторитетами» русские ученые — Фаминцын, Бородин, Половцев и др. Линия их рассуждений, исходящих из пресловутого «интроспективного метода», была такова: внутренний опыт каждого человека, являющегося одним из звеньев общей органической цепи, свидетельствует о том, что он чувствует и мыслит. Эволюционное учение доказало единство органического мира. Следовательно, весь органический мир чувствует и мыслит. Таков формально-логический вывод, к которому пришли представители механистического взгляда на эволюцию, как на простое накопление количественных изменений без изменений качественных.

---

[1] К. А. Тимирязев. Записная книжка № 27. Музей К. А. Тимирязева.
[2] К. А. Тимирязев. Соч., т. IV, стр. 73.
[3] Там же, т. III, стр. 306—307.
[4] Там же, т. VI, стр. 41.
[5] К. А. Тимирязев. Записная книжка № 14. Музей К. А. Тимирязева. (Курсив наш.— *Г. П.*).

Тимирязев дал блестящую отповедь защитникам фитопсихологии. Он писал: «Эволюционное учение считает одним из своих устоев положение, что индивидуальное развитие, онтогенезис, есть сокращенное повторение филогенезиса, т. е. истории существ, стоящих на различных ступенях органической лестницы. С другой стороны, к кому же применять этот внутренний опыт, как не к самому себе, как не к человеку. И, однако, я никогда еще не читал автобиографии или мемуаров, где бы автор посвящал первую главу впечатлениям из периода своей эмбриональной жизни. Пресловутый интроспективный метод, в том единственном случае, где бы он мог пригодиться, оказывается неприменимым. Если я не могу себе представить, что я чувствовал не только в состоянии клетки, но даже годовалого ребенка, то как же я буду угадывать психику растения?» [1].

Это рассуждение Тимирязева обнаруживает не только сознательно материалистическое понимание им отношения мышления к материи, но и дает яркий пример диалектического подхода Тимирязева к явлениям природы.

Признавая материальное единство мира, Тимирязев, вместе с тем, отмечает качественное своеобразие различных форм материи. Тимирязев неоднократно говорит не только о коренном отличии живого от мертвого, но и об огромном различии между животными и растениями. В ответ на клеветнические нападки акад. Фаминцына Тимирязев писал, что не только никогда не смешивал березы с человеком, но даже укорял своих противников за произвольное навязывание такого легкомыслия представителям строгой науки.

Тимирязев признает у растений и низших животных чувствительность, т. е. способность реагировать на воздействие внешнего раздражителя. В 1876 г. в своем цикле лекций «Жизнь растения» он говорил: «Если под чувствительностью разуметь отзывчивость к раздражению, т. е. раздражительность, возбудимость, то мы должны признать эту способность и за растением» [2].

Позднее, в конце XIX — начале XX в., когда волна панпсихизма распространилась особенно широко, Тимирязев, чтобы не давать повода отождествлять признаваемую им чувствительность растений с «раздражением» в том психическом смысле, как понимали ее сторонники фитопсихологии, заменяет этот термин в применении к растениям следующим выражением: «...Явления движения, которыми растение отвечает на внешние воздействия» [3]. В отношении же раздражения у высших животных он пишет, что «под явлениями раздражения мы правильно привыкли разуметь быструю реакцию животного на внешние воздействия, благодаря присутствию в нем нервной системы...» [4].

Стремление Тимирязева избежать употребления термина «раздражение», «раздражимость» в применении к растениям и низшим животным, не обладающим нервной системой, является безусловно неоправданным. Марксистский философский материализм понимает под раздражимостью способность всякого организма реагировать на внешние воздействия. Раздражимость обща и растениям и простейшим животным. Животные же, имеющие нервную систему, обладают более высокой формой отражения внешнего мира — способностью ощущения.

---

[1] К. А. Тимирязев. Соч., т. V, стр. 421.
[2] Там же, т. IV, стр. 291—292.
[3] Там же, т. V, стр. 419.
[4] Там же, стр. 420.

«Первое живое существо,— пишет товарищ Сталин,— не обладало никаким сознанием, оно обладало лишь свойством **раздражимости** и первыми зачатками **ощущения**. Затем у животных постепенно развивалась способность ощущения, медленно переходя в **сознание**, в соответствии с развитием строения их организма и нервной системы» [1].

Борясь с идеализмом фитопсихологов, Тимирязев проявляет, таким образом, излишнюю осторожность, когда отказывается от термина «раздражимость» в отношении растений и низших животных. Но он совершенно верно говорит о возникновении на определенных ступенях развития материи сначала чувствительности, затем — ощущения и, наконец,— сознания. Тимирязев пишет: «Если то, что мы называем сознанием, начинается во времени в нашем личном развитии, то мы должны заключить, что оно возникло во времени и в истории органического мира» [2].

Тимирязев правильно считает, что простейшая чувствительность и сознание не тождественны друг другу. Утверждение фитопсихологов, будто растение мыслит, Тимирязев опровергает следующим образом. Никто не станет утверждать, что каждая клетка видит. Но зрение — простое чувство, сознание же — ряд сложных чувств. Поэтому допустить, что клетка сознает, мыслит, было бы еще менее разумным.

Тимирязев видит также качественное различие между ощущением и развитым сознанием, мышлением. В отличие от Фейербаха и других материалистов-метафизиков, он отнюдь не сводит мышления к «универсальному чувству». «Сознание,— пишет Тимирязев,— это нечто бесконечно сложное, низший гомолог которого нисколько на него не похож и поэтому не может служить для психологического объяснения». И далее: «Сознание — высшая стадия усложнения» [3].

Тимирязев рассматривает человеческое сознание как функцию определенного материального органа — головного мозга человека. «Если мы знаем, что оно [сознание.— *Г. П.*] утрачивается с повреждением известного органа, то правильнее заключить, что оно есть а т р и б у т э т о г о о р г а н а» [4] [подчеркнуто мною.— *Г. П.*].

Если нет органа, то не может быть и его функции. Нет головного мозга — не может быть и сознания. Поэтому, продолжая критику фитопсихологов, Тимирязев пишет: «Современная фитопсихология предлагает науке двадцатого столетия... задачу — изучать несуществующую функцию несуществующего органа» [5].

Тимирязев считает сознание вторичным также и потому, что оно представляет собой лишь отражение объективного, вне нас и независимо от нас существующего мира. «Я не мыслимо без не-Я,— пишет он,— как изнанка без лицевой стороны; Я без не-Я лишено содержания и не существует» [6]. Эта мысль Тимирязева совпадает с положением диалектического материализма о том, что «наше „я“ существует лишь постольку, поскольку существуют внешние условия, вызывающие впечатления в нашем „я“» [7].

Природу, материальную действительность Тимирязев называет единственным источником знания. Он пишет: «...Если я допускаю, что теория верна..., то тем самым заявляю, что она согласна с подлинником, т. е.

---

[1] И. В. С т а л и н. Соч., т. 1, стр. 313.
[2] К. А. Т и м и р я з е в. Черновая запись лекции. Музей К. А. Тимирязева.
[3] К. А. Т и м и р я з е в. Записная книжка № 27. Музей К. А. Тимирязева.
[4] К. А. Т и м и р я з е в. Тезисы лекций. Музей К. А. Тимирязева.
[5] К. А. Т и м и р я з е в. Соч., т. V, стр. 421.
[6] К. А. Т и м и р я з е в. Записная книжка № 14. Музей К. А. Тимирязева.
[7] И. В. С т а л и н. Соч., т. 1, стр. 318.

природой, и, наоборот, опровержение ее могу видеть только в ее несогласии с этим подлинником. Верность теории и согласие ее с природой для натуралиста — одно и то же: говоря об одном, говоришь и о другом» [1].

Тимирязев считает, что произведения искусства, так же как и научные теории, являются лишь отражением природы, материальной действительности. Критикуя эстетствующих символистов, пытавшихся стереть грань между действительностью и бредом, трактовавших художественный образ как зыбкий условный знак «иных миров», Тимирязев писал: «Напрасно жрецы новой красоты рвутся из пределов действительности, пытаясь дополнить ее болезненной фантазией мистика или бредом морфиномана,— одна действительность была и будет предметом истинного, здорового искусства» [2].

Тимирязев восстает против попыток махистов, в частности Петцольда, дать идеалистическое истолкование ощущений как чего-то субъективного. Он считает, что наука не может ограничиться чувственными восприятиями, ощущениями, а должна «пытаться проникнуть в объективную область тех внешних явлений, которыми вызываются эти ощущения» [3].

Отмечая, что Тимирязев стоял на позициях материалистической теории отражения, мы должны, вместе с тем, подчеркнуть, что эта теория выражена у него лишь в самых общих чертах. Тимирязев не вскрывает всей сложности процессов отражения материальной действительности в сознании человека, как этого требует диалектический материализм.

Порой Тимирязев допускает ошибочные формулировки. Так, например, он заявляет: «...Понятие о яркости света чисто субъективное, вне глаза, в природе не имеющее смысла. ...Световое, в тесном смысле слова, напряжение лучей, или их относительная яркость, в природе, помимо глаза, не существует; это — только субъективное впечатление нашего зрительного аппарата...» [4].

Правильно полагая, что ощущение света в природе само по себе не существует, что таковым оно является в нашем глазу, Тимирязев не подчеркивает того факта, что это ощущение имеет своим источником вне нас существующую объективную реальность и отражает ее, что свет есть одна из форм движущейся материи.

В книге «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин, указывая на то, что всякое ощущение субъективно по своей форме, в то же время подчеркивает, что ощущение объективно по своему источнику и содержанию. Он определяет ощущение как субъективный образ объективного мира. Специально о световых ощущениях В. И. Ленин пишет: «Наши ощущения света зависят от действия колебаний эфира на человеческий орган зрения. Наши ощущения отражают объективную реальность, т. е. то, что существует независимо от человечества и от человеческих ощущений» [5].

Тимирязев не отрицает объективного источника световых ощущений. Напротив, для того, чтобы подчеркнуть объективное существование света, он считает необходимым самый термин «свет» заменить другим — «лучистая энергия». Но, не владея единственно правильным, диалектико-материалистическим методом, Тимирязев не может дать подлинно научного определения соотношения ощущения и отражаемого им внешнего мира.

---

[1] К. А. Тимирязев. Соч., т. VII, стр. 384.
[2] Там же, т. V, стр. 229.
[3] Там же, т. VIII, стр. 16
[4] Там же, т. I, стр. 247—248.
[5] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 288—289.

Ограниченность материализма Тимирязева сказывается и в том, что, критикуя идеалистические направления в философии и естествознании, он обычно называет их метафизикой. Он допускает, таким образом, ту же ошибку, какую допускал Н. Г. Чернышевский, о котором В. И. Ленин писал, что «он в своей терминологии смешивает противоположение материализма идеализму с противоположением метафизического мышления диалектическому...» [1].

* * *

Тимирязев рассматривает познание как процесс, который складывается из ряда ступеней, фаз.

Как и все материалисты, Тимирязев считает первой ступенью познания чувственное восприятие предмета. Хотя вопрос о роли чувственной ступени познания разработан у Тимирязева значительно слабее, чем вопрос о логической ступени, в его сочинениях имеется достаточно материала, чтобы установить, что исходным моментом познания он считает чувственное восприятие, получающееся в результате наблюдения и опыта. Тимирязев заявляет, что ученый и практик идут одним путем в своем стремлении изучить природу и подчинить ее разумной воле человека. Он пишет: «Знание, основанное на наблюдении и опыте, вот единственный верный путь в том и другом случае...» [2].

Окружающий его мир, являющийся источником ощущений, человек воспринимает при помощи своих органов чувств. Органы чувств Тимирязев называет посредниками между окружающим нас объективным миром и нашим сознанием. Выступая против субъективных идеалистов и сведения ими мира к комплексу ощущений, Тимирязев пишет: «Оба конца, которые они [чувства.— *Г. П.*] соединяют, одинаково реальны — только ребёнок ищет свет в глазу, звук в ухе» [3].

Там, где материальные явления не воспринимаются органами чувств непосредственно (например, магнитные волны), на помощь нам, говорит Тимирязев, приходит целый ряд инструментов, которые в громадной мере увеличили мощь наблюдателя, усилили наши органы чувств. С помощью этих приборов человек вполне способен к чувственному восприятию всех форм материи, окружающих нас.

Особенно большое значение для познания внешнего мира Тимирязев придает тем чувственным восприятиям, которые получаются в результате активного воздействия человека на природу, в результате опыта, научного эксперимента. Он называет эксперимент «важнейшим средством познания», считает, что наши чувственные восприятия значительно обогащаются, если «мы не довольствуемся страдательной ролью наблюдателя, а вступаем в борьбу с ней [природой.— *Г. П.*], причем экспериментальное искусство предлагает к нашим услугам целый строй снарядов и приемов» [4].

Тимирязев пишет, что эксперимент помогает человеку объяснить явления вместо того, чтобы просто описывать их. Тимирязев подвергает критике пренебрежительное отношение к эксперименту со стороны Гете, утверждавшего, что человек познает истину только при помощи разума, а не при помощи каких-то «рычагов и тисков».

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 345.
[2] К. А. Тимирязев. Соч., т. V, стр. 144.
[3] К. А. Тимирязев. Записная книжка № 14. Музей К. А. Тимирязева.
[4] К. А. Тимирязев. Соч., т. IV, стр. 230—231.

Рассматривая чувственное восприятие предметов как первую и совершенно необходимую ступень процесса познания, Тимирязев сознает, что для объяснения явлений природы, для понимания сущности предметов мало одних восприятий. Для этого нужно использовать «умственные орудия»— нашу способность к отвлеченному мышлению и обобщениям. Стремление к сближению отдаленного, к соединению разделенного — к обобщению составляет, пишет Тимирязев, сущность мыслительной деятельности ученого [1].

Тимирязев критикует как тех, кто отказывается от чувственного опыта, основывая все свои научные представления на умозрении, так и тех, кто ограничивается простым наблюдением и описанием фактов. Он ополчается против того, что «наука так бесцеремонно загромождается сырым материалом, нередко еще носящим название „ценного вклада",— массой наблюдений и опытов, не приведших самого наблюдателя ни к какому определенному заключению и тем более обременяющих беспомощного читателя» [2]. Тимирязев называл эмпирическое накопление фактов без теоретического их обобщения «заболачиванием науки».

Тимирязев требует, чтобы при помощи теоретического осмысливания опытных данных вскрывались общие закономерности развития природы.

Тимирязев указывает на опытное происхождение понятий, абстракций. Получающиеся в результате критической переработки наших чувственных восприятий понятия не представляют собой чего-то исключительно субъективного. В их основе, так же как и в основе наших ощущений, лежит объективный мир.

Тимирязев доказывает, например, объективное содержание понятия «вид».

Известно, что Дарвин не имел четкого представления об объективности вида. Он писал, что термин «вид» является совершенно произвольным, придуманным ради удобства. Отнесение различных групп организмов к разновидности или виду зависит, по его мнению, от субъективных качеств исследователя. Шлейден, один из соавторов учения о клетке, также делал большую ошибку в решении вопроса о виде. Он считал, что учение об естественно-историческом виде — последнее убежище средневекового схоластического реализма, поощряемого богословами. Иначе говоря, Шлейден отрицал объективное существование вида. Понятие вида он считал голой абстракцией, которой ничто не соответствует в действительности.

Критикуя Шлейдена, Тимирязев пишет:

«Соединение разновидностей в видовые группы, точно так же как и соединение видов в роды, родов в семейства, конечно, достигается путем отвлечения, но положение, что виды, из которых слагаются коллективные единицы высшего порядка, в большем числе случаев не связаны в одно непрерывное целое, а представляют между собою отдельные звенья разорванной цепи, есть простое заявление наблюденного факта и никаким образом не вытекает из психологического процесса образования отвлеченных понятий. Шлейден прав, говоря, что „лошадь" вообще не существует иначе, как в нашем представлении, потому что отвлеченная лошадь не имеет масти. Это верно по отношению к вариации в пределах этого понятия. Но отвлеченность общего понятия „лошадь" по отноше-

---

[1] См. там же, т. IX, стр. 254.

[2] Там же, т. III, стр. 206.

нию к обнимаемым им конкретным частным случаям не уничтожает того реального факта, что лошадь как группа сходных существ, т. е. все лошади, резко отличается от других групп сходных между собою существ, каковы осел, зебра, квагга и т. д. Эти грани, эти разорванные звенья органической цепи не внесены человеком в природу, а навязаны ему самою природою» [1].

В еще более отчетливой форме мысль об объективном существовании вида выражена Тимирязевым в его пометках на книге воинствующего антидарвиниста Н. Я. Данилевского. Данилевский утверждал, что видовые признаки произвольны. Тимирязев по этому поводу пишет: «Это напускное тупоумие, ведь род и вид даны природой, а не выдуманы» [2].

Сознательно материалистическое истолкование природы, диалектический подход к проблеме конкретного и абстрактного, сложного и простого позволяет Тимирязеву стать гораздо выше Дарвина в решении проблемы вида.

Тимирязев указывает, что общие понятия, создающиеся мышлением в результате отвлечения от частностей отдельных наблюдений, от деталей отдельных конкретных фактов, дают более глубокое проникновение в действительность.

Тимирязев понимал огромную роль теории и критиковал тех, кто отрицал ее значение. Чувственная и логическая ступени познания выступают у него в тесной и неразрывной связи, как это имело место и у Герцена, который говорил, что опыт и умозрение — два магдебургских полушария, которых лошадьми не разорвешь.

Тимирязев указывает, что пренебрежение к теоретическим обобщениям фактов породило представление, будто назначение науки заключается в разработке частностей. «Явились целые полчища специалистов, различных истов и логов, размежевавших природу на мелкие участки и не желавших знать, что творится за пределами их узкой полосы. Смешивая осторожность с ограниченностью, трезвость и строгость мысли — с отсутствием всякой мысли, эти пигмеи самодовольно провозглашали, что наш век — не век великих задач, а всякого, пытавшегося подняться над общим уровнем, чтобы окинуть взором более широкий горизонт, величали мечтателем и фантазером» [3].

Высокая оценка Тимирязевым значения теории ярко проявляется в его отношении к гипотезе. Гипотеза — это научное предположение, которое делается для объяснения объективной связи явлений тогда, когда эта связь еще не находит всестороннего доказательства с помощью наблюдений или опытов. Тем не менее, гипотеза не есть оторванное от действительности порождение нашего ума. В основе гипотезы лежит материальная действительность. Гипотеза создается на базе ранее познанных законов и вновь открываемых человеком пока еще немногих, единичных фактов.

Субъективные идеалисты выступают с отрицанием роли гипотез в процессе познания. Особенно проявили себя в этом отношении махисты, обрушивавшиеся на гипотезу атомного строения материи. Отрицание ими значения гипотезы ведет свое происхождение еще от основоположника позитивизма — Конта, отводившего гипотезе весьма ограниченное место.

---

[1] К. А. Тимирязев. Соч., т. VI, стр. 105. (Разрядка моя.— *Г. П.*).

[2] К. А. Тимирязев. Пометки на книге Н. Я. Данилевского «Дарвинизм», т. I, ч. I, стр. 267. Музей К. А. Тимирязева.

[3] К. А. Тимирязев. Соч., т. VII, стр. 62.

Тимирязев, напротив, видит в гипотезе «могучее логическое орудие исследования». Он считает, что наука не может развиваться, не создавая гипотез. «Без нее современный биолог не может сделать ни шага, если не хочет ограничить свой труд одним только описанием встречающихся ему живых тел...» [1].

Тимирязев требует, чтобы гипотеза, во-первых, строилась на основе фактов, а во-вторых, не претендовала на безгрешность до тех пор, пока она не будет подтверждена опытными данными.

Тимирязев называет научную гипотезу не только обобщающей, но и направляющей мыслью, «новой рабочей силой, в высшей степени плодотворной, побуждающей к свежей деятельности и открывшей новые области для исследования» [2]. Такого рода гипотезой он считает учение Дарвина. Вместе с тем, он говорит, что учение Дарвина — не простая догадка, а необходимый, логически обязательный вывод из нескольких фактов,— вывод, от которого нельзя уклониться.

По Тимирязеву, научная гипотеза — не просто служебный прием, а обобщение, вывод из имеющихся в настоящее время опытных данных. Это обобщение могут опровергнуть лишь новые факты, идущие вразрез с имеющимися. Гипотеза, подтвержденная фактами, становится теорией, отражающей объективную закономерность.

Понимание гипотезы Тимирязевым близко к тому, что писал о гипотезе Энгельс:

«Формой развития естествознания, поскольку оно мыслит, является *гипотеза*. Наблюдение открывает какой-нибудь новый факт, делающий невозможным прежний способ объяснения фактов, относящихся к той же самой группе. С этого момента возникает потребность в новых способах объяснения, опирающегося сперва только на ограниченное количество фактов и наблюдений. Дальнейший опытный материал приводит к очищению этих гипотез, устраняет одни из них, исправляет другие, пока, наконец, не будет установлен в чистом виде закон. Если бы мы захотели ждать, пока материал будет готов *в чистом виде* для закона, то это значило бы приостановить до тех пор мыслящее исследование, и уже по одному этому мы никогда не получили бы закона» [3].

Тимирязев не просто излагает свой взгляд на гипотезу, но и дает последовательную, принципиальную критику идеалистических, махистских воззрений в этом вопросе. Он показывает несостоятельность попытки Оствальда свести к нулю значение гипотезы заменой самого термина «гипотеза» новым словечком «прототеза» (предварительное допущение). «...В недавнее время,— пишет Тимирязев,— явилась научная школа, отрицающая значение гипотезы вообще. Оствальд проповедовал освобождение науки от какой бы то ни было гипотезы и прежде всего от гипотезы *атомистической*, но новейшие успехи физики принудили его торжественно признать свою ошибку и сознаться, что в настоящее время *атом, молекула* — факты, наблюдаемые и подлежащие опытному исследованию» [4].

Так же материалистически решает Тимирязев и близкий к вопросу о гипотезе вопрос о воображении, о научной фантазии. Он вскрывает объективную основу воображения и подчеркивает его роль в развитии науки.

---

[1] Там же, т. VII, стр. 210.
[2] Там же, стр. 54.
[3] Ф. Энгельс. Диалектика природы, 1949, стр. 191.
[4] К. А. Тимирязев. Соч., т. VIII, стр. 463—464

Фантазия — это не что иное, как своеобразное отражение объективного мира в сознании человека. Она комбинирует, перерабатывает явления действительности. Ленин придавал фантазии огромное значение, требуя только, чтобы это полезное свойство человеческого ума не абсолютизировалось. «Эта способность,— писал В. И. Ленин.— чрезвычайно ценна. Напрасно думают, что она нужна только поэту. Это глупый предрассудок! Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчислений невозможно было бы без фантазии. Фантазия есть качество величайшей ценности...» [1].

Идеалист отрывает воображение от материальной действительности, считая его имманентным свойством нашего ума. Еще Чернышевский указывал на ложность такого понимания фантазии. Он писал, что фантазия, хотя и содержит элементы активной, субъективной переделки отражающегося в мозгу мира, но в основе своей имеет все-таки материальный мир, те его предметы, которые мы когда-то уже чувственно воспринимали. В таком же духе высказывается по этому поводу и Тимирязев:

«Давно сделано справедливое замечание, что в воображении человека, наяву или даже во сне, не может возникнуть ничего такого, что в своих элементах не слагалось бы из впечатлений реального мира. Когда смелая фантазия художников или поэтов, желая вызвать чувство поклонения или священный ужас, создавала чудовищ, результат этот достигался только умножением числа, искажением или перетасовкой, в причудливых сочетаниях, известных органов, известных живых существ. Многоголовый, многорукий индусский идол или более стройные создания мифологии запада, крылатые амуры, центавры, сирены, наконец, этот Эдипов сфинкс или его более древний египетский прототип — не очевидные ли все это доказательства бессилия человеческой мысли отрешиться от доступной наблюдению действительности?» [2]

Д. И. Писарев в статье «Промахи незрелой мысли» писал о двух видах мечты. Одна рождается от праздности и бессилия и оторвана от действительности; такая мечта расслабляет человека, уводит его от непосредственных практических задач. Другая мечта обгоняет естественный ход событий, не отрываясь от него. Этого рода мечта не только не вредна, а, наоборот, даже полезна.

Известно, как высоко ценил Ленин это высказывание Писарева о реальной, жизненной фантазии.

Тимирязев также говорит об огромном значении подобной фантазии в жизни человека: «Эта творческая роль воображения — не только источник всякого вдохновения в искусстве и в поэзии, но и родник научных открытий, а в жизни дает первый толчок всякому развитию, всякому прогрессу» [3].

Придавая огромное значение «умственным орудиям», Тимирязев, вполне естественно, высоко оценивает роль логики в познании истины. Он пишет: «В течение всего века громче и громче раздавались голоса, повторявшие, что логика перестала быть только диалектикой, словесным искусством аргументировать [в таком виде Тимирязев ошибочно представляет диалектику.— *Г. П.*], умением выводить истины, заключенные в других истинах, или нередко, как у метафизиков, в том, что произвольно признавалось за истину, а стала логикой в действии, искусством добы-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XXVII, стр. 266.
[2] К. А. Тимирязев. Соч., т. I, стр. 294—295.
[3] Там же, т. VIII, стр. 26.

вать новые истины непосредственно из действительности»[1]. Тимирязев беспощадно критикует своих противников — антидарвинистов Страхова, Данилевского и других за отсутствие логики в их рассуждениях. Важно при этом подчеркнуть, что Тимирязев не ограничивает понятие логики исключительно формальным содержанием. Он требует, чтобы логика не только выводила истины из других истин, а добывала их из материальной действительности. «...Ваша старая формальная логика, от греков до схоластиков,— пишет он,— учила только, как умозаключать, выводить истины из других истин или того, что произвольно признавалось за истину. Только наука учит тому, как добывать истину из ее единственного первоисточника — из действительности»[2].

Тимирязев уделял серьезное внимание рассмотрению таких логических форм, как анализ и синтез, индукция и дедукция.

Подобно Герцену, Тимирязев выступает с критикой тех, кто не сочетает в своей научной работе аналитическую и синтетическую деятельность, противопоставляет их друг другу. Вследствие этого одни ученые становятся беспочвенными мечтателями, оторванными от фактов, другие же превращаются в пигмеев, которые не хотят ничего знать, кроме простого собирания и описания этих фактов. «С одной стороны,— говорил Тимирязев,— можно встретить ученых, обладающих громадным запасом сведений, обладающих аналитической способностью изучать частные явления и обогащать этим материалом науку, но неспособных к синтетической работе мысли,— неспособных связывать, обобщать этот сырой материал. С другой стороны, можно встретить умы, которые, тяготясь разработкой частностей, пытаются истолковать природу путем смелых догадок, построенных на очень тесном и шатком фундаменте, забывая, что достоинство этого синтетического труда находится в прямой зависимости от качества предшествовавшего ему труда аналитического»[3].

Тимирязев требует неразрывного слияния анализа и синтеза в процессе познания, подчеркивает, что аналитическая и синтетическая деятельность должны составлять одно целое, одна должна служить дополнением и продолжением другой.

Тимирязев приближается к правильному пониманию соотношения индукции и дедукции, их взаимного проникновения в процессе познания. В отличие от Геккеля и других естествоиспытателей, он не является сторонником полярного противопоставления этих форм умозаключений. Тимирязев сознает, что никакая дедукция не была бы возможна без предварительного индуктивного изучения материала, что индукция, в свою очередь, основана на знании общих законов развития, устанавливаемых при помощи дедукции.

Важной чертой теории познания Тимирязева является приближение к пониманию единства логического и исторического. В одной из черновых записей своих лекций Тимирязев говорит об онтогенезисе и филогенезисе сознания. При этом он имеет в виду, что, подобно тому как индивидуальное развитие организма есть повторение исторического развития данного вида, так и индивидуальное развитие сознания человека в основном повторяет путь развития сознания человечества в целом. Иначе говоря, здесь выражается мысль, сходная с положением Энгельса о соответствии эмбриологии и палеонтологии мышления.

---

[1] Там же, стр. 134—135.
[2] Там же, т. IX, стр. 245.
[3] Там же, т. VII, стр. 61—62.

* * *

Тимирязев ставит также вопрос о том, насколько правильно, адэкватно отражает наше сознание окружающую действительность. Касаясь во многих своих произведениях вопроса о познаваемости мира, Тимирязев выражает неисчерпаемую веру в силу человеческого разума. Он подвергает уничтожающей критике сторонников агностицизма. Стремление поставить предел нашему познанию Тимирязев характеризует как «какой-то мистический экстаз невежества, бьющего себя в грудь, радостно причитая. Не понимаю! Не пойму! Никогда не пойму!» [1]. Он издевается над «вечными мировыми загадками» Дюбуа-Реймона. Сторонникам пресловутого «ignorabimus» он говорил: «Никто так не ошибался в своих предсказаниях, как пророки ограниченности человеческого знания» [2]. В природе нет явлений необъяснимых, а есть только явления пока «необъясненные, еще ожидающие объяснения» [3].

Тимирязев опровергает агностицизм, ссылаясь на весь прогрессивный ход развития науки, который шаг за шагом ведет от незнания к знанию.

Исходя из безусловной возможности познания окружающего мира, Тимирязев отнюдь не считал, что истина познается вся сразу. Наука стремится к истине, но никогда не претендует на абсолютную полноту и окончательность своих выводов. «Первый и самый общий вывод, который может быть сделан — тот, что всякий окончательный вывод был бы преждевременен» [4]. Наука прямо и откровенно заявляет, что знания ее далеко не полны, что их следует все более и более углублять, не успокаиваясь на достигнутых успехах. Наука не ставит какого-либо предела знанию. «Если наука говорит: „не знаю“ там, где люди менее сведущие говорят: „знаем“, то этим только доказывается большая требовательность науки, а также заявляется факт, что она еще не успела, не имела времени разрешить те вопросы, которые ей предлагаются практикой» [5].

Тимирязев подчеркивает огромное, принципиальное значение правильного решения вопроса о познаваемости мира. Уверенность в силе человеческого разума вооружает нас на новые научные изыскания. Агностицизм, напротив, расслабляет нашу волю в борьбе за истину. Убедив себя заранее, что имеешь перед собой неразрешимую тайну, желая найти оправдание для этого убеждения, лишаешь себя необходимого стимула в практической и научной деятельности. Агностики, исходя из своего убеждения в бессилии человеческого ума познать сущность предметов и явлений природы, приходят к выводу, что задача науки — не объяснять, а лишь описывать наблюдаемые явления. Так утверждали Мах, Оствальд, Петцольд, Пирсон, пытаясь при этом подкрепить свою точку зрения ссылкой на виднейших естествоиспытателей, в частности на Кирхгофа. Тимирязев показывает, что это обращение махистов к Кирхгофу является клеветой на Кирхгофа. Кирхгоф действительно предлагал заменить объяснение описанием, но он имел при этом в виду только механику, изучающую простейшую, механическую форму движения материи. Всякая иная, более сложная форма движения материи, говорит Тимирязев, не может не нуждаться в объяснении, что и делает соответствующая наука.

---

[1] К. А. Тимирязев. Соч., т. V, стр. 423.
[2] Там же, т. VI, стр 44.
[3] Там же, т. III, стр. 135.
[4] Там же, т. II, стр. 189.
[5] Там же, т. III, стр. 291.

Известно, что трусливый прием махистов, состоящий в попытках подтвердить свои вздорные вымыслы ссылками на крупных ученых путем извращения подлинных взглядов этих ученых, был разоблачен В. И. Лениным в его книге «Материализм и эмпириокритицизм». Ленин обнажил всю фальшь отождествления Махом своих взглядов со взглядами Кирхгофа и Грассмана. Ленин писал:

«Ну, разве же это не образец путаницы? „Экономия мысли", из которой Мах в 1872 году выводил существование *одних только* ощущений (точка зрения, которую он сам впоследствии должен был признать идеалистической), *приравнивается* к чисто материалистическому изречению математика Грассмана о необходимости согласовать мышление с *бытием!* приравнивается к простейшему *описанию (объективной реальности,* в существовании которой Кирхгоф и не думал сомневаться!)» [1]. Ленин показал, таким образом, что описание Кирхгофа и Грассмана и описание Маха принципиально различны: первые говорят об описании объективной реальности, второй — об описании лишь своих личных переживаний.

Определение, которое дает термину «объяснение» К. А. Тимирязев, не оставляет никаких сомнений в том, что он придает этому термину материалистический смысл: «Объяснение предполагает понимание самого процесса, установление его зависимости от условий, при которых он происходит...» [2].

Тимирязев наносит сокрушительный удар по представителям агностицизма в биологии, по таким реакционным направлениям, как витализм, вейсманизм и т. п.

Тимирязев уделяет большое внимание разоблачению попыток виталистов «доказать», что в органической природе имеются какие-то потусторонние сущности, принципиально недоступные человеческому разуму. На полях журнальной статьи одного из столпов вейсманизма — Бэтсона, в которой тот сравнивал природу с неприступной скалой, Тимирязев с гневом замечает: «Вот скотина-то!».

Бичуя Бэтсона за его утверждение о непознаваемости мира, Тимирязев пишет: «Основная мысль Бэтсона, выражаясь словами Щедрина: „наш век — не век великих задач". Стоит прочесть введение в его книгу „Materials for the study of variation", вся она как будто сводится к основному лозунгу: „non possumus"» [3]. «Вопрос о происхождении видов — неразрешим. Вопрос о приспособлениях — неразрешим. Остается, как некогда похвалялся по этому поводу Бланшар, „только определять и описывать, описывать и определять"» [4].

Полное разоблачение идеалистического существа вейсманизма совершено нашими советскими биологами, вооруженными материалистической диалектикой. В докладе на сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 г. академик Т. Д. Лысенко заклеймил последователей вейсманизма-морганизма, как идеалистов, агностиков.

Тот факт, что Тимирязев приближался к подобной оценке философских основ вейсманизма, еще и еще раз характеризует его не только как замечательного биолога, но и как выдающегося мыслителя-материалиста.

Тимирязев верит в безграничную силу человеческого разума. Но он отнюдь не полагает возможным всякую мысль человека о действитель-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 158.
[2] К. А. Тимирязев. Соч., т. VIII, стр. 68.
[3] Не можем.
[4] К. А. Тимирязев. Соч., т. VII, стр. 600.

ности считать истинной. Он требует подходить ко всякой идее строго критически, проверяя ее.

Критерий истины Тимирязев видит в опыте, практике. «...Главное дело,— пишет он,— не в том, чтобы высказать мысль, хотя бы и вполне верную, а в том, чтобы подтвердить ее на опыте» [1]. Практическую проверку научной истины он считает руководящим правилом подлинно научного исследования.

Тимирязев высмеивает тех, кто пытается критерий истины видеть не в практике, а в широкой распространенности тех или иных мнений.

Известно, что такова была точка зрения эмпириокритиков, каковую до основания разбил Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм».

Опровергая взгляды сторонников решения вопроса об истинности знаний голосованием, Тимирязев пишет: «Нас прежде всего призывают прислушаться к заветам мудрости народов. Целые народы, индусы, например, верят, что у растений есть душа. Но ведь наш народ тоже верит, что у кошки не душа, а пар. Одно верование, по меньшей мере, уравновешено другим. Но оставим в стороне это непривычное для науки решение вопросов простым голосованием...» [2].

Тимирязев, однако, не поднимается до того единственно правильного понимания роли практики как критерия истины, которое присуще диалектическому материализму. Говоря об опыте как критерии истины, Тимирязев понимает под ним не всю общественно-историческую практику, не всю производственную и общественную деятельность людей, а, главным образом, опыт как научный эксперимент. В этом один из серьезнейших недостатков теории познания Тимирязева.

Однако заслугой Тимирязева является тот факт, что он понял самую тесную связь науки и практики, осознал определяющую роль последней в историческом развитии процесса познания. В этом случае понятие практики приобретает у него значительно более широкий смысл, чем просто научный эксперимент. «Запросы жизни,— говорит он,— всегда являлись первыми стимулами, побуждавшими искать знания...» [3].

Свою точку зрения по этому вопросу Тимирязев противопоставляет взглядам махиста Петцольда, утверждавшего, что наука возникла в силу одного из трех якобы вечно присущих человеку стремлений: стремления к познанию, к действию и к эстетическому наслаждению. Первоосновой и побудительной силой развития науки махисты, таким образом, считают идейные мотивы и духовные запросы человека. Тимирязев, напротив, доказывает, что сами эти три стремления развились у человека лишь в результате его труда, что сами они — практического, «утилитарного», как выражается Тимирязев, происхождения. «Почти каждая наука,— говорит Тимирязев,— обязана своим происхождением какому-нибудь искусству (земледелию, медицине, технике), точно так же, как и всякое искусство, в свою очередь, вытекает из какой-нибудь потребности человека [здесь безусловно имеется в виду не духовная, а материальная потребность человека в пище, одежде, жилище, что видно хотя бы уже из того, что под «искусством» Тимирязев подразумевает земледелие, технику и медицину.— *Г. П.*]. Таков, повидимому, неизбежный исторический ход развития человеческих знаний» [4].

---

[1] К. А. Тимирязев. Соч., т. I, стр. 397.
[2] Там же, т. V, стр. 419.
[3] Там же, стр. 423.
[4] Там же, т. VIII, стр. 19.

Тимирязев не сомневается в том, что наука возникла на основе потребностей материальной жизни. Более того, для него ясно, что состояние науки тесно связано с уровнем развития материального производства: «Современная наука при разрастании предъявляемых ею требований дает еще более разительные примеры зависимости успеха научного труда от материальной обстановки» [1].

Тимирязев показывает, что практика не только ставит новые проблемы перед наукой, но в своих выводах нередко опережает науку. Он приводит много подобных примеров: выбор пшеницы в качестве основной хлебной культуры задолго до установления химическим путем того, что в ней имеется наиболее выгодное сочетание клейковины и крахмала; использование дрожжей для хлебопечения; открытие минеральных удобрений; установление факта обогащения почвы азотом при посеве бобовых растений и т. д. «Наконец, стоит напомнить и тот общеизвестный случай, что практики, всего далее стоящие от области науки, простые земледельцы, в том числе и наши московские крестьяне, как свидетельствуют судебные хроники, в одном сложном вопросе опередили науку. Непосредственным наблюдением они самостоятельно и задолго до науки открыли факт перехода ржавчины с барбариса на злаки,— факт вместе с другими, подобными ему, положивший основание учению о полиморфизме микроскопических грибов, которым так справедливо гордилась наука пятидесятых и шестидесятых годов» [2].

Тимирязев не устает повторять, что ученые, которые действительно двигали науку вперед, никогда не игнорировали многовекового опыта простых людей, тружеников. Как на образец такого тесного единства науки и практики, он указывает на научную деятельность Дарвина, который созданием своей теории естественного отбора целиком обязан сельскохозяйственной практике.

К этому вопросу Тимирязев возвращается неоднократно, доказывая, что предшественники Дарвина не имели успеха в обосновании своих эволюционных воззрений именно потому, что они не были достаточно знакомы с технической стороной деятельности практиков сельского хозяйства.

Таким образом, Тимирязев дает в основном правильное решение вопроса о соотношении теории и практики. Вместе с тем следует отметить, что у него проявляется здесь и известная непоследовательность. Так, в статье о Пастере он говорит о самодовлеющем характере науки, о том, что истинная наука не должна руководствоваться стремлением к достижению ближайших материальных задач, что она сама по себе является целью, развиваясь в силу своей внутренней логики. Касаясь причин быстрого развития промышленности по производству азотной кислоты из атмосферного воздуха в Норвегии, Тимирязев пишет, что решающую роль тут сыграли знания и талант норвежского физика Биркеланда. В этом он видит доказательство того, что наука якобы развивается «своим самостоятельным логическим путем» [3].

Тимирязев указывает, что надо различать вопрос о происхождении науки и вопрос о ее дальнейшем развитии. Корни происхождения науки он видит в материальных потребностях человека и в его производственной деятельности. А затем, по своем оформлении, наука развивается, по его мнению, уже по своим внутренним законам.

---

[1] Там же, т. IX, стр. 309.
[2] Там же, т. V, стр. 66.
[3] Там же, т. III, стр. 367.

В мысли Тимирязева о том, что наука развивается «своим самостоятельным логическим путем» есть, несомненно, зерно истины. В тезисе Тимирязева о внутренней логике развития науки находит отражение момент относительной самостоятельности этого развития. Но Тимирязев допускает ошибку, преувеличивая эту самостоятельность.

В значительной мере это преувеличение Тимирязева связано с его стремлением сокрушить присущие буржуазной науке конца XIX — начала XX в. эмпиризм и прагматизм. Эмпиризм довольствуется простым собиранием и описанием наблюдаемых явлений, избегает глубоких теоретических обобщений. Прагматизм, отрицая объективность истины, выдвигает положение: «истинно то, что полезно». И тот и другой взгляд принижает значение науки, навязывает ей отказ от познания закономерностей материального мира, что служит интересам империалистической буржуазии, смертельно боящейся объективной истины, познания законов объективной действительности. Против этих направлений и выступает Тимирязев с требованием предоставления науке свободы от узко-практических претензий к ней. В связи с этим он допускает и известный перегиб, переоценивая значение самостоятельности развития науки.

Однако Тимирязев совершенно справедливо критикует эмпиризм за отказ от обобщений. Эмпиризм, указывает он, неизбежно расчищает почву для идеализма, открывает простор для того, чтобы обобщения стали привилегией идеализма. «Большинство желающих, чтобы наука приняла преимущественно прикладное направление,— пишет он,— конечно, руководится опять чисто реакционным стремлением направить положительную науку исключительно в это узко-утилитарное ложе для того, чтобы разрешение более широких запросов мысли сделать монополией представителей совершенно иного склада мышления» [1].

В целом в решении вопроса о роли практики в процессе познания, о соотношении теории и практики Тимирязев шел по верному пути. Блестящим подтверждением этому служит вся его творческая научная деятельность, вдохновлявшаяся идеей тесной, неразрывной связи науки и практики, направлявшаяся на то, чтобы научить людей получать два колоса там, где прежде рос один. Из правильного понимания Тимирязевым единства теории и практики вытекает и его постановка вопроса об активном, действенном вмешательстве человека в формообразовательный процесс органического мира, об изменении животных и растений в нужном для человека направлении.

Тимирязев видит высшую ступень совершенства науки в том, чтобы наука удовлетворяла следующим трем принципам:

«Первая и самая общая мера, применимая ко всякой области знания, это степень его обобщения, его объединения... Всякое философское знание есть знание объединенное, и степень осуществления этого объединения лучшее мерило совершенства... Возможность prévoir et agir [2]... вот этот второй, единственный точный и неотразимый аргумент, определяющий совершенство наших знаний с точки зрения философии науки — философии положительной. Наконец, третьей... мерой совершенства наших знаний служит степень их приложимости к удовлетворению материальных потребностей человека» [3].

[1] К. А. Тимирязев. Соч., т. V, стр. 25.
[2] Предвидеть и действовать.
[3] К. А. Тимирязев. Соч., т. V, стр. 387.

* * *

Свои материалистические взгляды в области философии, так же как и в области естествознания, Тимирязев отстаивал и развивал в непримиримой борьбе с идеализмом.

Он подверг беспощадной критике субъективных идеалистов, пытающихся представить мир как комплекс ощущений. Весьма характерно, что Тимирязев бьет по тем же представителям «модного» в конце XIX — начале XX в. эмпириокритицизма — Маху, Оствальду, Петцольду, Юшкевичу и другим, которые были разгромлены В. И. Лениным в его книге «Материализм и эмпириокритицизм».

Тимирязев вскрывает идейную связь Маха с Беркли, показывает реакционную сущность махизма. «Только Мах и его фанатические поклонники вроде Петцольда, идя по стопам Беркли (в чем сам Мах и признается), доходят до признания, что *истинные и единственные элементы мира — наши ощущения* (Мах). Петцольд в своем фанатизме доходит до полного отрицания различия между „кажется“ и „есть“ и утверждает, что, когда горы издали нам кажутся малыми, они *не кажутся, а действительно малы*... Таковы Геркулесовы столбы, до которых доходят необерклиянцы» [1].

Тимирязев заявляет, что вся история науки свидетельствует о ложности утверждений махистов. Ощущения не могут быть «единственными элементами мира». Ощущения только потому и могут существовать, что вне человека существуют в природе объективные, материальные предметы, воспринимаемые нашими органами чувств. Больше того, существуют такие формы материи, такие явления, которые непосредственно не воспринимаются нашими органами чувств. Это не значит, что наши органы чувств вообще неспособны воспринимать эти явления. Человек изобретает приборы, которые помогают ему познать то, что было ранее недоступно его непосредственному восприятию. Человек, говорит Тимирязев, не видит атомов, но с помощью спинтарископа и других приборов теория атомного строения материи нашла свое неопровержимое подтверждение.

Вместе с другими русскими учеными — Менделеевым, Столетовым, Умовым, Лебедевым Тимирязев ведет борьбу против Оствальда, отрицавшего атомную теорию. Чувство возмущения вызывает у Тимирязева книга Оствальда «Натурфилософия», в которой автор объявляет атомы фикцией. Тимирязев понимает всю абсурдность подобного мнения и с огромной радостью воспринимает эксперимент, наглядно показавший объективное существование атома. Вот что он пишет о впечатлении, произведенном на него этим экспериментом: «Когда я пришел в себя от волнения, понятного только ученому, перед блестящим завоеванием человеческого ума, первая мысль, пришедшая мне в голову, была: „Ну, что теперь скажут гг. Оствальд и К^0? Куда упрячет он свое пророчество, не пережившее и нескольких недель?“ С тех пор прошло семь лет. Физики не только видят целые рои, но и улавливают отдельные атомы. Оствальд, кажется, раскаялся, но тот философ, которому посвящена „Naturphilosophie“ [Мах.— *Г. П.*], даже в эту минуту, после окончательного торжества атомизма, продолжает обнаруживать упорство, достойное лучшего дела» [2].

Свой отказ признавать реальность атомов Мах демагогически пытался объяснить тем, что он дорожит своей «свободой мысли», а атомная

[1] Там же, т. VIII, стр. 41—42

[2] Там же, т. IX, стр. 130.

теория основана якобы всего лишь на вере. Тимирязев беспощадно разоблачает эту неуклюжую попытку Маха спрятаться за ширму «свободомыслия» и показывает, что истинным побуждением Маха является стремление оправдать теологию: «Какие трескучие фразы! Свобода от чего? От строго научно доказанного факта, опровергающего излюбленную философскую теорийку... Как неудачно это глумление над физиками, это обзывание их общиной верующих в устах человека, выбывшего когда-то из рядов физиков, чтобы стать адептом учения его преосвященства, епископа Клойнского! (Беркли)» [1].

Исходя из своих субъективно-идеалистических взглядов, махисты считают, что дело науки — исследование и классификация наших ощущений. Они отрицают объективное существование самого материального мира, копией которого и являются наши ощущения. Тимирязев справедливо подчеркивает, что современная наука говорит как раз об обратном — она рассматривает ощущения как отражение внешнего мира. «...Современные физики делают ... заключения, диаметрально противоположные тем, которые делает группа философов необерклиянцев (Мах, Оствальд, Петцольд, к сожалению, отчасти и Пирсон), утверждающих, что наука должна ограничиваться этими чувственными восприятиями, а не пытаться проникнуть в объективную область тех внешних явлений, которыми вызываются эти ощущения» [2].

Тимирязев высмеивает махистов, проявивших панический страх в связи с абсурдным заявлением английского физика лорда Кельвина о неизбежности скорой гибели человечества. В речи, произнесенной в 1897 г., Кельвин предвещал поголовное удушение человечества от якобы прогрессирующего сокращения количества кислорода в воздухе. Тимирязев писал по поводу «беспокойства» махистов: «Еще за несколько минут они были готовы, во всеоружии своей диалектики [речь идет о диалектике, как искусстве спорить. Именно в таком смысле употребляет это слово Тимирязев.— *Г. П.*], убеждать меня в том, что этот внешний мир не имеет объективного бытия, что это — только форма моего сознания, в реальном источнике которой я не могу быть уверен, что это тот же сон, мираж, грезы наяву... И, тем не менее, они, как и простые смертные, были также озабочены слухом, будто от этого сна можно скоро пробудиться, будто эти грезы могут рассеяться в очень недалеком будущем» [3].

В самом деле, чего бы тревожиться о гибели мира тем, кто считает его не более как комплексом своих ощущений? Своей тревогой по этому поводу махисты только еще раз доказали, что в своей практической жизни они, вопреки своим «научным» трактатам, придерживаются того самого «наивного реализма», в котором упрекают материалистов.

Наряду с западными махистами, Тимирязев разоблачает и их российских прихвостней. Взгляды Юшкевича, например, он презрительно называет «метафизятиной».

Тимирязев ведет борьбу не только против махизма, но и против иных разновидностей идеализма.

Он дает резкую отповедь реакционному субъективно-идеалистическому направлению в буржуазной философии — интуитивизму. Интуитивизм, отвергая познание мира при помощи чувств и разума, единственным источником познания считает внеопытное созерцание, мистическое наитие. Одним из родоначальников интуитивизма был мистик и реакционер Бергсон. Философия этого мракобеса была направлена на укрепление

[1] К. А. Тимирязев. Соч., т. IX, стр. 131.
[2] Там же, т. VIII, стр. 16.
[3] Там же, т. III, стр. 331—332.

религии, на затемнение классового сознания пролетариата, на отвлечение трудящихся от революционной борьбы. Впоследствии интуитивизм стал одним из источников изуверской идеологии фашизма. В настоящее время он состоит на вооружении англо-американской империалистической реакции.

Тимирязев характеризует мистическую философию Бергсона как попятное движение «лет на 300, а то и на целых 2 500, т. е. до начала современной науки или какого бы то ни было систематического мышления» [1].

Тимирязев показывает, что интуитивизм является не просто бредом сумасшедшего, а сознательной попыткой подорвать значение разума, чтобы обосновать и укрепить веру в бога. Он писал, что Бергсон приглашает своих «адептов отказаться от разума в пользу инстинкта — очевидно, в ожидании более благоприятного времени, когда этот инстинкт можно будет успешнее заменить верою, подобно тому, как его предшественник Гартман долго морочил своих адептов своим „бессознательным", чтобы потом разъяснить, что под бессознательным нужно разуметь „сверхсознательное"» [2].

Тимирязев беспощадно бичует и таких представителей религиозно-идеалистической буржуазной философии, как Рудольф Эйкен, Джемс. Философ-идеалист Эйкен откровенно расценивал философию как введение в религию. Он считал, что человек должен не мириться со скромной долей «простого естественного существа», а стремиться к слиянию с «самодвижущимся всецелым». Американец Джемс, объявляя истинным то, что полезно, «не видит» никакой разницы между истинами науки и «истинами» религии. За религией он признает даже преимущество в сравнении с наукой, поскольку религия позволяет якобы проникнуть в «иную сферу действительности».

В своей рецензии на книгу И. И. Мечникова «40 лет исканий рационального мировоззрения» Тимирязев солидаризируется с той сокрушительной критикой, какой подверг Мечников интуитивизм Бергсона, прагматизм Джемса, откровенную мистику Эйкена. Но он считает неверным объяснение причины распространения идеалистического мракобесия, данное Мечниковым. Мечников считал, что к интуитивизму людей гонит «потребность в утешении от горестей жизни». Возражая ему, Тимирязев пишет, что рабочий класс нуждается в утешении безусловно больше, чем аристократы, однако именно последние переполняют аудиторию на лекциях Бергсона.

Причину распространения интуитивизма Тимирязев видит в общем усилении буржуазной и клерикальной реакции. «Все силы мрака,— пишет он,— ополчились против двух сил, которым принадлежит будущее: в области мысли — против науки, в жизни — против социализма» [3].

Решительный отпор встречают со стороны Тимирязева проявления идеализма в биологии. Отстаивая и развивая материалистические основы теории Дарвина, которая, как отмечает Ленин, впервые поставила биологию на вполне научную почву, Тимирязев ведет последовательную борьбу против реакционных антидарвинистских направлений.

Тимирязев не оставляет камня на камне в мистических построениях Н. Данилевского и Н. Страхова, выступавших против теории Дарвина и проповедовавших, что природа является отражением «интеллектуального начала», «мирового разума».

---

[1] Там же, т. VIII, стр. 24.
[2] Там же, т. IX, стр. 168.
[3] Там же, стр. 18.

Тимирязев показывает, что Данилевский на каждом шагу противоречит сам себе. Если природа есть отражение «мирового разума», то в ней не должно быть никакого несовершенства. А Данилевский, пытаясь опровергнуть теорию естественного отбора, приводящего к относительной целесообразности органического мира, утверждал, что целесообразности в природе нет, что она полна несообразностей. На это Тимирязев саркастически отвечает ему: «И после всех этих обвинений, по большей части клевет, взведенных на природу, он приглашает нас признать во всем этом прямое, непосредственное вмешательство „интеллектуального начала". Может ли путаница понятий пойти далее?» [1].

Тимирязев подверг сокрушительной критике взгляды антидарвинистов Западной Европы и Америки — Агассиса, Аргайля, Катрфажа, Дюбуа-Реймона, Гертвига и др.

Особенно упорную борьбу он вел против широко распространившегося в конце XIX — начале XX в. неовитализма, представленного в трудах Дриша, Вагнера, Франсе, Рейнке и др. Философской основой неовитализма, как об этом заявляли и сами «неовиталисты», был махизм. Борясь против витализма, Тимирязев вел борьбу против махизма в биологии.

Удары Тимирязева направлялись не только против открытых врагов дарвинизма, но и против тех, кто пытался подорвать материалистические основы биологии, прикрываясь флагом неодарвинизма,— против Вейсмана, Де Фриза, Бэтсона и др. Разоблачая идеалистическое существо вейсманизма-менделизма, Тимирязев показывает, что вейсманизм-менделизм является одной из разновидностей витализма.

Тимирязев не прошел и мимо идеализма в физике.

В 1913 г. президент очередной сессии Британской ассоциации профессор физики Лодж произнес речь в защиту спиритизма и мистики. Разбирая вопрос о том, что́ представляет собой эфир, Лодж приписывал ему какие-то особые, мистические свойства.

В ответ на эту позорную речь ученого, добровольно уступавшего мистике позиции науки, Тимирязев пишет гневную статью: «Погоня за чудом, как умственный атавизм у людей науки». Тимирязев называет Лоджа «адептом спиритизма и других аберраций человеческого ума». Особое негодование Тимирязева вызывают заявления Лоджа о том, что «мистицизму должно отвести соответственное место в науке», что «личное бытие сохраняется за пределами телесной смерти» и т. д.

Разоблачая цели и стремления Лоджа и ему подобных поборников мистики, Тимирязев пишет, что это смешение науки с «оккультизмом» необходимо тем, кто «продолжает мечтать о возвращении себе прежней неограниченной власти над темными массами — прежде всего для клерикалов, но также и для их пособников, вроде Бергсонов (которому Лодж в своей речи возносит хвалу)» [2].

Тимирязев делает вывод, что наука и демократия должны объединиться для совместной борьбы против всех видов идеологической и политической реакции.

* * *

В борьбе против современных ему идеалистических течений за научное, материалистическое мировоззрение Тимирязев опирается на материалистов прошлого и вскрывает идейную связь современного идеализма с идеализмом античности и средневековья.

[1] К. А. Тимирязев. Соч., т. VII, стр. 319.
[2] Там же, т. IX, стр. 199.

Тимирязев сознает, что для всей истории философии характерна непрерывная борьба материализма против идеализма.

Разоблачая ложь и антинаучный характер современных ему идеалистических направлений, Тимирязев бичует и их родоначальников — Платона, Фому Аквинского, Беркли, Канта и др.,— воюет против всей линии идеализма в философии.

В статье «Праздник русской науки» он выражает свое враждебное отношение к философии Платона, заявляя с гордостью, что русская творческая мысль движется по стопам научного истолкования мира, а не по стопам оторванных от жизни умозрений Платона.

Отмечая положительные, материалистические элементы в философии Аристотеля, Тимирязев, вместе с тем, критикует его за отступления от материализма, за его «энтелехию», за переоценку роли открытого им силлогизма в познании природы. Он говорит, что «энтелехия» Аристотеля послужила в дальнейшем основой для витализма, а переоценка силлогизма — для схоластики. Критикуя виталиста Дриша, Тимирязев пишет, что он «успокоился только дойдя в попятном движении до Аристотеля, с его парными и тройными душами...» [1].

Тимирязев показывает неразрывную связь, существующую между современными ему реакционными течениями в философии и науке и их средневековыми предшественниками — Ф. Аквинским, Августином и др. Усилившаяся реакция призывает науку вернуться назад, «чем далее — тем лучше, к Канту — так к Канту, а еще лучше к Фоме Аквинскому. Какого еще нужно более наглядного testimonium paupertatis [2], более очевидного доказательства полного бесплодия этого прославляемого возрождения философской мысли, не предлагающей ничего своего, нового, а только с вожделением обращающей свои взоры назад» [3].

Средневековая схоластика и в особенности «труды» Ф. Аквинского получили ныне особенно широкое распространение в человеконенавистнической философии англо-американских реакционеров. В США имеются даже философские журналы под такими названиями, как «Новая схоластика», «Фомист» и др. Начало этого ретроградного движения разлагающейся буржуазной философии вспять к средневековью было подмечено еще К. А. Тимирязевым. «Философия этого схоластика [Ф. Аквинского.— *Г. П.*],— писал он,— в недавнее время вновь распространяется под названием „томизма“. Центром этой пропаганды является клерикальный университет Лувена. Некоторые шотландские последователи этого учения (например, А. Томсон — зоолог) развивают, даже в изданиях, предназначенных для широкого распространения в народе, такое воззрение: „Наука не в состоянии ничего объяснить...; объяснять может только метафизика; а где бессильна даже метафизика, на помощь ей приходит теология“. Этот „неосхоластицизм“ или, попросту, „неообскурантизм“ глубоко враждебен науке. Для нанесения ей наибольшего вреда противники ее нередко принимают на себя ее личину... Борьба с этими противниками современной науки и их явными и тайными сторонниками составляет одну из очередных задач современной науки» [4].

Мы уже видели, что Тимирязев подчеркивал идейную связь антинаучной философии махизма с субъективным идеализмом Беркли.

Тимирязев считает реакционным требование ряда буржуазных философов и ученых вернуться к Канту. Правда, в сочинениях Тимирязева

[1] К. А. Тимирязев. Соч., т. VIII, стр. 253.
[2] Свидетельство бедности.
[3] К. А. Тимирязев, Соч., т. V, стр. 17.
[4] Там же, т. VIII, стр. 14.

мы найдем и сочувственные отзывы о Канте. Но это относится, как говорит Тимирязев, к «Канту № 1», а не к «Канту № 2». Тимирязев считает заслугой «Канта № 1» его механическое, каузальное объяснение происхождения солнечной системы. Но он указывает и здесь на ложное положение Канта, будто бы в органической природе, в отличие от неорганического мира, невозможно естественное объяснение присущей ей целесообразности, будто бы здесь необходимо прибегнуть к помощи так называемых «конечных причин». Через свое учение о «конечных причинах» Кант, по мнению Тимирязева, вступает в преддверие теологии. Тимирязев видит идеалистический характер философии Канта. Он усматривает заслугу Ламарка в том, что тот нашел в себе мужество «отрешиться от предвзятых идей, навязанных науке теологами и философами (даже такими, как Кант)...» [1]. Но безусловно ошибочным было у Тимирязева резкое противопоставление «докритического» и «критического» Канта. На самом деле, «Кант № 2», как известно, лишь усилил реакционно-идеалистические черты, имевшие место еще у «Канта № 1».

Тимирязев отвергает, как не имеющее ничего общего с наукой, утверждение Гегеля, будто «только дух имеет историю, а в природе все формы одновременны». Тимирязев указывает на «неверность попыток видеть в Гегеле одного из предтечей современного эволюционного учения, тогда как для него эволюционировали только идеи, реальная же эволюция организмов представлялась ему абсурдом» [2].

Тимирязев характеризует Гегеля и Шеллинга как «глав современного метафизического движения». Тимирязев критикует схоластическую попытку Гегеля и его последователей строить свою систему, исходя исключительно из «чистого» разума, игнорируя изучение самой материальной действительности: «А те, кто все еще полагают, что intellectus sibi permissus [3] может с пользой громоздить системы над системами и, в витиеватых или неуклюжих периодах, что угодно опровергать, что угодно доказывать,— пусть поучатся у него [Пастера.— *Г. П.*], что значит, на языке точной науки, это слово *доказать*» [4]. Огромной заслугой Маркса Тимирязев считает освобождение им истории от «метафизической идеи» Гегеля.

Особенно резкой критике со стороны Тимирязева подверглись реакционные буржуазные философы Шопенгауэр и Ницше. Тимирязев перевел на русский язык статью Больцмана, направленную против Шопенгауэра, в которой Шопенгауэр характеризуется как бессмысленный, невежественный, размазывающий глупости философ, набивающий головы пустопорожней болтовней. Тимирязев критиковал Московское психологическое общество за то, что там «чествование метафизика Шопенгауэра состоялось с подобающей помпой». Изучение книг Шопенгауэра и Ницше он считал простым одурманиванием голов.

Тимирязев проявляет глубокое понимание классового характера философских взглядов этих мракобесов. В отличие от Больцмана, он считает, что Шопенгауэр не только бессмысленный и невежественный философ, но и заклятый враг всего прогрессивного, ярый защитник интересов своего класса — буржуазии. Показывая классовый смысл философии Ницше, Тимирязев пишет: «...Понятно, что люди настоящего, торжествующее мещанство, ставят на пьедестал философа, обнимающего в своей ненависти и демократию, и науку. Не знаю, по какому

[1] К. А. Тимирязев. Соч., т. VIII, стр. 113.
[2] Там же, т. VII, стр. 640.
[3] Разум, себе самому предоставленный.
[4] К. А. Тимирязев. Соч., т. V, стр. 207.

недоразумению принято считать Ницше бичом буржуазии, когда его учение осуществляет самые сокровенные ее вожделения... Что бы ни говорили, а, несмотря на свою кажущуюся оригинальность, Ницше не ушел от рокового влияния своей среды и времени...» [1].

Если резко отрицательное и враждебное отношение Тимирязева ко всем упомянутым выше идеалистам не может вызвать никаких сомнений, то с выяснением отношения Тимирязева к «позитивной» философии О. Конта дело обстоит значительно сложнее.

В своих сочинениях Тимирязев нередко отзывался о Конте, как о «великом мыслителе», и даже называл себя «убежденным позитивистом». Однако тщательное изучение как опубликованных работ Тимирязева, так и неопубликованных материалов, имеющихся в Мемориальном музее К. А. Тимирязева, совершенно определенно показывает, что Тимирязев на самом деле не был позитивистом. Самое характерное для философии Конта — защита им классовых интересов буржуазии, его отрицание материи, его попытка в завуалированной форме восстановить субъективный идеализм Беркли, его метафизическое отрицание развития — не только не воспринимается Тимирязевым, но и подвергается с его стороны прямой критике.

Тимирязева привлекало в Конте то, что подкупало в нем и других естествоиспытателей — его, по словам Энгельса, энциклопедичность, его синтез. Позитивизм рассматривался Тимирязевым как оружие в борьбе за науку против официального религиозно-идеалистического мировоззрения. Совершенно правильно указывает А. А. Максимов в своей книге «Очерки по истории борьбы за материализм в русском естествознании», что многие русские ученые и общественные деятели видели в позитивизме то, чего в нем на самом деле не было,— усматривали в нем материалистические и революционные взгляды. Это подтверждается следующим заявлением В. Зайцева, одного из ближайших соратников Писарева по журналу «Русское слово»: «В сущности позитивизм есть одна из реальных положительных концепций всего сущего, с которым нигилизм, материализм, атеизм совпадают».

Тимирязев точно так же расценивал позитивизм как материалистическое учение, ведущее борьбу против идеализма. Именно поэтому Тимирязев и говорил, что он является «убежденным позитивистом». В действительности же, Тимирязев не только не был последователем Конта, но и подвергал решительной критике те положения, которые по существу составляли краеугольный камень позитивизма. Тимирязев прямо выступает против реакционных политических взглядов Конта. При чтении книги Конта «Курс позитивной философии» он выражает свое негодование по поводу того, что Конт пытается обосновать необходимость сохранения собственности буржуазии и заявляет, что требования рабочих о повышении заработной платы преждевременны. Возмущенный утверждением Конта, что концентрация богатств в руках немногих «вождей промышленности» проводится якобы в интересах народа, Тимирязев ловит Конта на слове, когда тот, проговариваясь, обнаруживает свою ложь, заявляя, что богатство «редко бывает достаточно обоснованным». На полях книги Конта Тимирязев замечает по поводу этого невольного признания: «То-то!».

Тимирязев резко критикует агностицизм Конта. Он возмущается заявлением автора «позитивной» философии о том, что дело науки — простое описание явлений. На страницах «Курса позитивной философии»

[1] Там же, т. V, стр. 19—20.

Конта он ставит большой вопросительный знак в связи с контовским утверждением, что внутренняя природа явлений непознаваема. Тимирязев считает совершенно абсурдной попытку последователей Конта установить границы познания природы.

Тимирязев указывает на несостоятельность утверждения Конта о неизменности органического мира, об абсолютном характере гармонии в нем и равновесии между организмом и средой. В одном из черновых вариантов 10-й лекции «Исторического метода в биологии» Тимирязев пишет, что в области биологии взгляды Дарвина, а в области социологии взгляды Маркса стоят неизмеримо выше взглядов Конта. Философия Конта, по мнению Тимирязева, страдает теолого-метафизическими пережитками.

Таким образом, Тимирязев, вопреки собственному заявлению о принадлежности к позитивизму, в действительности критикует реакционные и идеалистические положения Конта. Ошибка Тимирязева заключается в том, что он, указывая на порочность этих положений, в то же время не мог понять, что именно они составляют сущность позитивизма.

Ведя решительную борьбу против всех и всяческих проявлений идеализма в философии и в биологии, Тимирязев чрезвычайно высоко отзывается о представителях материализма. Он показывает, что многие прогрессивные идеи материалистов прошлого сыграли важную роль в развитии современного научного мировоззрения. В то же время он отмечает ограниченность их взглядов.

Из материалистов античного мира мы встречаемся в сочинениях Тимирязева с именем Эмпедокла. Тимирязев подвергает критике метафизическое понимание Эмпедоклом случайности как якобы единственного источника изменений в природе. Тимирязев, напротив, доказывает, что наличие случайности не отрицает закономерности. Слепым случаем нельзя объяснить, как это делает Эмпедокл, целесообразность органического мира.

Высокую оценку со стороны Тимирязева получают взгляды тех философов, которые требовали отбросить пустые умозрительные упражнения схоластов и заняться опытными науками. Важную роль в доказательстве решающего значения опыта в процессе познания Тимирязев отводит деятельности Роджера Бэкона. Книгу Р. Бэкона «Большой труд» Тимирязев называет изумительной. Он ценит Р. Бэкона как борца за научные знания. Тимирязев характеризует его как «человека..., который вполне понял значение науки...» [1].

Однако, пишет Тимирязев, «...голос первого Бэкона [Роджера Бэкона.— *Г. П.*] был бессилен против теолого-метафизического союза церкви и схоластики» [2].

Гораздо бо́льшую силу приобрели защита и требование опытного знания в трудах его однофамильца — Фрэнсиса Бэкона, жившего почти на 400 лет позднее: «„Scientia est potentia“ [3], провозгласил, если не законодатель, то герольд, глашатый новой научной эры — Бэкон...» [4].

Более всего импонирует Тимирязеву у Ф. Бэкона его требование строить знание из опыта, из данных активного воздействия человека на природу. Сильную сторону Бэкона он усматривает в его попытке преодолеть разрыв между теорией и практикой: «В третьем афоризме своей бессмертной книги [имеется в виду «Новый органон».— *Г. П.*]

---

[1] К. А. Тимирязев. Соч., т. IX, стр. 197.
[2] Там же, т. VIII, стр. 30.
[3] В знании — сила.
[4] К. А. Тимирязев. Соч., т. V, стр. 48.

Бэкон раз навсегда устраняет эту ходячую антитезу между теорией и практикой — между знанием и властью человека над природою. Что в теории *причина*, то *средство* для практики. Только знание причины явлений дает человеку в руки и средство управлять ими. А находить причину явлений нас учит только опыт» [1].

Тимирязев указывает, что Бэкону и Галилею принадлежит заслуга провозглашения новой эры не только для той или иной науки, а для всего умственного склада человечества. У них было немало предшественников и современников, боровшихся за действительную науку,— Коперник, Везалий, Сервет, Джильберт, Кеплер и др. Но «самым оригинальным и плодотворным представителем этого умственного брожения был, конечно, этот „крутобровый Верулам“, „Instaurator artium“ [2]» [3].

К Бэкону, так же как и к другим мыслителям прошлого, Тимирязев обращается не в порядке простой исторической справки, а как непримиримый, страстный борец за истину. Тимирязев ссылается на Бэкона, как на борца против схоластики, за экспериментальное изучение природы, когда выступает против своих противников, стремящихся возродить схоластику. Тимирязев пишет, что подобно тому как Бэкон, Галилей, Ньютон требовали в свое время очистить физику от метафизики, так и теперь «*насущная задача* современного естествознания заключается именно в борьбе против поползновений метафизики найти лазейку в область положительного знания» [4]. Критикуя виталистов, Тимирязев пишет, что измышляемые ими «жизненная сила», «энтелехия» и т. п. «так же бесплодны, как и конечные причины старой философии, так что Бэкон с равным правом мог бы сказать о первых, что сказал о последних: они подобны весталкам, посвященным божеству и бесплодным» [5].

Из других философов-материалистов нового времени Тимирязев говорит о Декарте, Спинозе, Локке, Даламбере, Дидро, характеризуя их как борцов против учения о «конечных причинах», как мыслителей, отстаивавших взгляд о развитии материи на основе присущих ей внутренних закономерностей.

Исключительное уважение и любовь питал Тимирязев к русским философам-материалистам. Главную заслугу их Тимирязев видит в героической борьбе против царизма и всех видов реакции, в разоблачении идеализма, в утверждении материалистического взгляда на природу. Его собственное мировоззрение формировалось, как он сам на это указывает, под влиянием великих классиков русской материалистической философии XIX в. Тимирязев неоднократно с гордостью заявлял, что по своим убеждениям он был «шестидесятником».

В 1920 г., в связи с 50-летием со дня смерти А. И. Герцена, Тимирязев писал: «Чуть не с детских лет приучился я чтить автора „Кто виноват“, а в бурные студенческие годы украдкой почитывал „Колокол“» [6].

Тимирязев чтит Герцена как «борца против императорской России, красноречивого защитника социалистических идей, беспощадно бичевавшего восторжествовавшую в крови июньских дней буржуазию, и наконец защитника угнетаемого польского народа» [7]. Он высоко отзывается

[1] К. А. Тимирязев. Соч., т. V, стр. 226.
[2] Обновитель искусств.
[3] К. А. Тимирязев, Соч. т. IX, стр. 158.
[4] Там же, т. V, стр. 366.
[5] Там же, т. VII, стр. 510.
[6] Там же, т. IX, стр. 426.
[7] Там же, стр. 430.

о Герцене как философе, который вместе с Белинским сумел преодолеть схоластику и идеализм гегельянства. Тимирязев тщательно изучал сочинения Герцена. В Мемориальном музее К. А. Тимирязева сохранились «Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы» и другие работы Герцена с многочисленными пометками Тимирязева. Ряд важнейших вопросов философии — о соотношении чувственного и рационального моментов в процессе познания, о соотношении теории и практики, об антинаучности идеализма, агностицизма, о силе и мощи человеческого разума — решаются Тимирязевым в том же духе, как и Герценом.

Другим русским мыслителем, которого чрезвычайно ценил Тимирязев, был Н. Г. Чернышевский. Тимирязев видел в Чернышевском представителя тех «людей, которые по силе своего таланта, по чистоте своих побуждений призваны быть учителями своего общества, своего народа» [1]. Чернышевский был одним из учителей Тимирязева. Тимирязев, как и Чернышевский, последовательно боролся против агностицизма, махизма, спиритуализма, против всякого идеализма в философии и науке. Тимирязев прочно усвоил неистребимую ненависть Чернышевского к крепостникам и горячую любовь к угнетенному крестьянству, за освобождение которого отдал свою жизнь Чернышевский. Влияние Чернышевского на Тимирязева сказалось и в вопросах эстетики. Для Тимирязева, так же как и для автора книги «Об эстетических отношениях искусства к действительности», искусство — это отражение жизненной правды. Как и Чернышевский, он требует демократизации искусства, ратует за здоровое реалистическое искусство для народа: «Будущность искусства зависит, конечно, от того,... станет ли оно делом „народа и для народа, счастием для того, кто творит, и для того, кто воспринимает", или будет оно только содействовать утверждению рядом с „моралью господ" и той эстетики господ, которая всегда отталкивала от себя тех русских людей, кому было дорого развитие народа, от Чернышевского и Писарева до Толстого» [2].

Огромное уважение Тимирязев питал к В. Г. Белинскому и Д. И. Писареву. Горячее одобрение Тимирязева встречает стремление Писарева теснее связать философию и естествознание, его борьба за демократизацию науки, борьба с низкопоклонством перед западной наукой.

С большой симпатией Тимирязев относился к И. М. Сеченову. Тимирязев видит в Сеченове ученого, который своими трудами по изучению работы полушарий головного мозга нанес сокрушительный удар по идеализму и дал замечательное естественно-научное подтверждение правоты материализма.

Тимирязев показывает огромное влияние Сеченова на развитие русской научной и философской мысли: «...Будущая история,— писал он,— признает, что ни один русский ученый не имел такого широкого и благотворного влияния на русскую науку и развитие научного духа в нашем обществе...» [3].

Тимирязев воспринял демократические, патриотические и материалистические традиции, характерные для передовой русской общественной и философской мысли. Русская классическая философия XIX в. была основным идейным источником формирования мировоззрения Тимирязева.

---

[1] К. А. Тимирязев. Соч., т. VII, стр. 56.
[2] Там же, т. V, стр. 27.
[3] Там же, т. VIII, стр. 165.

* * *

Завершение эволюции общественно-политических и философских взглядов Тимирязева проходило под влиянием идей марксизма-ленинизма.

Хотя Тимирязев и не смог оценить возникновение марксизма, как революцию в области философии, как качественно новую, высшую ступень в развитии философской мысли, но он правильно отмечал одну из важнейших особенностей марксистской философии — ее активный, действенный характер. Сравнивая Маркса с Дарвином, стоявшим на позициях ограниченного стихийного материализма, Тимирязев писал:

«В своих объяснениях и Дарвин и Маркс исходили из фактического изучения настоящего, но первый, главным образом, для объяснения темного прошлого всего органического мира, Маркс же, главным образом, для предсказания будущего, на основании „тенденции" настоящего, и не только предсказания, но и воздействия на него, так как, по его словам, „философы занимаются тем, что каждый на свой лад объясняют мир, а дело в том, как его изменить"» [1].

Впервые с сочинениями Маркса Тимирязев ознакомился еще в 1867 г. В примечании к своей статье «Ч. Дарвин и К. Маркс» Тимирязев рассказывает о том, как и когда произошло это знакомство. «...С „Капиталом" я ознакомился, вероятно, один из первых в России. Это было так давно, что Владимир Ильич тогда еще не родился, а Плеханову, которого многие наши марксисты считают своим учителем, было всего десять лет. Осенью 1867 года проездом из Симбирска, где я производил опыты по плану Д. И. Менделеева, я заехал к П. А. Ильенкову, в недавно открытую Петровскую... академию. Я застал П. А. Ильенкова в его кабинете-библиотеке за письменным столом: перед ним лежал толстый, свеженький немецкий том с еще заложенным в него разрезальным ножом, это был первый том „Капитала" Маркса. Так как он вышел в конце 1867 года, то, очевидно, это был один из первых экземпляров, попавших в русские руки. Павел Антонович тут же с восхищением и свойственным ему умением прочел мне чуть не целую лекцию о том, что уже успел прочесть...» [2].

Однако это первое знакомство со взглядами Маркса не оказало, видимо, сколько-нибудь серьезного влияния на Тимирязева. К глубокому самостоятельному изучению трудов основоположников марксизма-ленинизма Тимирязев пришел значительно позже, когда под влиянием революционной борьбы русского пролетариата, возглавляемого большевистской партией, Тимирязев стал убеждаться, что только рабочий класс может принести трудящимся полное освобождение. Впоследствии он писал: «К стыду моему, я должен признаться, что с содержанием замечательного предисловия к этой книге [речь идет о книге Маркса «К критике политической экономии».— *Г. П.*] я ознакомился уже после 1909 г. из статьи В. И. Ильина (Ленина) в XVIII томе [3] энциклопедии бр. Гранат» [4]. Поскольку указанная статья В. И. Ленина была написана им в конце 1914 г., Тимирязев, как один из редакторов энциклопедического словаря, ознакомился с ней либо в том же году, либо в начале 1915 г.

С тех пор произведения Маркса, Энгельса, Ленина становятся настольными книгами Тимирязева. Он читает «Капитал», «К критике

[1] К. А. Тимирязев. Соч., т. IX, стр. 340.

[2] Там же, стр. 337 (примечание).

[3] У К. А. Тимирязева здесь описка, ибо статья В. И. Ленина «Карл Маркс» напечатана в XXVIII томе энциклопедии.

[4] К. А. Тимирязев. Соч., т. IX, стр. 337 (примечание).

политической экономии», «Святое семейство», «Положение рабочего класса в Англии» и другие произведения классиков марксизма. Это помогает ему лучше разобраться в окружающих событиях. Будучи и ранее убежденным противником начавшейся первой империалистической войны, он глубже осознает теперь ее несправедливый, разбойничий характер. Тимирязев принимает активное участие в редактируемом А. М. Горьким антимилитаристском журнале «Летопись».

Тимирязев с удовлетворением встретил февральскую революцию, но очень скоро понял антинародный характер буржуазного Временного правительства. Опубликованные в «Правде» «Апрельские тезисы» В. И. Ленина помогли ему окончательно стать под знамя социалистической революции. Летом 1917 г. он пишет свою известную статью «Красное знамя». В этой статье Тимирязев показывает, что только Красное знамя, т. е. знамя социалистической революции, может спасти человечество от катастрофы, к которой толкает его капитализм. Тимирязев разоблачает преступные связи буржуазного Временного правительства с англо-американским капиталом, во имя интересов которого было начато по приказу Керенского наступление русской армии в июне 1917 г.

Тимирязев призывает трудящихся всех стран объявить беспощадную войну своим угнетателям: «„Воспряньте, народы, и подсчитайте своих утеснителей“, а подсчитав — вырвите из их рук нагло отнятые у вас священнейшие права ваши: право на жизнь, на труд, на свет и прежде всего на *свободу,* и тогда водворится на земле истина и разум, производительный труд и честный обмен их плодами» [1].

Великую Октябрьскую социалистическую революцию Тимирязев встретил как осуществление своей давнишней мечты об освобождении трудящихся. В 1919 г. он пишет статью «Ч. Дарвин и К. Маркс», где проводит параллель между учением Маркса и Дарвина:

«Как Дарвин, усомнившись в пригодности библейского учения о сотворении органических форм, к которому так или иначе прилаживалась теологически, или метафизически настроенная современная ему наука, нашел действительное объяснение для происхождения этих форм в „материальных условиях“ их возникновения, так и Маркс, как он сам пояснил, усомнившись в гегелевской метафизической „философии права“, пришел к послужившему ему „путеводной нитью“ во всей его последующей деятельности выводу, что „правоотношения и формы государственности необъяснимы ни сами из себя, ни из так называемого человеческого духа, а берут основание из материальных условий жизни“. Оба учения отмечены общей чертой искания начального исходного объяснения исключительно в „научно изучаемых“, „материальных“ явлениях...» [2].

Огромной заслугой Маркса Тимирязев считает установление им того, что мир с неизбежностью идет к коммунизму. Это вооружает пролетариат непоколебимой уверенностью в своей победе и знанием путей ее достижения. «...Мировой пожар, который уничтожит все оплоты мировой реакции, является уже сознательным, уверенным ожиданием мирового пролетариата» [3]. Тимирязев усваивает основное положение марксизма, что диктатура пролетариата является совершенно необходимым орудием в борьбе за построение нового, коммунистического общества, и принимает активное участие в работе органов Советской власти.

---

[1] К. А. Тимирязев. Соч., т. IX, стр. 271—272.
[2] Там же, стр. 338—339.
[3] Там же, стр. 351.

Однако должного понимания теории Маркса в целом у Тимирязева нет. Он не видит коренного отличия исторического материализма от всех социологических воззрений до Маркса и Энгельса. Говоря об освобождении науки и истории общества от теологического творца и промыслителя, а также от абсолютной идеи, он считает, что это было сделано Боклем и Марксом. Таким образом, Боклю и Марксу он отводит равную роль в раскрытии закономерностей общественного развития.

Тимирязев, наряду с термином «исторический материализм», нередко употребляет и другой, извращающий суть материалистического понимания истории термин «экономический материализм».

Но главная ошибка Тимирязева заключается в том, что он пытается сблизить исторический материализм с дарвинизмом. Тимирязев не был социал-дарвинистом. Он активно боролся с этим буржуазным учением. Но он отождествляет ряд положений дарвинизма с положениями исторического материализма.

Так, несмотря на формальное признание вывода Маркса о том, что идеологическая надстройка, в том числе и мораль, определяется экономическим базисом, Тимирязев придерживается в вопросе о происхождении и содержании морали скорее взглядов Дарвина. Он считает, что нравственный облик человека является результатом естественного отбора. Реальным простейшим качеством наших предков, на основе которого шел, по его мнению, естественный отбор, является социальный инстинкт. Первоначальное его проявление — материнское чувство или вообще забота родителей о потомстве. Социальный инстинкт оказывается полезным признаком, поэтому отбор приводит к его усилению. Соглашаясь в этом вопросе с Дарвином, Тимирязев цитирует его слова:

«Позднее является собственно „социальное чувство, взаимная забота членов одного коллектива, семьи, рода, племени и т. д., в идеальном пределе охватывающее все человечество (Интернационал) и даже распространяющееся и за пределы человечества в чувстве „благоволения“ „к животным“» [1].

Учение Дарвина о происхождении нравственности на основе естественного отбора Тимирязев старается увязать и с утилитаризмом Милля, с его принципом «наибольшего блага наибольшего числа».

Правда, Тимирязев пишет, что действие отбора в применении к человеческому обществу относится лишь к прошлому. «Человек должен признать, что в прошлом всем, не только во внешнем органическом мире, не только в своем физическом строении, но и в том, что составляет его личное превосходство, он обязан отбору» [2]. Позднее, по Тимирязеву, отбор уступает место новому фактору — сознательному действию людей. Человек, в отличие от животных, не просто приспособляется к природе, а сознательно изменяет ее соответственно своим потребностям.

Тимирязев прав, говоря о том, что в человеческом обществе действуют иные силы развития, чем в органическом мире. Но он ошибочно усматривает определяющую силу общественного развития в нравственности. «Нравственное вначале побеждало эгоистические стремления индивидуума, как полезное для всех, и уже позднее стало предметом уважения, культа, как *нравственное* или, выражаясь языком экономического материализма, как идеологическая надстройка» [3]. История человеческого общества представляет собой, по мнению Тимирязева,

---

[1] Цит. по К. А. Тимирязеву, Соч., т. VI, стр. 232.
[2] К. А. Тимирязев. Соч., т. VI, стр. 232.
[3] Там же, стр. 233.

борьбу нравственных идей. «Жизнь и борьба людей в значительной мере заменяются жизнью и борьбой идей и побеждают из них опять те идеи, которые нравственнее, полезнее, более соответствуют „наибольшему благу наибольшего числа“». [1]

В исторических взглядах Тимирязева имеется смешение и элементов исторического материализма, и дарвиновской попытки применить биологию к решению общественных вопросов, и абстрактного миллевского подхода к человеческому обществу, выраженного в принципе — «наибольшее благо наибольшего числа».

Начав овладевать диалектическим и историческим материализмом, Тимирязев не успел усвоить его настолько, чтобы правильно решать вопросы общественного развития.

* * *

Подводя итог рассмотрению взглядов Тимирязева по вопросам теории познания, мы видим, что он материалистически решает основной вопрос философии. Он исходит из объективного, не зависящего от сознания существования природы, материи. Сознание рассматривается им как атрибут мозга, т. е. наиболее сложной и высокоорганизованной формы материи. Так же материалистически решает Тимирязев и вторую сторону основного вопроса философии. Он стоит на точке зрения безусловного признания способности человека правильно познавать окружающий нас мир, подходит к пониманию соотношения абсолютной и относительной истины.

Исходным пунктом в процессе познания Тимирязев считает чувственное восприятие предметов. Вместе с тем, он придает важное значение «умственным орудиям» — отвлеченному мышлению, теоретическому осмысливанию и обобщению накопленных опытных данных.

Тимирязев высказывает правильные мысли о единстве теории и практики, о том, что практика служит не только критерием истинности знания, но и является исходным пунктом и стимулом всякого знания.

Всё это свидетельствует о том, что Тимирязев был не стихийным, естественно-историческим, а философски-сознательным материалистом.

В то же время он не сумел подняться до высшей формы материализма — до диалектического и исторического материализма. Живя в другую эпоху, чем русские революционные демократы, Тимирязев пошел дальше своих учителей, начав под конец жизни овладевать марксистской философией. Однако сделать это в полной мере ему не удалось. Не овладев историческим материализмом, он, естественно, не смог осмыслить и всего богатства марксистского диалектического метода и марксистского философского материализма, оставаясь в основном в пределах старого, домарксовского философского материализма.

Вполне понятно поэтому, что мы не найдем у Тимирязева и развернутого сознательного применения материалистической диалектики к вопросам естествознания. Этим и обусловливается ряд ошибок Тимирязева в области биологии: признание внутривидовой борьбы и перенаселенности в природе, требование «свести» жизненные отправления организмов к физико-химическим процессам и др. Создать до конца научную, основанную на принципах диалектического материализма биологию смогли лишь советские ученые — И. В. Мичурин, Т. Д. Лысенко, возглавившие многочисленную армию советских биологов. После-

[1] К. А. Тимирязев. Соч., т. VI, стр. 234.

довательное применение к биологии диалектического материализма, обобщение опыта социалистического сельского хозяйства позволили советским биологам совершить революцию в области биологии, создать качественно новый, высший этап в развитии биологической науки — мичуринскую биологию.

Тимирязев много сделал для того, чтобы через 28 лет после его смерти мичуринское учение полностью восторжествовало благодаря поддержке великого Сталина, большевистской партии, всего советского народа. Он был замечательным предшественником этого учения, он подготовлял внутри дарвинизма те количественные изменения, которые привели к качественному скачку в биологической науке, свидетелями которого мы являемся в наши дни. В решении ряда коренных вопросов биологии Тимирязев пошел значительно дальше Дарвина, приближаясь к решению их в духе учения Мичурина — Лысенко.

Важнейшим фактором эволюции Тимирязев называет, в отличие от так называемых «ортодоксальных» дарвинистов, не внутривидовую борьбу, а среду, изменяющую организм, наследственность, закрепляющую эти изменения, и отбор, придающий организмам форму целесообразности. Организм и среда рассматриваются им в неразрывном единстве. В связи с этим он дает высокую оценку роли Ламарка в развитии биологии, что не мешало ему критиковать его слабые стороны. Борьба за существование расценивается Тимирязевым как случайное, а не необходимое явление. Сам термин «борьба за существование» он считает неудачным, часто не применяет его при изложении курса дарвинизма. Тимирязев признает приспособительный характер изменчивости к условиям, окружающим организм. Он говорит о требованиях организма к условиям внешней среды. Своим указанием на бо̀льшую восприимчивость эмбриональных стадий организма к влиянию внешней среды Тимирязев подчеркивает наличие качественных преобразований в онтогенетическом развитии организма, что было отмечено также и Мичуриным. Дальнейшее развитие этого положения академиком Лысенко привело к установлению им стадийности в развитии растений.

В отличие от формальных генетиков, Тимирязев признает за перекрестным опылением важную роль в эволюции и считает его практически приемлемым способом повышения урожайности самоопыляющихся растений. Тимирязев признает не только половую, но и вегетативную гибридизацию. Он дает резкую критику утверждению «менделъянства» о существовании особого вещества наследственности, якобы не поддающегося воздействию среды.

Тимирязев не ограничивает задачи биологии только познанием законов развития животных и растений, а ставит вопрос о сознательном изменении органических форм. Он выдвигает мысль о необходимости создания новой науки — экспериментальной морфологии, считая, что ей будет принадлежать ведущее место в биологии XX в. Экспериментальная морфология оказалась прообразом современной мичуринской агробиологии, вооружившей человека социалистического общества могучим средством преобразования живой природы.

Все это дало основание академику Лысенко сказать: «Лучший теоретик и учитель подлинного дарвинизма, К. А. Тимирязев указал нам, советским ученым, верные пути для управления природой организмов» [1].

Тот факт, что в условиях загнивания буржуазной науки, в условиях царского деспотизма Тимирязев сумел не только отстоять материали-

[1] «Партийное строительство», 1940, № 9, стр. 23.

стическое ядро дарвинизма, но и развить его дальше, подготовляя качественно новый этап в развитии биологии — мичуринское учение, является выдающейся заслугой великого русского биолога-мыслителя. На протяжении многих десятилетий Тимирязев был лидером в борьбе передового материалистического направления в биологической науке против реакционного идеалистического направления, представляемого всякого рода антидарвинистами, вейсманистами, виталистами и прочими «истами» и «логами», как называл их Тимирязев.

Вместе с тем, Тимирязев решительно стоял за союз науки с трудящимися, с народом. Он шел с пролетариатом в период борьбы русского рабочего класса за завоевание власти и последовательно защищал его позиции в борьбе против внешнего и внутреннего врага после Великой Октябрьской социалистической революции.

Обращаясь с письмом к первому рабочему факультету имени К. Маркса, Тимирязев писал:

«*Наука и демократия* — тесный союз знания и труда — десятки лет был моим любимым призывным кличем, и в сегодняшнем вашем собрании я вижу начало осуществления одного из важнейших проявлений его в жизни. Рабочий станет действительной разумной творческой силой, когда его пониманию станут доступны главнейшие завоевания науки, а наука получит прочную верную опору, когда ее судьба будет в руках самих просвещенных народов, а не царей и пресмыкающихся перед ними холопов, хотя бы они величали себя министрами просвещения, академиками, профессорами...

Да здравствует же объединенная своим красным знаменем, могучая своим трудом, сильная светом знания, просвещенная всемирная демократия!» [1].

Тимирязев мечтал о такой науке, которая, будучи свободной от давления денежного мешка, посвятит себя целиком служению народу, удовлетворению его материальных и духовных потребностей. Эта мечта Тимирязева нашла свое воплощение в нашей советской действительности.

Советская наука, в том числе и наиболее близкая Тимирязеву наука о живой природе — биология, гением Ленина и Сталина, которые вооружили наши научные кадры единственно правильным мировоззрением и методом познания — философией марксизма-ленинизма, которые открыли и спасли для народа замечательное мичуринское учение, превращена в действительно народную науку. Советская наука — это такая наука, «которая не отгораживается от народа, не держит себя вдали от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой» (Сталин) [2].

---

[1] К. А. Тимирязев. Соч., т. IX, стр. 296—297, 298.
[2] «За передовую науку», изд. АН СССР, 1939, стр. 7.

А. Б. ХАЧАТУРЯН

ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ М. Л. НАЛБАНДЯНА

Творчество М. Налбандяна — вершина армянской домарксистской общественно-политической и философской мысли XIX в.

Положив начало новому, революционно-демократическому этапу в истории общественной мысли Армении, Налбандян тем самым продолжает и развивает демократическое направление в армянской культуре, сложившееся в 30—40-х годах XIX в. и связанное с деятельностью Хачатура Абовяна.

Творчество Абовяна явилось ярким отражением усиления национально-освободительной борьбы армянского народа против персидско-турецких угнетателей в 20-х годах прошлого столетия.

Персидские и турецкие феодалы, насильственно раздробив и захватив Армению, в течение ряда столетий предавали ее огню и мечу, физически уничтожали армянский народ. Их деспотическое господство исключало всякую возможность экономического и культурного развития армянского народа. Народ, имеющий многовековую культуру, стяжавший славу в борьбе с мощными государствами древнего мира — Ассирией, Персией, Римом, Византией, с арабскими, монгольскими и турецкими захватчиками, был обречен на гибель.

От физического истребления часть армянского народа была спасена благодаря присоединению ряда областей Армении к России в 1828 г., происшедшему в результате русско-персидской войны 1824—1828 гг.

Эти области стали колонией царской России. Разумеется, это было зло, с которым армянский народ неустанно боролся, пока он не был освобожден от национального гнета Великой Октябрьской социалистической революцией. Но в тех исторических условиях это было не только наименьшим злом. Россия была единственной силой, способной спасти армянский народ от физического уничтожения. После присоединения к России в истории армянского народа начался новый этап развития.

Война России против Персии воспринималась армянским народом как война освободительная. Она послужила толчком к пробуждению и росту национального самосознания армянского народа. В этой войне армянский народ вновь показал свою волю к борьбе за национальную независимость. Горя ненавистью к персидским сатрапам и феодалам, армянское крестьянство громило их, совершая партизанские набеги на персидские войска, организуя добровольческие отряды, вступая в русскую армию.

Жизнь борющегося армянского народа стала предметом выдающихся творений Хачатура Абовяна, прежде всего его романа «Раны Армении».

Абовян воспел героизм армянского крестьянства, его патриотизм, его неугасимое стремление к национальному освобождению. Абовян отстаивает право человека на свободу, в том числе и на свободу национальную, зовет к борьбе против чужеземных поработителей. Он громит и

разоблачает армянское духовенство с его проповедью христианской идеи непротивления насилию.

Проникнутый горячей любовью к народу, восхищаясь его мудростью, трудолюбием, честностью и мужеством, Абовян протестует против произвола эксплоататоров, против их бесчеловечного обращения с крестьянством. И хотя Абовян не был сторонником революционного свержения крепостничества, его творчество благодаря своей демократической направленности было близко народу и вошло в сокровищницу армянской демократической культуры.

С присоединением к России значительной части Армении развитие демократического направления в армянской общественной мысли совершалось под могучим воздействием передовой русской культуры.

М. Налбандян продолжил демократические традиции Х. Абовяна и пошел вслед за Белинским, Герценом, Чернышевским и Добролюбовым дальше — к революционному демократизму и материализму.

М. Налбандян был связан с русскими революционными демократами тесными идейно-политическими узами. Он был другом Герцена и Огарева и идейным соратником Чернышевского.

Его личность и деятельность впервые получили свою высокую оценку со стороны Герцена и Огарева. В 1862 г. в письме к Н. Серно-Соловьевичу Огарев писал о Налбандяне: «Налбандов золотая душа, преданная бескорыстно, преданная наивно до святости». К этим словам Огарева Герцен добавил: «Речь о нашем сбежавшем восточном приятеле, он благороднейший человек, поклонитесь ему, скажите ему, что мы помним и любим его»[1].

В этих словах отразилась характерная особенность русского революционного демократизма — его стремление поддержать и развить все прогрессивное и демократическое, что имелось у народов царской России.

Деятельность Налбандяна рассматривалась Герценом и Огаревым как неотъемлемая часть общероссийского революционно-демократического движения против царизма и крепостничества.

* * *

Микаэл Казарян (Лазаревич) Налбандян родился 15 ноября 1829 г. в городе Нахичевани-на-Дону (ныне Пролетарский район города Ростова-на-Дону) в семье ремесленника-кустаря.

М. Налбандян прожил тяжелую жизнь, полную забот и лишений.

В конце 40-х годов, работая секретарем епархиального правления в Нахичевани, он возглавил борьбу против городского головы — богатого купца и помещика А. Халибяна и католикоса (армянского патриарха) Нарсеса Аштаракского, присвоивших крупную сумму народных денег, собранных для нужд просвещения. Рассвирепевший «владыка» вызвал «дерзкого» юношу в свою резиденцию — в Эчмиадзин с тем, чтобы покарать его. Зная повадки коварного Аштаракского и его гнусную роль в безвременной гибели Х. Абовяна, Налбандян спасся от него бегством в Москву.

---

[1] Цит. по кн. М. Лемке. Очерки освободительного движения 60-х годов, СПб., 1906, стр. 21—22.

В 1853 г. он сдал при Петербургском университете экзамен на звание преподавателя армянского языка и получил должность младшего учителя в Лазаревском институте восточных языков в Москве.

В 1854 г. по настоянию Аштаракского и наместника Кавказа Воронцова Налбандян был все же арестован. За недоказанностью предъявленных ему обвинений он был вскоре освобожден, но его лишили должности учителя Лазаревского института.

В том же году Налбандян поступил вольнослушателем на медицинский факультет Московского университета. Но он не думал о специальности врача-практика или ученого. Его влекла арена общественно-политической деятельности. Он был убежден, что «в рабстве не может быть просвещения». Это убеждение определило его дальнейший жизненный путь.

В годы учебы в университете Налбандян выступал с остро сатирическими стихотворениями, в которых разоблачал армянских крепостников и клерикалов.

В 1854 г. Налбандян написал свой первый большой труд — «Слово об армянской письменности». В 1857 г. он перевел с французского языка на армянский и издал первую часть романа Эжена Сю «Агасфер». Он написал предисловие к этому роману и присоединил к нему свое обширное исследование об иезуитах, вскрывающее реакционную роль католицизма, становившегося в то время орудием религиозного раскола армянского народа в целях его колониального закабаления западноевропейскими державами.

В 1858 г. Налбандян оставляет университет и полностью отдается литературно-публицистической деятельности. Он стал сотрудничать в журнале «Северное сияние» («Юсисапайл»), который издавался в Москве под редакцией профессора Ст. Назарянца. Журнал этот был по своему направлению либеральным, но за отсутствием другого, более радикального органа Налбандян вынужден был писать в журнале Ст. Назарянца, проводя в нем, однако, свою особую демократическую линию в противовес линии либерального редактора.

В ответ на выступления Налбандяна в печати против него ополчилась целая свора армянских мракобесов-крепостников. В тайных доносах министру внутренних дел редактор реакционного журнала «Голубь Масиса» («Масеац ахавни») архимандрит Г. Айвазовский сообщал о «бунтарстве и безбожии» Налбандяна и требовал его ссылки в Сибирь. По этим доносам Налбандян в 1859 г. неоднократно подвергался допросам.

Над ним снова нависла опасность быть брошенным в тюрьму. Под предлогом необходимости поправить свое здоровье, он едет за границу. В Лондоне он пытался основать вольную армянскую типографию, но безуспешно.

По возвращении в Москву Налбандян защитил кандидатскую диссертацию, после чего в 1860 г. опять выехал за границу. Во время пребывания в Лондоне он познакомился с Герценом и Огаревым, которые приняли его как друга и соратника.

В мае 1862 г. Налбандян возвратился в Петербург. В это время царская жандармерия арестовала эмиссара лондонской группы революционных демократов Ветошникова, у которого были письма и поручения от Герцена и Огарева к Н. Серно-Соловьевичу, Налбандяну и другим. 7 июля 1862 г. были отданы приказы об аресте Н. Чернышевского, Н. Серно-Соловьевича, М. Налбандяна.

14 июля 1862 г. Налбандян был арестован в родном городе, привезен

в Петербург и заточен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, где провел около трех лет.

В апреле 1865 г. за связь с «лондонскими пропагандистами» (имелся в виду Герцен) он был приговорен к ссылке.

19 ноября 1865 г. Налбандян, тяжело больной, был доставлен в г. Камышин Саратовской губернии, где и умер 14 апреля 1866 г.

Похороны Налбандяна в Нахичевани, куда было перевезено его тело, вылились в многолюдную демонстрацию. Народ оплакивал выразителя своих чаяний, глашатая свободы, узника и жертву самодержавия.

Ни казематы Петропавловской крепости, ни ссылка не сломили тяжело больного, но железного духом Налбандяна. Он до последнего дыхания оставался верным знамени революционной демократии и пронес его незапятнанным через всю свою жизнь.

* * *

Наиболее зрелый период жизни и деятельности Микаэла Налбандяна падает на годы, когда в России происходило нарастание крестьянского антикрепостнического движения, приведшее в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. к образованию революционной ситуации.

Естественно, что в этот период одним из центральных вопросов и армянской передовой общественной мысли становится вопрос об уничтожении крепостничества и самодержавия.

Царизм в процессе колонизации Закавказья поддерживал и культивировал там крепостничество, стремясь опереться на местную феодальную верхушку. Поощряя феодальную знать Закавказья, царизм проводил грабительскую политику в отношении крестьянства. Официальные источники царизма повествуют о раздаче казенных сел и деревень бекам, ханам, меликам, которые и были опорой царизма в деревне.

По сравнению с турецким и персидским гнетом, в условиях которого армянский народ физически истреблялся, господство России в Закавказье играло прогрессивную роль в жизни закавказских народов. Энгельс писал в 1851 году, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку», что «господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей» [1].

Закавказье, вовлеченное в орбиту влияния России, шло, хотя и гораздо медленнее, чем центральная Россия, по пути развития капитализма. В 30-х годах XIX в. оно было включено в единую таможенную систему Российской империи. Установилась регулярная торгово-транспортная связь Закавказья с центральной Россией: были проведены шоссейные дороги через горы, организовано регулярное сообщение по Черному и Каспийскому морям, по Волге. В Закавказье проникают изделия промышленности центральной России.

При этом в развитии капиталистических отношений в Закавказье главная роль принадлежала армянской буржуазии. «...В самом Закавказье (и в частности в Грузии, в Тифлисе),— отмечает исследователь истории народного хозяйства СССР П. Лященко,— армянский капитал в XIX в. играл значительную и самостоятельную роль в насаждении капитализма. Вместе с тем он становился деятельным агентом и посредником для проникновения сюда русского капитала» [2].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 211.

[2] П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II, 1948, стр. 554—555.

Зависимость армянской буржуазии от царского самодержавия и русского капитала получала отражение и в ее политической линии. Армянская буржуазия, наряду с армянскими феодалами-крепостниками и духовенством, преданно служила царизму и не помышляла о независимости родины. «Эти господа, набив свою мошну и присосавшись к царским властям, жили неплохо и в свою очередь помогали полиции, черносотенному духовенству и всякого рода господам-начальникам царского режима душить трудящихся Армении» [1].

Развитие капитализма в Закавказье, проникновение капитала в деревню привело, как и в центральной России, к еще более сильному грабежу крестьянства феодалами, купцами и ростовщиками, усугубило и без того тяжелое положение крестьян.

Крестьянство, несмотря на свою забитость и задавленность, поднималось на борьбу с крепостничеством. В Закавказье, в частности в Армении, в 50—60-х годах прошлого столетия не было еще, правда, такого массового крестьянского движения, как в России, но и здесь назревал активный протест крестьянства против эксплоататоров. Крестьянские восстания происходили в Закавказье в 1837, 1841, 1857 гг.

Обострение классовых противоречий в России в 40—60-х годах XIX в. выдвинуло целую плеяду замечательных революционеров-демократов. К их числу принадлежит Налбандян.

Налбандян понимал, что в России назревает демократическая революция. Он связывал судьбы армянского национально-освободительного движения с судьбами русского революционно-демократического движения, от победы которого он ждал освобождения национальных окраин царской России.

Прибегая к эзоповскому языку, Налбандян писал в 1859 г.: «Северный Ледовитый океан распространяет свое суровое дыхание далеко за свои пределы, и всякое создание, попав под его воздействие,... обрекает себя на жалкую участь... Здесь любая попытка к активизации равносильна обречению себя на вечное тюремное заточение...

Что за скорбный и печальный край!... Но нет, меняются времена года, сама Земля подвержена революциям.

Теперь мы переживаем удивительные времена. Эти перемены как бы уже начались и нам будто суждено быть свидетелями начала этих перемен» [2].

В центре внимания Налбандяна был народ, его положение, его страдания и нужды. «Кровью истекает сердце,— писал он,— когда смотришь на голую и нищенскую жизнь народа» [3].

Негодуя против нечеловеческих условий жизни крепостного крестьянства, Налбандян писал: «Впредь мы не хотим оставаться в тех отношениях, при которых гибли наши предки и гибнем мы. Вековыми рубцами покрыты наши спины. Безудержное варварство не знало предела насилию над нами. Наши юные дочери пали жертвой насилия наших господ, не говоря уж о женах наших. Детей наших господа обменивали на собак. Нет, невозможно больше оставаться в этих отношениях» [4].

Все произведения Налбандяна проникнуты ненавистью к эксплоататорам. Он неустанно подчеркивал, что народ получит освобождение только тогда, когда откажется от покорности и станет на путь борьбы.

---

[1] В. М. Молотов. Статьи и речи, 1937, стр. 211.

[2] М. Налбандян. Полн. собр. соч., т. I, Ереван, 1945, стр. 395—396 (на армянском языке).

[3] Там же, т. III, стр. 28.

[4] Там же, стр. 58.

Так, говоря о грабительском характере реформы 1861 г., Налбандян подчеркивает, что единственным средством избавления народа является насильственное свержение эксплоататоров.

В философско-социологическом трактате «Земледелие как верный путь» Налбандян указывает, что получить землю можно лишь путем вооруженной борьбы против разбойников-крепостников.

Революционный демократизм Налбандяна получил яркое выражение в памфлете «Несколько строк». Здесь мы читаем следующие пламенные слова: «Мы добровольно посвятили себя делу защиты прав простого народа. Перо свое и себя мы не посвятили богачам; под грудами своего серебра, а также благодаря власти тиранов, они всегда неуязвимы. Но тот эксплоатируемый, забитый, жалкий, нищий, голый и голодный армянин, угнетенный не только чужеземцами и варварами, но и своими богачами, своим духовенством и полуграмотными, так называемыми учеными-философами, по всей справедливости привлекает наше внимание. Именно ему, не колеблясь ни минуты, мы посвятили все свои силы. Защищать попранные права этого армянина — вот в чем подлинный смысл и цель нашей жизни. И чтобы достигнуть этой цели, мы не остановимся ни перед тюрьмой, ни перед ссылкой, чтобы не только словом и пером, но и кровью и оружием, если только удостоимся когда-либо взять в руки оружие, добыть проповедуемую доныне свободу и омыть ее своей кровью. Вот что мы исповедуем, вот в чем спасение народа» [1].

Налбандян стоял на той же позиции, какую занимали русские революционные демократы, сыгравшие огромную роль в подготовке русской революции.

* * *

Налбандян вел неутомимую борьбу с армянскими крепостниками, клерикалами и либералами.

Вокруг органов армянских крепостников и клерикалов — газеты «Пчела Армении» и журнала «Голубь Масиса», субсидируемых царским правительством, группировались отъявленнейшие черносотенцы. Вдохновителями их были начальник бессарабской армянской епархии архимандрит Г. Айвазовский — редактор и издатель журнала «Голубь Масиса» и священник Мандинян — редактор и издатель газеты «Пчела Армении».

Выступая с защитой крепостничества и самодержавия, отъявленный мракобес Айвазовский объявлял социальное неравенство и эксплоатацию вечным законом человеческого общества. Если в обществе не будет неравенства, заявлял он, то человечество погибнет, ибо никто не захочет работать для другого, и не станет ни ремесла, ни науки.

Будучи смертельными врагами революции, стоявшие на стороне самодержавия крепостники и клерикалы не могли не видеть революционно-демократической направленности деятельности М. Налбандяна.

Айвазовский с ужасом признавал, что идейным вождем демократического движения в Армении был «страстный молодой человек Налбандян», который в своей деятельности «выражал острую ненависть и неистребимую антипатию большинства народа города и деревни к меньшинству — к сильным властью и богатством». Поездку Налбандяна в 1860 г. по Армении журнал Айвазовского рассматривал как революционное турне для включения армянского национально-освободительного

[1] М. Налбандян. Полн. собр. соч., т. III, стр. 23—24.

движения в общероссийскую демократическую борьбу. «До нас доходят слухи,— писал журнал,— что автор, который пытался превратить местный пожар в общенациональный, теперь лично пустился в путь на восток, запад, север и юг, чтобы то, чего он не мог добиться пером, сделать силой, криком, словом и деньгами».

Налбандян раскрыл гнусную роль предателей интересов армянского народа, каковыми являлись Айвазовский и ему подобные. Он разоблачал Айвазовского и его «соратников» как агентов царизма среди армянского народа, уличил Айвазовского в шпионаже в пользу царизма. С убийственным сарказмом Налбандян писал об Айвазовском: «Айвазовский, со стороны которого за предыдущие годы мы несколько раз были обвиняемы перед министром внутренних дел России в безбожии, в безнравственности, в бунтарстве и сеянии смуты в народе,— г. Айвазовский предлагал сиятельному министру воспретить издание вредного журнала («Юсисапайл») и подвергнуть нас строгой каре по всей суровости законов. Быть может, г. Айвазовский с отеческой заботливостью уготовил нам заранее и местожительство — Нерчинск либо Красноярск, с той целью, чтобы сибирские холода несколько умерили наш пыл (в чисто гигиенических целях). Айвазовский не может отрицать этого факта, в результате которого имело место расследование» [1].

С неменьшей силой Налбандян громил и идеологов армянского либерализма, ярых защитников самодержавия. Ненависть к народу, к его чаяниям, к борьбе за национальную самостоятельность армян — вот что было характерно для армянского либерализма. Ст. Назарянц говорил о народе не иначе как о «безмозглой толпе», как о «звере», которого надо держать всегда крепко взнузданным. В 1858 г. он со страхом предупреждал русский царизм о революционной опасности.

Относясь с презрением к либералам, которые зачастую пытались прикрыть свое прислужничество царизму и крепостникам громкой фразеологией, Налбандян называл их стадом, покорно выполняющим волю крепостников. Он гневными словами обличал либералов за их проповедь мирного, постепенного «прогресса», противопоставляя этому беззубому эволюционизму необходимость изменения самых причин, порождающих социальный гнет и неравенство. «Мы,— заявлял он,— проповедуем средства не против явлений, что лишено оснований, а против *причин,* породивших эти явления» [2].

Формулируя в борьбе против либералов свои основные положения, Налбандян исходит из того, что современное общество делится на «простой народ» — трудящихся и на эксплоататоров. Он утверждает, что движущую силу развития общества составляет простой народ, а не эксплоататоры. Согласно Налбандяну, нацию составляет простой народ, национальный интерес есть интерес простого народа. «Всегда была ошибочна та точка зрения,— писал Налбандян,— что нация это богачи или люди с громкими званиями. Почему? Потому, что простой народ составляет основу общественной жизни нации» [3].

Направляя свой удар против примиренчества либералов, Налбандян писал, что ничто не может предотвратить развертывание борьбы в обществе. Жизнь есть движение, а движение ведет к борьбе, поэтому борьба — это единственная основа развития общества.

Налбандян считал, что интересы простого народа получили свое выражение в социалистических учениях. «Характерная особенность ны-

[1] М. Налбандян. Полн. собр. соч., т. III, стр. 31.
[2] Там же, стр. 109.
[3] Там же, т. II, стр. 258.

нешнего времени, особенно со второй половины текущего века,— писал он,— заключается в постановке таких вопросов общественной жизни, решение которых приведет к улучшению жизни человечества...» [1].

Уничтожение крепостничества Налбандян отождествляет с социализмом. Он сторонник крестьянского общинного социализма. В своем труде «Земледелие как верный путь» он подвергает жестокой критике феодально-крепостнические и капиталистические отношения и приходит к выводу, что социальная проблема может быть разрешена только с ликвидацией частной собственности на землю, только при общинном владении землей. Он писал: «Каждый житель деревни и города должен иметь равное право на обработку и возделывание определенного количества земли до тех пор, пока он или его потомки живут на той земле. Каждый город, каждое село должны иметь свою землю, которая явится собственностью городского или сельского общества» [2].

В работе «Гегель и его время» Налбандян, вновь возвращаясь к этому вопросу, пишет: «Несомненно, настанет день, когда майоратная система падет, и тем самым земля освободится от оков. Но разве новые порядки будут тогда абсолютно совершенными? Разве Франция, земля которой измельчена [где господствует парцеллярное хозяйство.— *А. X.*], не чувствует в несколько иной форме тяжесть этой системы? Остается единственно благотворный выход — общинное начало, которое существует в России» [3].

Общинный социализм Налбандяна является утопическим социализмом. Но Налбандян — не утопист типа Сен-Симона или Оуэна. Он идеолог крестьянского революционного демократизма.

Для Налбандяна осуществление идеи социализма немыслимо без борьбы народа. При этом «каждое препятствие, каждая причина, которые будут мешать осуществлению этой идеи, должны стать источником и толчком к новым действиям, с новыми силами. Народу нужна самостоятельная деятельность, ибо его моральная победа может быть одержана только им самим» [4].

Налбандян глубоко верит в историческую роль простого народа. Он отбрасывает буржуазный взгляд на народ как на пассивную толпу. Налбандян рассматривает народ как активную, самодеятельную силу исторического процесса. Он пишет, что народ — это не белая бумага, которая не способна понять того, что на ней пишут. Народ очень многое дает тому, кто хочет вразумить его; чаще всего именно народ воодушевляет его.

Налбандян считает, что истина представляет собой общественное достояние, является продуктом жизни самого же народа. А «когда в народе проснулась способность говорить, он сам уже становится вразумителем... Поэтому странно, когда нацию делят на невежд и ученых ... Отдельные личности, поднявшиеся над общим уровнем своими знаниями, своей деятельностью, только тогда могут что-нибудь сделать в области человеческого прогресса, когда они имеют корни в простом народе, когда между ними и народом существует неразрывная и живая связь» [5].

Налбандян отбрасывает буржуазную идеалистическую теорию «активных героев» и «пассивной толпы». Движущей силой истории Нал-

---

[1] М. Налбадян. Полн. собр. соч., т. II, стр. 255.
[2] Там же, т. III, стр. 48—49.
[3] Там же, стр. 313.
[4] Там же, т. II, стр. 257.
[5] Там же, стр. 257—258.

бандян считает простой народ, трудящихся людей. «Как бы велико ни было число знаменитых людей в нации, все же движущей силой ее является простой народ. Он является фундаментом, осью и двигателем этой машины» [1]. Просвещенные же личности могут лишь ускорить либо замедлить историческое движение, могут и должны дать ему размах и направление. Отсюда Налбандян делает вывод, что «философский смысл жизни заключается в беззаветной и горячей защите нужд и интересов простого народа», причем таким образом, чтобы «разбудить к деятельности миллионы» [2].

Налбандян вплотную подошел к пониманию того, что в основе исторического процесса лежат социальные противоречия. Так, в письме к своему последователю Ар. Свачяну Налбандян, касаясь национально-освободительного движения итальянского народа, подчеркивал, что без учета различия интересов простого народа, буржуазии и крепостников нельзя понять особенности этого движения.

В работах «Земледелие как верный путь», «Гегель и его время» Налбандян, разоблачая грабительскую политику английского правительства, указывал на английскую биржу как на основу этой политики.

Демократические и социалистические идеи Налбандяна получили яркое воплощение в его взглядах на национальный вопрос.

Национально-освободительное движение, по Налбандяну, неотделимо от революционно-демократического движения.

Нацию Налбандян рассматривал как исторически сложившуюся форму существования человечества. С этих позиций Налбандян громил как буржуазных националистов, так и космополитов. По образному выражению Налбандяна, буржуазные националисты «из-за одного вертела шашлыка для себя закалывают целого быка другой нации» [3], а космополиты, «прикрываясь гибельностью национальной обособленности, отказываются от своей национальности» [4]. Космополитические взгляды Налбандян называл «жалкой плачевной философией», «чудовищным, неописуемым злосчастьем» [5].

Налбандян подчеркивает, что если он подчиняет национальный вопрос социальному, то это не значит, что он отрицает нации. «Национальность не порок, а достойна всякого признания, если она без различия признает все другие национальности, считает их достойными всех прав, которыми обладает она сама. Национальность не порок, а даже достойна похвалы, если она сумеет облегчить осуществление общечеловеческой задачи в своей нации, предоставляя всем своим членам равные права и равные льготы» [6].

Налбандян не только не был националистом, но и не абсолютизировал национальную форму существования человечества. Он считал, что со временем, по мере расцвета культуры национальностей, нации исчезнут, и человечество будет жить в таком строе, где не будет национальностей, не будет национальных различий и, следовательно, национальной проблемы. Он писал: «Да, если бы на всем земном шаре ныне было признано равноправие всех наций, если бы были уничтожены все современные государственные системы, то на завтра не только не существовало бы национальной проблемы, но она была бы излишней» [7].

[1] Там же, т. I, стр. 452.
[2] Там же, т. II, стр. 254—255.
[3] Там же, т. III, стр. 82.
[4] Там же, т. II, стр. 259.
[5] Там же.
[6] Там же, т. III, стр. 91.
[7] Там же, стр. 81.

Национальную самостоятельность Налбандян рассматривал, таким образом, как этап на великом пути продвижения народов к интернациональному единству.

Как бы ни были прогрессивны взгляды армянского мыслителя в национальном вопросе, он, разумеется, не дал и не мог дать научного его решения. Только основоположники марксизма-ленинизма, только гениальный продолжатель дела Ленина товарищ Сталин дали научное, диалектико-материалистическое решение вопроса о происхождении наций, о сущности национального движения, о путях преодоления национальной вражды и угнетения. «Национальный вопрос есть часть общего вопроса о пролетарской революции, часть вопроса о диктатуре пролетариата»,— пишет товарищ Сталин [1]. Ясно, что национальный вопрос можно правильно разрешить лишь с позиций пролетарского социализма, лишь поднявшись до понимания необходимости диктатуры пролетариата. Налбандян же был крестьянским революционером.

* * *

В своем философском развитии Налбандян прошел путь от идеализма к материализму.

Последователем какой-либо идеалистической философской школы он никогда не был, и идеализм его проявился в тех религиозных представлениях, которые были у него в ранний период его жизненного пути. Освобождение от этих представлений и переход на материалистические позиции был обусловлен его революционным демократизмом.

В истории армянской общественной мысли и революционного движения М. Налбандян выступил как деятель нового типа. Он был разночинцем.

Ему были хорошо знакомы не только жизнь армянского крестьянства, но и положение русского крепостного крестьянина. Он не раз проделал путь через русские села и деревни от Нахичевани до Москвы.

Под влиянием картин жестокого помещичьего гнета над обездоленным крестьянством Налбандян проникается жгучей ненавистью к существующему строю и поднимает голос против религии и церкви, освящающих этот несправедливый, жестокий строй.

В стихотворении «Надежда», написанном в 1854 г., он разоблачает выдумку о потусторонней жизни. Надежда на потустороннюю жизнь, говорит он, вселяется религией для того, чтобы обездоленные, бедные люди покорно и безропотно переносили свое горе и муки, уповая на блага «потусторонней жизни».

В стихотворении «Жизнь» Налбандян выступает против религиозного, мистического понимания жизни и утверждает, что основу человеческой жизни составляет не духовная, а трудовая деятельность человека. Человек отличается от животных не тем, что он обладает особым божественным началом — духом, а тем, что он имеет руки.

Налбандян заявляет в ряде своих произведений, что нравственный мир людей, которому религия приписывает божественное происхождение, на самом деле объясняется средой, положением людей в обществе. «Заключается ли,— писал он,— причина нравственности или безнравственности того или иного человека в нем самом или в окружающей его общественной среде... — вот вопрос, которым занята моя мысль. Многие опыты и примеры... да и мои собственные наблюдения, наряду с наблюдениями многих других, положительно подтверждают..., что че-

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 47.

ловек, рождаясь, не носит в себе начал или элементов нравственного и безнравственного, что эти качества являются последствием влияния хорошей или дурной среды» [1].

Нет порочных, аморальных людей вообще, они становятся такими, и причина этого не в них самих, а в окружающем их социальном мире. Корень всех зол, всего дурного заключается в том, что у человека отнимают добытые его руками средства к существованию, совершают насилие над его правами и волей. Для спасения своего имущества и жизни от мечей насильников рабы, не располагая другими способами защиты, прибегают к лицемерию, лжи, измене. Следовательно, источник пороков кроется в том, что существуют рабовладельцы и рабы, помещики и крепостные, богачи и люди, лишенные средств к существованию.

Исходя из этого, Налбандян отвергает представление о том, что моральное усовершенствование людей может быть решающим оружием преобразования общества. Он утверждает, что нравственный прогресс требует уничтожения общественного строя, основанного на насилии рабовладельцев, крепостников, богачей и вельмож над рабами, крепостными и слугами. Чтобы изменить нравственный мир людей, надо изменить общественные отношения.

Эволюция Налбандяна к материализму, его отход от религиозных взглядов неразрывно связаны, таким образом, с его демократизмом. Материализм выступает у Налбандяна как орудие борьбы за демократическую революцию, за победу демократии над крепостниками. Демократическая же революция призвана создать условия для просвещения народа, для победы науки над мистикой.

В формировании материалистических взглядов Налбандяна немаловажную роль сыграли его занятия естествознанием в Московском университете.

Будучи на медицинском факультете, Налбандян интересовался не только специально медицинскими науками, но и глубоко изучал астрономию, физику, химию. Позднее Налбандян с удовлетворением вспоминал то время, когда он с товарищами дни и ночи напролет занимался естественными науками.

Была одна проблема, которая особенно занимала Налбандяна,— это эволюционное направление в биологии. Он считал, что эволюционная биология представляет не только теоретический интерес, но и имеет огромное практическое значение для сельского хозяйства.

Следует отметить, что эволюционное направление в биологии имело в то время в Московском университете своего крупного представителя — профессора Карла Францевича Рулье. Герцен в 1845 г. в статье «Публичные чтения г-на профессора Рулье» отметил Рулье как крупнейшего ученого-зоолога и палеонтолога, рассказ которого о животных «был жив, нов и опирался на богатые сведения г. профессора, известного своими важными заслугами по части московской палеонтологии...» [2].

К. Рулье в своих доказательствах эволюции организмов предвосхитил некоторые идеи Дарвина. Движущей силой эволюции организмов он считал внешние природные условия и приходил к идее единства изменчивости (подвижности) и устойчивости как закона развития организмов.

Налбандян в университете учился у К. Рулье. Он высоко ценил эволюционные идеи и сам много занимался проблемами возникновения живого из неживого и развития животных и растительных организмов.

---

[1] М. Налбандян. Полн. собр. соч., т. I, стр. 319.

[2] А. И. Герцен. Избр. философ. произв., т. 1, М., Госполитиздат, 1948, стр. 323.

Нельзя отделить, отгородить научные интересы Налбандяна от его политических интересов. Напротив, они всегда питали друг друга. Данные науки он направлял против идеализма и мистики. Он горячо желал поставить науку на службу народу.

В борьбе против крепостников и крепостнической идеологии Налбандян черпал силы в арсенале русской передовой материалистической философии. Идеология русского революционного демократизма оказала на него неизгладимое воздействие. Налбандян вырос и закалился под могучим воздействием русской передовой культуры. Как поэт он неизменно обращался к Пушкину и Лермонтову, как писатель-романист он следовал реалистическому методу Гоголя и защищал его как единственно плодотворный метод художественного творчества.

Из переписки поэта Рафаэля Патканяна видно, что Налбандян уже в самом начале своей деятельности горячо заинтересовался заграничными изданиями Герцена.

Особенно большое влияние на формирование взглядов Налбандяна имели Белинский и Чернышевский.

В первой крупной работе Налбандяна «Слово об армянской письменности» со всей ясностью обнаруживается плодотворное влияние эстетической концепции Белинского. В этой работе Налбандян с позиций Белинского разбивает аргументы клерикалов-крепостников в пользу средневекового направления в армянской литературе и обосновывает необходимость новой, демократической и реалистической литературы. Исходным положением «Слова» является признание внутренней закономерности исторического развития и связи культуры народов с их политической историей. Защищая и развивая это положение, Налбандян шел по пути реалистической эстетики Белинского. «Как по нашему мнению, так и по просвещенному мнению других,— писал Налбандян, имея в виду именно Белинского,— источником поэзии народа является политическая жизнь народа, следовательно, и его история...» [1].

В статьях и исследованиях, посвященных разбору произведений армянской литературы, Налбандян защищает принципы реализма, народности, патриотичности и идейности искусства. Он подвергает критике попытку либерала Ст. Восканяна принизить значение романа Х. Абовяна «Раны Армении». Налбандян показывает, что Ст. Восканян исходит из теории «искусства для искусства».

Налбандян находился в самой тесной идейной и политической связи с Чернышевским. Через работу Налбандяна «Земледелие как верный путь» красной нитью проходит основная философская идея работы Чернышевского «Антропологический принцип в философии» — идея материалистического монизма, как единственно правильного принципа в философии.

В набросках работы «Гегель и его время» Налбандян многократно цитирует Чернышевского, считая его наиболее крупным и заслуживающим доверия авторитетом в философии. Он открыто объявляет себя последователем Чернышевского, отождествляя свою позицию в философии с позицией Чернышевского.

Налбандян солидарен с Чернышевским не только в критике философии Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, но и в положительном отношении к диалектике. При оценке диалектики он ссылается на «Критику философских предубеждений против общинного владения» Чернышевского.

[1] М. Налбандян. Полн. собр. соч., т. II, стр. 57.

В борьбе с идеалистическими и антинародными взглядами в литературной критике Налбандян опирается как на Белинского, так и на «Эстетическое отношение искусства к действительности» Чернышевского, на основную идею материалистической эстетики Чернышевского: «Прекрасное есть жизнь».

Связь взглядов Налбандяна со взглядами русской революционной демократии не ускользнула от внимания армянских крепостников. Выступления Налбандяна по вопросам литературы и литературной критики (предисловие к роману Эжена Сю «Агасфер» — 1857 г., «Критика», 1858 г.) вызывали вой в органе армянских мракобесов «Пчела Армении». Армянские крепостники и либералы в 60-х годах, а впоследствии дашнаки и армянские меньшевики злобно упрекали Налбандяна, пропагандировавшего воззрения русских революционных демократов, в измене «национальным традициям». Эта гнусная клевета на Налбандяна, верного сына своего народа, свидетельствует лишний раз о том, что даже враги Налбандяна не могли не видеть сильного влияния на него русской общественно-философской мысли 40—60-х годов XIX в.

Налбандян изучал не только труды классиков русской философии, но и произведения западноевропейских мыслителей. Он был знаком, в частности, с «Сущностью христианства» Л. Фейербаха. Совершенно неправ, однако, Ал. Мартуни, когда он на этом основании утверждает, что отход от идеализма и переход к материализму у Налбандяна совершается за границей [1], что Налбандян заразился там материализмом от Фейербаха [2], что его материализм был следствием влияния Фейербаха [3]. Все эти утверждения должны быть отброшены как совершенно несостоятельные.

Материализм Налбандяна тесно связан с материализмом русских революционных демократов 40—60-х годов XIX в. Ему чужды антидиалектичность, механицизм и созерцательность фейербаховского материализма. Вся социальная и политическая направленность философского материализма Налбандяна против идеологии крепостничества и либерализма свидетельствует о том, что его материализм был идейным обоснованием демократической, антикрепостнической революции.

* * *

Философия, по Налбандяну, должна заниматься реально существующими вещами.

Что же существует реально, объективно? Объективно существует природа. «В мире нет ни одного явления, которое не совершалось бы по законам природы. Все, что не соответствует этому закону, ложно» [4].

Налбандян не проводит различия между физическим и философским понятиями материи. Наиболее общим понятием для обозначения материи является у него вещь, вещественность тела. В тех условиях и в то время, в которое жил Налбандян, отстаивание материальности вещей в противовес мистике и идеализму было огромным шагом вперед

Налбандян доказывает, что природа вечна, несотворима и неуничтожима. «Природа,— писал он в труде „Земледелие как верный путь“,— потерь не имеет» [5]. Нетрудно заметить, что в этой формулировке

---

[1] См. Ал. Мартуни. М. Налбандян, М., 1919, стр. 13.
[2] Там же, стр. 16.
[3] Там же, стр. 20.
[4] М. Налбандян. Полн. собр. соч., т. III, стр. 339.
[5] Там же, стр. 84.

Налбандян воспроизводит закон сохранения материи, который является нерушимой научной основой материализма.

Природа, по Налбандяну, бесконечна не только во времени, но и в пространстве. В ней существует бесконечное число мировых тел и материальных миров. Мысль о бесконечности вселенной Налбандян формулирует в следующих словах: «Установить границу вселенной и число мировых тел невозможно, ибо каждое из мировых тел в свою очередь является солнцем» [1].

Объективно существующие вещи и мировые тела обладают свойством изменчивости. Защищая положение о вечности, следовательно несотворимости и неуничтожимости материи, Налбандян подчеркивает, что вечность материи нельзя понимать так, будто природа всегда существовала такой, какой мы видим ее теперь. Всегда существовали вещи, тела, но «вещи и тела вечны в своих преобразованиях». «Все вещи в природе,— пишет Налбандян,— подчиняются общим законам природы. Но известно также, что бессмертие вещей осуществляется через смену поколений...

Вещи не египетские мумии, у которых сохраняются окостенелые формы и положения...» [2].

Налбандян не останавливается на высказывании общего положения об изменчивости мира. Он конкретизирует это положение при рассмотрении природы и человеческой культуры. Так, он стоит на точке зрения естественного развития неорганического мира и, горячо защищая гипотезу Лапласа о естественном происхождении солнечной системы из газообразной туманности, сам приводит ряд аргументов в ее пользу. Как бы наивны ни были некоторые из этих аргументов, тем не менее они служили целям опровержения библейских сказок о сотворении мира, наносили удар по религии и идеализму.

Налбандян отстаивает идею происхождения живой природы из неживой. Он считает, что органические тела возникли в результате величайшей революции, которую когда-нибудь переживала природа. О глубине понимания Налбандяном этого вопроса свидетельствует его критика попыток упрощенно объяснить возникновение жизни чисто количественной комбинацией неживой материи. Попытки сведения живой материи к количественным отношениям неживой материи он считает антинаучными. Налбандян глубоко убежден, что завоевания химии раскроют загадку перехода от неорганического мира к качественно иному состоянию, к живой природе. «Жаль,— писал он,— что химия еще хромает во многом; она хотя наука положительная, но до сих пор эмпирическая... Жаль, что микроскоп еще не так усовершенствован. Сделай химия и микроскоп еще несколько шагов, тогда ни за что ни про что, только от восхищения, только от торжества разума можно умереть. И что досадно, что и химия, и микроскоп стоят уже на рубеже, на пороге, где уже положительно кончается граница разных ложных умствований и начинается новый истинный мир. А тут-то они стоят как на беду Вероятно, мальчик XX и последующих веков будет улыбаться над наивностью Берцелиуса, Лавуазье, Либиха и Фрезениуса...» [3].

Оговаривая, что теория естественного развития мира, противоположная идее сотворения его, «пока представляет собой трудную загадку», еще содержит «много сомнений», Налбандян, однако, ни минуты не со-

---

[1] М. Налбандян. Полн. собр. соч., т. II, стр. 160.
[2] Там же, т. I, стр. 22.
[3] Там же, т. IV, стр. 210—211.

мневается в том, что наука накопила уже достаточно фактов, которые подтверждают, что как неорганический, так и органический мир имеют свою историю и что органическая материя является результатом естественного развития неорганической природы. Данные науки, пишет Налбандян, заставляют признать, что «мир, начиная от древнейших времен до новейших, постоянно развивался. Постоянно в нем образовывались новые, более совершенные растительные и животные организмы, хотя и старые исчезали не сразу» [1].

Большое значение для правильного понимания животного мира Налбандян придавал данным эмбриологии. В одном письме он заявляет: «Эмбриология — это, брат, великолепная наука. Правда, она еще молода, но какая будущность ожидает ее,— это словами выразить почти нельзя. У благочестивых идеалистов волосы дыбом поднимутся, а в Испании, пожалуй, снова запылают костры инквизиции...» [2].

Успехи эмбриологии, которая доказывает единство живых организмов, Налбандян оценивает как удар по религии, воздвигающей непроходимую стену между видами животных.

Налбандян стремился дать ответ и на вопрос о том, каковы закономерности развития органического мира. Вслед за Ламарком и русским ученым К. Рулье он считает, что источник развития организмов заключается во внешней среде, в ее воздействии на организм. «Организация животного очень легко объясняется условиями и способом его жизни» [3],— пишет Налбандян.

В этом вопросе Налбандян ссылается также на учение Дарвина, которое дало объяснение развитию органического мира. Правда, Налбандян прямо не называет Дарвина. Он говорит о стройном естественнонаучном учении, которое перевернуло вверх дном все старые, освященные самим же обществом понятия и принципы и вызвало ужас в английском обществе. В конце 50-х и начале 60-х годов таким учением в Англии была теория Дарвина.

В работе «Земледелие как верный путь» Налбандян следующим образом формулирует закономерность развития в органическом мире: «Жизнь есть непрерывное движение, непрерывный обмен веществ и самосохранение» [4].

Налбандян видит основу развития биологических организмов во взаимодействии организма с внешней средой. Этим, по его мнению, объясняется также происхождение и развитие человека.

Несмотря на этот материалистический подход к вопросу, Налбандян, однако, не раскрыл и не мог раскрыть закономерности связей организмов с внешней средой. Этого, как известно, не сделал и Дарвин. Только советская мичуринская биология, вооруженная диалектическим материализмом, открыла закономерность развития организмов под влиянием условий среды.

Вопрос об отношении мышления к бытию Налбандян решает материалистически. Он отвергает точку зрения нематериального происхождения психического и связывает психическую деятельность с органическим веществом. «Подвергая человека анализу с физической и психической стороны,— пишет он,— мы находим, что его организм обладает более развитым центром, в котором концентрированы самые совершенные свойства материи в отличие от других представителей животного и

[1] Там же, т. IV, стр. 171.
[2] Там же, стр. 210.
[3] Там же, т. II, стр. 176.
[4] Там же, стр. 84.

растительного царства, где эти свойства проявляются лишь в разброс и в неразвитом виде. Психическая деятельность, задатки психики имеют место и в мире животных, но у них она находится в состоянии естественного реагирования» [1]. Налбандян, таким образом, считает, что психическое есть самое совершенное, т. е. высшее свойство материи.

Психику человека Налбандян объясняет наличием у людей определенного органа. В незаконченном романе «Вопрошение духов» он говорит о том, что «все ощущения и способности человека концентрируются в органе мысли — в верхних полушариях головного мозга» [2].

В работе «Земледелие как верный путь» Налбандян прямо противопоставляет свою материалистическую точку зрения идеалистическому представлению о том, что человек получает душу от бога. Признание первичности материи, первичности природы Налбандян считает незыблемой основой научной философии. Человек создает философию, но, чтобы человек возник и жил, для этого необходимо, чтобы раньше существовала материя. Кроме того, человек, прежде чем мыслить, исследовать свое *я,* свою жизнь, свое прошлое и настоящее, прежде чем думать о будущем,— прежде всего этого и до всего этого нуждается в материальных средствах существования. Прошли те времена, заявляет Налбандян, когда туманное человеческое воображение из ничего создавало вселенную; из ничего ничего не происходит — повторяет сегодня даже младенец.

Опровергая идеалистический взгляд о божественном происхождении сознания, Налбандян пишет, что человек телесен, и к этой своей телесности он апеллирует в борьбе против идей богочеловека. «Без тела нет реальной жизни, а тело есть материя. Жизнь же материи и человека есть непрерывный обмен веществ. Из этого не следует, что мы отрицаем нравственную сторону жизни..., мы утверждаем, что человек прежде всего физическое существо, а потом уже нравственное» [3].

Дух, душа не в состоянии создавать нечто материальное. Точка зрения «богочеловека», объявляющая бога, дух демиургом действительности, есть результат воображения, мистификация, бред. Мистика, пишет Налбандян, разделяет душу и тело, а материализм связывает их одним узлом. Материализм учит, что «душа относится к телу [т. е. принадлежит телу, является его свойством.— *А. X.*], а тело результат природы. Душа подчинена природе, а потому да сгинет мистика» [4].

Доказывая первичность материи и вторичность сознания, Налбандян отмежевывается от вульгарного материализма. Подчеркивая, что дух есть свойство определенного «обмена веществ», он вместе с тем отличает духовное от физиологического. Для Налбандяна физиология является основой духовной деятельности, но не исчерпывает ее.

Налбандян подчеркивает, что люди, прежде чем мыслить, должны иметь средства для существования. Продолжая эту мысль, он делает попытку истолковать положение о первичности материи и вторичности сознания в социально-экономическом плане и, подобно Чернышевскому, проблему духовного он понимает как проблему нравственного, т. е. подчеркивает общественный характер духовного.

Вслед за Чернышевским Налбандян пытается выяснить общественное содержание человеческой жизни. В отличие от Фейербаха, он видит

---

[1] М. Налбандян. Полн. собр. соч., т. II, стр. 213.
[2] Там же, т. I, стр. 264—265.
[3] Там же, т. III, стр. 73.
[4] Там же, т. I, стр. 105.

источник нравственности в экономическом положении людей: «Кроме существенных и действительных потребностей человека,— пишет он,— для нас ничего не существует. В этих потребностях мы видим его жизнь, условия его жизни. В условиях же этих мы видим экономическую проблему, что считаем источником человеческой солидарности и искренней, подлинной нравственности...» [1].

Налбандян не был материалистом в понимании истории, он не мог понять, на какой основе складывается различное экономическое положение людей. Однако страстное стремление служить угнетенному народу, используя для его блага все достижения науки, привело его к необходимости рассматривать глазами борца все явления общественной жизни. Это и помогло ему, в отличие от Фейербаха, приблизиться к переходу от антропологической трактовки сущности человека к ее социально-политической трактовке. Не случайно, говоря о необходимых физических условиях существования человека, Налбандян связывает этот вопрос с экономическими условиями жизни человека. Он писал: «Экономическая проблема является проблемой жизни и смерти. И невозможно обновить основы жизни армянской нации, невозможно вдохнуть в нее силу и мощь, пока нация, простой народ, нуждается в насущном хлебе, пока экономическая проблема его жизни не решена» [2].

Налбандян показывает, что путь к решению экономической проблемы лежит через насильственное завоевание земли и свободы. Материализм ставится Налбандяном на вооружение демократической революции.

В теории познания Налбандян, продолжая борьбу с идеализмом, защищает основы материалистического сенсуализма.

Он считает, что органы чувств доводят исходящие от предметов лучи до центрального аппарата мышления. Это значит, что Налбандян, во-первых, связывает психическую деятельность с нервной системой и, во-вторых, рассматривает психическую деятельность как результат внешнего раздражения органов чувств.

В подтверждение того, что наука развивается из наблюдения и опыта, Налбандян приводит в несколько иной редакции тот пример, который имеется у Белинского и Чернышевского. «Если бы,— указывает Налбандян,— человек не видел, что дерево в воде не тонет, то невозможно было бы изготовление им плота, затем лодки, развитие которой, в свою очередь, обусловливает развитие парусного судоходства, а затем и парохода» [3]. Или если бы человек не видел, что леса горят от молнии и на практике путем трения не воспроизвел бы процесс горения, то он не мог бы притти к мысли, что некоторые вещи горючи, и т. д.

По Налбандяну, познание — результат не созерцания действительности, оно связано с практической деятельностью человека. В этом он солидарен с английским материалистом Бэконом и с большим сочувствием приводит положение Бэкона о том, что знание развивается из практики. «Человек должен что-нибудь видеть, слышать, познавать пользу и, убедившись на деле, затем уже последовать этому» [4],— вслед за Бэконом подчеркивает Налбандян.

Для выяснения взглядов Налбандяна на сущность познания исключительный интерес представляют его высказывания о языке. Язык, по Налбандяну, является продуктом общественной жизни народа. Творцом

---

[1] Там же, т. III, стр. 97.
[2] Там же, стр. 73.
[3] Там же, стр. 317.
[4] Там же, стр. 182.

языка является народ, история языка связана с историей народа. «Известно,— писал Налбандян,— что язык не может ни образоваться ни изменяться волей и желанием отдельных личностей или групп людей. Язык, как собственность народа, образуется и изменяется самим же народом» [1].

Язык неотделим от мышления. Налбандян рассматривает язык не в отрыве от мышления, а в связи с ним. Для него язык есть форма мышления. Новое понятие, порожденное новыми потребностями, рождает новое слово. «Насколько нам удалось исследовать и понять проблему языка,— писал Налбандян,— мы пришли к выводу, что... слово, которое мы слышим, как звук, является порождением мысли» [2].

Разъясняя это положение, Налбандян ссылается на пример смены древнеармянского языка церкви и средневековых ученых — «грабар» новым народным языком. Древнеармянский язык перестал соответствовать новым понятиям, новому складу мышления народа, поэтому он отмирает и должен быть отброшен, заменен новым языком.

Слово не является чем-то обособленным от смысла. Смысл и слово слиты, они находятся в единстве. Поэтому правильно изучать и понять язык можно лишь тогда, когда он рассматривается в единстве с мышлением.

Рассматривая слово в единстве с мышлением, Налбандян называет язык мостом, через который происходит обмен мыслями между людьми. «Язык,— писал он,— сам по себе форма, посредством которой человек свои мысли переливает в мысль других. Он является тем мостом, через который свободный обмен мыслями может получить свое развитие» [3].

Конечно, Налбандян не решил и не мог решить проблемы соотношения языка и мышления. Но его попытка интересна в том отношении, что он порвал с идеалистической традицией в лингвистике и сделал большой шаг в направлении к материалистическому пониманию языка.

Все коренные вопросы языкознания впервые получили глубокое и всестороннее марксистское освещение в гениальном труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Характеризуя сущность языка, товарищ Сталин пишет: «В чём же состоят специфические особенности языка, отличающие его от других общественных явлений? Они состоят в том, что язык обслуживает общество, как средство общения людей, как средство обмена мыслями в обществе, как средство, дающее людям возможность понять друг друга и наладить совместную работу во всех сферах человеческой деятельности, как в области производства, так и в области экономических отношений, как в области политики, так и в области культуры, как в общественной жизни, так и в быту» [4].

Для теории познания Налбандяна характерно подчеркивание практически-эмпирических основ познания. Однако он чужд узкому эмпиризму и индуктивизму и заявляет: «Хотя мы вообще принадлежим к партии опытной и индуктивной философии, как более положительной теории, но считаем, что в познании нисколько не ошибочна и дедукция» [5]. Налбандян не поднялся и не мог подняться до понимания связи индукции и дедукции в процессе познания. Однако остановиться на индукции, сводить мышление к индукции, по его мнению, равносильно тому, чтобы уподоблять человека немому, который все ощущает, воспринимает, но не может ничего высказать, т. е. сделать какие-либо выводы из ощуще-

[1] М. Налбандян. Полн. собр. соч., т. III, стр. 322.
[2] Там же, т. II, стр. 409—410.
[3] Там же, т. III, стр. 335.
[4] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 36.
[5] М. Налбандян. Полн. собр. соч., т. III, стр. 336.

ний. Мышление — это не сумма ощущений, не механическое накопление эмпирических данных, но их теоретическое обобщение.

Налбандян понимает громадное значение теории, науки для практики. Он писал: «Если теория ошибочна, тогда несостоятельны и ее практические выводы, тогда на практике получается вавилонское столпотворение» [1].

Говоря о роли науки в общественной жизни, Налбандян указывал, что эта роль целиком определяется тем, насколько наука связана с жизнью, насколько она содействует улучшению жизни народа.

Налбандян отвергал «чистую» науку. Он считал, что задачи науки должны быть тесно связаны с политико-экономическими потребностями страны, что наука должна помочь решить основную задачу человечества — социально-экономическую проблему. «В сущности,— писал он,— дело состоит в том, чтобы наука способствовала улучшению быта человека. Улучшить свой быт человек не может, покуда не покорит природы, т. е. покуда не будет знать ее тайн. Естественная же история прямо и положительно отвечает на этот вопрос. Стало быть, изучение природы в социальном отношении имеет большое значение» [2].

Назначение науки — не только правильно отражать действительность, природу, но и быть орудием покорения природы, использования природы в интересах человека. Сознательно управлять явлениями природы — вот к чему, по мнению Налбандяна, должна стремиться подлинная наука. В письме к своему другу Султан-Шаху Налбандян советовал ему изучить основательно искусственное разведение рыбы так, чтобы быть «в состоянии рукой исполнить или заставить рыбу совершить те функции, которые она совершает вдали и втайне от нас... Это очень важно в экономическом отношении» [3].

Через все высказывания Налбандяна по вопросам естествознания красной нитью проходит идея — поставить науку на службу простому человеку. Наука — компас, но она принесет свою пользу лишь в том случае, если будет на корабле общественной жизни, если будет служить практике.

Такое понимание Налбандяном задач и роли науки целиком и полностью вытекает из его позиции революционера-демократа.

Наука должна стремиться к истинному познанию, но истина не самоцель; наука дает, вместе с тем, возможность воздействовать на природу в интересах человека. Поэтому вопрос об истине имеет общественное значение.

Проблема — что такое истина — ставится Налбандяном еще в ранних его произведениях.

В стихотворении «Истина» (1855 г.) он писал:

Удивительные вещи в мире зрим!
Смерть для всех, казалось бы, одна,
Но одним — большим добром, другим —
Злом великим кажется она.
Смерть одна, но разна участь тех,
Кто взглянуть уж призван ей в глаза:
На одном — рубище из прорех,
На другом — атлас и бирюза.
Бедняку ли жизнью дорожить?
Что́ она сулит для бедняка?
Должен он в нужде, без крова жить
И всегда судьба его горька [4].

[1] Там же, т. III, стр. 83.
[2] Там же, т. IV, стр. 210.
[3] Там же, стр. 211.
[4] Там же, т. I, стр. 65. Перевод Сем. Гамалова.

Из различного положения людей проистекает различное понимание ими истины. Для бедного существующий социальный мир является неистинным, гнусным миром, он хуже смерти. Для богача же, напротив, этот же мир является желанным, истинным миром.

Значит ли это, что Налбандян стоит на субъективно-идеалистической точке зрения множественности истин и отрицает объективную истину? Нет. Налбандян показывает, что истина одна. Он отстаивает объективность истины. Он требует исследовать объективность утверждений любого мыслителя, т. е. выяснить, соответствует ли то или иное утверждение вне нас существующей действительности — природе, потребностям общества, которые являются, по Налбандяну, «высшими силами».

Критикуя и отбрасывая обветшалые, мистические «теории» армянских мракобесов и крепостников, защищавших мертвый древнеармянский церковный язык, и доказывая жизненность нового, народного языка, Налбандян показывает, что эта жизненность нового языка вытекает из того, что он соответствует объективным потребностям развития армянского народа. «После того, как это доказано,— пишет он,— сторонника нового могут побить камнями лишь те, кто способен считать пороком для черного цвета то, что он черен, а для белого — то, что он бел. Но так как сторонник нового знает, на основании каких естественных законов возникают эти цвета, и так как это знание не позволяет ему осуждать эти цвета, и он свидетельствует о существующей истине, то вы имеете право и можете бросать в него камнями не иначе, как становясь на службу лжи и мраку» [1].

Подчеркивая, что интерес народа совпадает с объективной истиной, Налбандян тем самым, хотя и ощупью, подходит к пониманию того, что объективность не противоречит классовому подходу к истине. Он резко обрушивается на утверждение крепостников о том, будто народу не дана истина. Он доказывает, что именно потому, что истина представляет собой вывод из жизни народа, она объективна и доступна народу. Налбандян требует на этом основании демократизации науки, приближения ее к народу.

Точку зрения объективности истины Налбандян выразил в следующих словах: «Истина не собственность личности» [2].

Разъясняя смысл этого, Налбандян писал: «На прозвища „социалист“, „красный республиканец“, „сторонник Ж. Ж. Руссо“ и прочие подобные эпитеты, каковые даются нам на основании наших принципов, мы одинаково отвечаем усмешкой... Правда, дважды два составляет четыре как для Руссо, так и для меня, но в таком случае мы являемся последователями не Ж. Ж. Руссо, а истины, истина же не является собственностью отдельной личности» [3].

Республика истинна для Налбандяна не потому, что она обоснована Руссо, а потому, что она соответствует историческому развитию общества, интересам демократии. Положение: «истина не собственность личности» направлено против субъективизма, против мнимых авторитетов.

Налбандян не отрицает авторитетов вообще, но требует критического отношения к ним и при этом подчеркивает, что «если отвергнутое

---

[1] М. Налбандян. Полн. собр. соч., т. III, стр. 336.
[2] Там же, стр. 17.
[3] Там же.

является объективной истиной, то в процессе самостоятельного исследования она вновь выявится, и невозможно, чтобы она не выявилась» [1].

Отстаивая объективность истины, Налбандян боролся, вместе с тем, против ее метафизического, абстрактного понимания. Он подверг беспощадной критике армянских философствующих монахов Г. Айвазовского и С. Джалаляна, их метафизический метод рассуждения обо всем по принципу — «вообще». Прежде чем высказать суждение о каком-либо явлении, надо его подвергнуть всестороннему исследованию, учесть всю сложность действительности.

Подобно Чернышевскому, показавшему, что нельзя абстрактно, вне связи с местом и временем, сказать хорош или плох дождь, Налбандян писал, разоблачая метафизику монаха С. Джалаляна: «Автор [Джалалян.— *А. Х.*] высказывает суждение о климатических условиях той или иной местности, называя их либо хорошими, либо плохими. Но подобный способ суждения никуда не годится. Чтобы высказать суждение о климате, надо его исследовать: во-первых, с точки зрения влажности воздуха и температурных условий в длительный период времени и в разные времена года; во-вторых, надо определить степень насыщенности воздуха электричеством, которое оказывает большое влияние на нервную систему, органы дыхания, а следовательно и на кровь, которая является источником жизни; в-третьих, надо произвести химический анализ и выяснить состав воздуха, соотношение азота и кислорода, а также других газообразных вещей; в четвертых, исследовать самую местность и вообще все то, что подвержено химическому разложению. Если не произведено такое исследование, то суждения о климате необоснованны и не имеют никакого веса и значения для науки, которая требует проверки суждений практикой» [2].

В учении об истине Налбандян исходит из того, что критерием истины является, в конечном счете, практика.

Налбандян подчеркивает, что проверка правильности суждений опытом, практикой является единственно прочной основой науки. Наука, пишет он, требует проверки суждений практикой. Суждения, которые не соответствуют практике, должны быть безусловно отвергнуты.

На попытку армянских крепостников оправдать свою приверженность к мертвому книжному языку — «грабар» ссылкой на его якобы богатство и красоту Налбандян отвечал: «Известно, что категория красоты не дает права старому языку восторжествовать над новым, потому что современность не терпит того, что некрасиво, а новый язык идет в ногу с современностью, следовательно он не некрасив...; и наоборот, то, что красиво, современность не отбрасывает, между тем как она давно отбросила древний язык,— следовательно, древний язык для современности некрасив» [3].

Следует, вместе с тем, отметить, что понимание Налбандяном практики чрезвычайно узко. Практика им еще не понимается как общественно-производственная деятельность людей, а отождествляется с индивидуальным опытом, с экспериментом. Узость понимания Налбандяном практики есть проявление его идеалистической позиции в вопросах истории.

Подводя итог рассмотрению философских взглядов Налбандяна, можно сказать, что он защищает важнейшие положения материализма.

---

[1] Там же, стр. 298.
[2] Там же, т. I, стр. 417—418.
[3] Там же, т. III, стр. 325.

Он исходит из того, что объективно, вне нас и независимо от нас существует материальный мир, частью которого является человек. Органом мышления человека является мозг, а само мышление есть не что иное, как отражение вне нас существующего мира. Ощущения связывают сознание с внешним миром; они — источник всех наших знаний. Налбандян отстаивает объективность истины и считает практику единственным критерием истинности суждений.

В силу классовой ограниченности своих взглядов Налбандян не мог подняться до диалектического материализма. У него нет применения диалектики к теории познания, отсутствует правильное понимание практики.

* * *

Налбандян считает движение и развитие присущими природе и обществу. Все, что существует, существует в развитии и через развитие, ибо то, что не развивается, гибнет и уничтожается. Развивается же то, что соответствует природе и потребностям общества. «Природа не знает покоя,— пишет Налбандян.— Она находится в постоянном движении. В этом ее жизнь. В мире существуют двоякого рода явления — да или нет, вперед или назад, жизнь или смерть» [1].

В органическом мире выживают лишь те существа и растения, которые в борьбе с природой приспособляются к ней, приходят в соответствие с ее требованиями.

В обществе развивается и побеждает все новое и прогрессивное — все то, что связано с интересами народа, миллионов простых людей, ибо они составляют основу общества.

Одной из особенностей развития Налбандян считает переход количественных изменений в качественные. Он иллюстрирует это на примере химических процессов. «В химических соединениях,— пишет Налбандян,— соединяемые теряют свои прежние типы и качества и образуют новые тела» [2].

Налбандян отмечает, что качественные изменения присущи самой действительности, самой природе. «Когда кислород и водород,— пишет он,— соединяясь, теряют свои прежние свойства и превращаются в воду, свойства которой отличаются и от свойств кислорода и от свойств водорода, нам остается признать это явление как действительное» [3].

Переход количественных изменений в качественные, доказывает Налбандян, имеет место и в обществе. Он иллюстрирует это на примере образования нации.

Было время, когда не было нации. Это надо признать, если считать, что человек произошел естественным путем из животного мира. Последнее же вполне доказала современная биология. Значит, было время, когда существовал человек, но не было еще национальностей. Дальнейшее развитие человечества привело к тому, что образовались нации, каждая из которых имеет свой особый облик, экономическое существование, язык, нравственность, культуру.

Налбандян отмечает, что в нации «миллионы людей теряют свои индивидуальные особенности» [4] и живут общей, именно национальной,

---

[1] М. Налбандян. Полн. собр. соч., т. I, стр. 358.
[2] Там же, стр. 281.
[3] Там же, т. III, стр. 82.
[4] Там же, стр. 83.

жизнью. В истории человечества, пишет он, с момента образования нации «началась новая эпоха в жизни и бытии множества миллионов людей» [1].

Итак, нет людей вообще, а есть люди, принадлежащие к той или иной нации, есть русские, армяне, англичане, французы и т. д. «Как историческую действительность, как достоверное явление в жизни человечества,— пишет Налбандян,— нации нельзя отрицать, ...ибо нет в мире человека вообще, а существуют нации» [2].

Не может быть нации без какого-то количества людей. Но вместе с тем нация и не есть просто известное количество людей.

Если исчезает нация, то это вовсе не значит, что погибли, исчезли все люди, входящие в состав этой нации. Количественно человечество может и не измениться с исчезновением той или иной нации, но нация перестает существовать. «Умирает нация, но составлявшие ее члены живут, они не исчезают, не погибают, и количество людей даже не уменьшается от того, что умрет большая нация. Что же в таком случае отмирает, исчезает? Н а ц и о н а л ь н о с т ь — вот единственный ответ» [3].

Таким образом, Налбандян устанавливает и единство и различие количества и качества. Качество невозможно без количества — нет нации без составляющих ее людей. В то же время качество не сводится к количеству, национальность не определяется количеством входящих в нее людей.

Но, разумеется, у Налбандяна нет еще истинного понимания закономерности перехода количественных изменений в качественные. Мы находим у него характеристику только отдельных черт этого закона. У него отсутствует понимание таких важнейших сторон этого закона, как соотношение эволюции и революции, сущность и значение скачка при переходе от одного качественного состояния к другому — вопросы, которые разрешены только диалектическим материализмом.

Постоянное движение вперед является, по Налбандяну, всеобщим законом природы. Налбандян подчеркивает, что если что-либо не развивается, то оно отстает, идет назад и должно погибнуть. Отсюда он делает тот вывод, что армянский народ либо должен приобщиться к современному прогрессивному движению и разбить реакционные силы общества — крепостников, клерикалов, холопствующих либералов, совершив «громовое», т. е. коренное, революционное изменение в социально-политической и культурной жизни, либо он погибнет как народ, как нация.

Борьба нового со старым носит ожесточенный характер, и правильное понимание жизни заключается, по Налбандяну, в том, чтобы мертвецов толкать в могилу, а новые ростки жизни поддерживать и развивать.

В 1855 г. в одном из своих писем Налбандян писал: «Если на все это [имеется в виду развитие в природе и обществе.— *А. X.*] смотреть научно или, лучше сказать, философски, то мы обязаны выделять из старого зарождающиеся ростки нового, ухаживать за ними и поддерживать их» [4].

В борьбе с врагами армянского народа — крепостниками, клерикалами, либералами, Налбандян постоянно мобилизовывал прогрессивные силы общества на поддержку нового, развивающегося.

---

[1] Там же.
[2] Там же, стр. 82.
[3] Там же, стр. 83.
[4] Там же, т. I, стр. 23.

Налбандян был уверен в торжестве нового над старым, умирающим. Он пламенно верил в победу дела демократии, ибо эта победа отвечает интересам движения общества вперед.

Глубочайшим революционным оптимизмом проникнуты слова Налбандяна, с которыми он после подавления революционных выступлений крестьян в связи с реформой 1861 г. обратился к молодому поколению революционеров: «Пусть мертвецы хоронят своих мертвецов. Их солнце уже закатилось, а вы живы и будущее принадлежит вам. Ваша малочисленность по сравнению с множеством нужд пусть не обескураживает вас, ибо тот, кто чувствует в себе жизнь, должен примкнуть к вам, потому что процесс жизни имеет только одно направление — вперед» [1].

Указывая на жестокую расправу царизма с крестьянством и проклиная царизм, Налбандян писал, что кровь, пролитая народом, даром не пропадет, что орошенное кровью народа молодое деревцо революции восторжествует, наперекор ее врагам. Налбандяна не пугала сила царизма, ибо он видел, что будущее против царизма.

Тогда, когда капитализм в целом шел еще по восходящей линии, Налбандян сумел увидеть разъедающие его внутренние противоречия. Он писал: «Европа родилась поздно, но старится очень быстро. В течение нескольких веков она пережила много исторических фаз. Переменила и все еще меняет формы правления, но до сих пор не достигла своей цели, ибо она все время старалась расширить, выправить, выравнять избранный ею путь, забывая, что трудности не столько от пути, как от обуви, которую она надела и которая жмет и мешает ей итти вперед...

Да, Европа стоит перед трудно разрешимым вопросом; это — экономический вопрос, вопрос о человеке и хлебе. И вопрос этот рано или поздно, хотя бы через ужасные бури, но разрешится.

Ничто не может помешать этому — ни самое жестокое насилие, ни реакционные режимы, ни противодействие, ни преследование и заточение пророков и апостолов этого будущего. С какой бы стороны и кем бы ни предпринимались эти противодействия, они обречены на провал» [2].

Рассматривая развитие как процесс, совершающийся путем столкновения нового со старым, Налбандян придавал громадное значение активной революционной борьбе за победу нового. «Мы уже давно,— писал он,— гораздо раньше, чем начали свои публичные выступления в печати, знали, что... старые умы никогда не согласятся мирно уступить новым идеям, что новое должно через борьбу водрузить свое знамя на развалинах старого. Из этого нами был сделан вывод, что никакие нападки... не должны даже на волос сбить нас с нашего священного пути» [3].

В другом месте он заявляет: «В нашей нации теперь существуют разные взгляды, разные направления, разные знамена,— значит есть и война. Было бы странно отрицать это. Но не менее странно желание установить мир между антагонистическими сторонами. Это было бы вредным для нашей нации. Борьба есть результат движения, а движение — сама жизнь» [4]. А потому: «Благословенна борьба... Пусть она будет грозной и беспощадной, честной и добросовестной!» [5]

---

[1] М. Налбандян. Полн. собр. соч., т. III, стр. 41.
[2] Там же, стр. 81.
[3] Там же, стр. 15.
[4] Там же, т. II, стр. 262.
[5] Там же, стр. 263.

Налбандян понимает историю идеалистически, как борьбу идей, он видит источник общественных столкновений в том, что «люди ищут истину самостоятельно, независимо друг от друга», что «не у всех одинаково светлое мировоззрение» [1]. Но у него имеется и попытка раскрыть объективную классовую основу идейной борьбы в обществе. Он указывал на то, что армянские крепостники и либералы, прикидывающиеся патриотами, защищают тьму и невежество, являются врагами просвещения потому, что это диктуется их классовыми интересами. Он писал: «Причина, заставляющая лжепатриотов всецело посвятить себя служению лжи, твердо держать наш народ во тьме, заключается в эгоизме, властолюбии и корыстолюбии... Для того, чтобы непрерывно выкачивать дань из народа, они вынуждены всей своей властью держать его как можно дольше в вавилонской тьме и в состоянии полной покорности..., ибо если завтра зажжется прометеев огонь просвещения, тогда фальшивые, прикидывающиеся национальными вождями лжепатриоты перестанут быть людьми в глазах народа» [2].

Необходимо решительно подчеркнуть, что Налбандян, признавая движение и развитие необходимыми чертами действительности, еще далек от подлинно диалектической их трактовки. Он подошел к уяснению лишь отдельных моментов царящей в действительности диалектики. У него нет понимания диалектики как науки о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления.

Большой исторической заслугой Налбандяна надо считать то, что он сделал попытку теоретически обосновать необходимость революционного изменения отживших крепостнических общественных отношений. Налбандян не стоял и не мог стоять на позициях пролетарского революционера и отстаивал необходимость лишь крестьянской революции. Однако несомненно прогрессивным является неустанная проповедь им того взгляда, что законом развития общества является революция, что историю общества нельзя понимать как эволюцию, как реформу, как постепенное улучшение. В истории есть периоды застоя, медленной эволюции и даже движения вспять, но есть и периоды бурного подъема, революционного штурма старого.

Было бы неправильно думать, что Налбандян научно выяснил соотношение эволюции и революции. Но бесспорно, что он понимал необходимость социальной революции. Налбандян не только признавал закономерность революции, но он считал ее наиболее плодотворным периодом в истории. «Человеческая жизнь,— писал он,— развивается не по заранее предначертанному пути. Жизнь — текучее явление. Имея тысячи взаимосвязей, сталкиваясь многообразными противоречиями (в том числе противоречиями между личностями), она либо теряет первоначальное направление, либо получает другое направление, либо переживает застой, либо же развивается с невообразимой быстротой. Бывали времена, что человечество, прожив целый век, не проходило и однодневного пути, но бывало и так, что оно в течение одного дня шагало на столетие» [3].

Эта мысль прямо перекликается с высказыванием Чернышевского: «Прогресс совершается чрезвычайно медленно, в том нет спора; но все-таки девять десятых частей того, в чем состоит прогресс, совершается во время кратких периодов усиленной работы. История движется мед-

---

[1] Там же, т. I, стр. 364—365.
[2] Там же, т. II, стр. 361.
[3] Там же, т. III, стр. 299.

ленно, но все-таки почти все свое движение производит скачок за скачком...» [1].

Налбандян бичевал армянских либералов, погрязших в болоте постепенновщины. Имея в виду философию либерализма, Налбандян писал: «Нация не может завоевать самостоятельность, если она будет идти за философией тех людей, которые хотя и чувствуют бесплодность старого, но по своей трусости не могут отделаться, отмежеваться от печального прошлого и стать на путь нового, где с юношеской энергией развивается знамя сторонников прогресса.

Нельзя итти двумя путями одновременно и в противоположном направлении, застревать же между ними кажется нам невообразимым заблуждением.

Да, история свидетельствует, что решительные средства приносят временные, преходящие потрясения, но, с другой стороны, та же история показывает, что ценою этих преходящих потрясений завоевывается будущее.

Половинчатые средства всегда приносили вред человечеству...

Во всех естественных и человеческих законах мы находим или да или нет, третьего не дано...

Нельзя проповедовать законность и защищать беззаконие. Нельзя проповедовать прогресс и, подобно паралитику, оставаться остолбеневшим на месте. Нельзя проповедовать чистоту и купаться в гнилом болоте. Нельзя проповедовать просвещение и с усердием барахтаться во мраке. Нельзя начинать строить новое, призывая на помощь пороки прошлого» [2].

Подлой философии средней линии, проповедуемой либералами, Налбандян противопоставляет философию решительных мер в истории — философию революции. Он подчеркивает, что будущее можно завоевать только путем революционного свержения ненавистного крепостничества.

Сквозь все рогатки царской и армянской церковной цензуры он проводил идею революции, пропагандировал идею необходимости вооруженной борьбы демократических масс против их угнетателей, против помещичье-крепостного строя.

* * *

Материалистический характер мировоззрения Налбандяна проявился и в его попытке определить предмет, место и задачи философии.

Налбандян отвергает идеалистическую философию. Он ее считает бесплодной, ибо идеалистическая философия занимается сверхъестественным, тем, что отлично от природы, противоположно ей и потому не может быть изучено объективно. Идеалистическая философия совершает насилие над действительностью, извращает ее в угоду предвзятым мистическим идеям.

Кроме того, идеалистическая философия всегда стремится создать абсолютную систему, систему, якобы исчерпывающую развитие мира и философии. Поэтому характерной чертой идеализма является догматизм.

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VI, 1949, стр. 13.
[2] М. Налбандян. Полн. собр. соч., т. II, стр. 303—304.

Налбандян принципиально отрицательно относился ко всем этим притязаниям идеализма. Содержанием философии должно быть познание объективной реальности — природы и человеческого общества. По Налбандяну, быть философом — значит уметь правильно понимать законы природы и общества.

Философия, по Налбандяну, должна опираться на естествознание и всеобщую историю, из которых она и черпает свои выводы. В противовес идеалистическому и догматическому пониманию философии Налбандян писал: «Достоверно, что подлинным источником и твердой основой философии являются всеобщая история и естествознание. Изучай историю, изучай природу, изучай человека, вникни в суть общественных отношений, его законов, явлений человеческой жизни, найди потребности, познай средства их удовлетворения, и ты станешь философом без принятия той или иной готовой философской системы» [1].

Но философия не сводится к естествознанию и истории. Она обобщает данные наук о природе и истории, устанавливает связи изучаемых этими науками явлений. «Человек,— пишет Налбандян,— должен воссоединить в своей мысли, как в некоем центре, нити всех этих явлений» [2].

Несмотря на то, что подход Налбандяна к пониманию предмета философии включает в себя ряд верных моментов, он все же не мог определить правильно предмет философии. Если Налбандян сумел увидеть, что философия концентрирует в себе нити всех наук о природе и обществе, то законы мышления у него вовсе отсутствуют в качестве предмета философии. Налбандян не поднялся до понимания философии как методологии всех наук.

Исходя из положения о связи философии с действительностью, Налбандян требовал, чтобы философия рассматривалась в развитии. Раз философия является отражением действительности, а последняя развивается, то и философия должна итти в ногу с действительностью. «Философия должна вытекать из жизни каждой нации. Каждая новая фаза в ее развитии должна порождать новую точку зрения» [3].

Понимание связи философии с естествознанием, с общественной жизнью привело Налбандяна к выводу, что не может быть застывшей, неподвижной философии. «Наше утверждение,— заявлял он,— заключается в том, что поскольку науки, человеческая жизнь являются текучими явлениями, то нельзя философию толковать как неподвижный календарь. Мы бросаем перчатку не философии вообще, а той ее форме, которая выступает как догма. Мы осуждаем такую философию» [4].

Беспощадно критикуя идеализм, Налбандян, вместе с тем, обрушивался на тех, кто охаивал всю прошлую историю философии. Он писал: «Унаследовать готовые знания, а затем осуждать то, что было добыто из тьмы и осветилось этими знаниями, мы не только не вправе, но это даже безнравственно... Надо изучать историю философии, чтобы суметь провести параллель между прошлым и настоящим, увидеть, исследовать, каким образом круги человеческого познания ступень за ступенью все более и более расширялись. Отдельные тезисы прошлой философии, которые близки к объективной истине, достойны того, чтобы человек воспринял и изучил их. Они оттачивают и оживляют познавательную

---

[1] Там же, т. III, стр. 300.
[2] Там же, стр. 301.
[3] Там же, стр. 298—299.
[4] Там же, стр. 301—302.

способность человека. История философии содержит такие тезисы, которые являются прямым отражением природы и представляют в тысячу раз бо́льшую прочность и основательность, чем целые искусственные системы, блуждающие в области ничто»[1].

Прошлая философия не является, по Налбандяну, сплошным заблуждением. Из нее должны быть взяты положительные моменты — то, что отражает действительность.

В истории философии Налбандян считал приемлемыми материалистические учения об объективном существовании материи и движения.

Он высоко ценил Ф. Бэкона за провозглашение последним необходимости связи науки с жизнью.

Из современных ему западноевропейских философов Налбандян наибольшую симпатию питал к Фейербаху. Налбандян ценил Фейербаха за то, что тот в качестве исходного пункта философии взял вместо абстрактного мышления — человека. Эпиграфом к своему произведению «Земледелие как верный путь» Налбандян поставил следующие слова из «Сущности христианства» Л. Фейербаха: «Мысли, высказанные в моем труде, вытекают из предпосылок, каковыми являются не отвлеченные мысли, а объективные живые или исторические факты»[2].

Налбандян, однако, не принимает безусловно философии Фейербаха. Ему чужда созерцательность Фейербаха. Он не приемлет его утверждения о том, что только просвещение приведет человечество в земной рай. Налбандян считал, что при эксплоататорском строе просвещение решающего успеха иметь не может, что для развития просвещения необходимо революционное свержение эксплоататорского строя.

Налбандян не мог раскрыть объективной сущности человека как совокупности производственных отношений и потому не мог, разумеется, теоретически преодолеть Фейербаха. Его материализм находится в известной мере в плену антропологизма Фейербаха. Критическое отношение к Фейербаху не устранило этого недостатка мировоззрения Налбандяна. Однако важно то, что Налбандян почувствовал ограниченность философии Фейербаха.

Антиидеалистическая направленность подхода Налбандяна к истории философии особенно четко выступает в его отношении к немецкой идеалистической философии.

Он считал жалкими тех людей, которые преклонялись перед немецкой идеалистической философией. Разрушение идеалистических систем Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля он оценивает как величайшую заслугу Фейербаха и русских материалистов.

Особо острой критике Налбандян подверг систему Гегеля.

Он указывал, что «сверхъестественное начало» философии Гегеля — абсолютная идея — приводит к тому, что разделяется нераздельное: свойство человека отрывается от самого человека, мышление — от человека. Он считал, что система Гегеля является «результатом насилия над мыслью, и потому недостойна приятия и безусловно должна быть отвергнута»[3]. По Гегелю получается, что «человек — глина, а философия — гончар: какую форму пожелает, такую и придаст глине»[4]. Налбандян резко обрушился на Гегеля и за то, что Гегель выдавал свою философию за абсолютную, исчерпавшую все развитие мышления

---

[1] М. Налбандян. Полн. собр. соч., т. III, стр. 301.
[2] Там же, стр. 43.
[3] Там же, стр 300.
[4] Там же, стр. 299—300.

систему. Он отмечает, что Гегель понимает совершенство развития как неподвижную цель, которая якобы уже достигнута в его философии благодаря неуклонному движению ее шаг за шагом к этой неподвижной цели. Но, говорит Налбандян, изображать совершенство, прогресс как неподвижную цель значит отрицать развитие, ибо жизнь «должна повернуться вспять с той минуты, как остановится на своем пути» [1].

Здоровое понятие о жизни, считает Налбандян, заключается в том, чтобы видеть, что жизнь всегда развивается от менее совершенного к более совершенному. Гегель же, абсолютизируя свою систему, отрицает это, выступает тем самым против развития.

Налбандян заявляет, что философия Гегеля, несмотря на то, что она содержит диалектику, которая есть поборник свободы, становится врагом свободы.

Однако чем объяснить характер философии Гегеля, в чем истоки ее извращенной сущности? В ответе на этот вопрос сказывается замечательное историческое чутье Налбандяна. Он пытается вскрыть социальные корни философии Гегеля.

Налбандян отмечает, что Германия того периода была раздроблена, немощна. Там существовали столь жалкие условия жизни, что не могла итти речь об изменении существующей действительности. Отсюда бесплодная мечтательность немецкой философии того времени, ее уход в мир идей. Налбандян писал: «Узкоэгоистические правительства раздробленной на тридцать с лишним частей Германии, ничтожные и миниатюрные..., глубоко накладывают свою печать на своих подданных... Находясь фактически в таком жалком состоянии, немецкий дух искал себе выхода в бесплодных идеях, и до сегодняшнего дня нет недостатка в болтливых философах, которые впустую проповедуют идею, не будучи в состоянии когда-либо воплотить в жизнь для себя эту прелестную идею» [2].

Консерватизм философии Гегеля, по Налбандяну, коренится в том, что он был врагом всего демократического, республиканского, что он ненавидел народ и боялся его. Антиреспубликанизм был, по словам Налбандяна, той желчью, которая, разливаясь по организму Гегеля, постоянно отравляла его сознание. «Во всей системе Гегеля,— писал Налбандян,— имеются следы последних его панегириков системе фридрихов» [3].

Налбандян устанавливает связь между ростом революционного движения в Европе и все бо́льшим усилением реакционного характера взглядов Гегеля.

Ожесточение Гегеля против всего прогрессивного, демократического связано было, по мнению Налбандяна, с ужасом, который вызвал повсюду у реакционеров взрыв в 1830 г. французской вулканической, по выражению Налбандяна, натуры. «Быть может его [Гегеля.— *А. Х.*] мучило предчувствие, что это новое мировое движение, распространяясь все далее и далее, может выбить из колеи не только государство [прусско-феодальное государство фридрихов.— *А. Х.*], но и его систему — систему идеализма» [4].

В 30-х годах, заявляет Налбандян, Гегель обо всем рассуждал уже как какой-нибудь курфюрст или прусский юнкер. Он поддерживал все

---

[1] Там же, стр. 300.
[2] Там же, стр. 304.
[3] Там же, стр. 310.
[4] Там же, стр. 305.

реакционное и с ненавистью набрасывался даже на мало-мальски прогрессивные, хотя бы и буржуазные, учреждения. Одновременно Гегель расхваливал и возносил прусско-юнкерское государство Фридриха-Вильгельма III, в котором он видит воплощение мирового разума. Подобно тому как английский лорд Берк во время французской буржуазной революции проповедовал крестовый поход против нее, так и Гегель начал крестовый поход против всего прогрессивного. Отмечая симпатию Гегеля к жалким, по словам Налбандяна, политическим взглядам крайне консервативного английского полководца Веллингтона, он приходит к выводу, что защищаемый Гегелем политический строй является не чем иным, как строем солдатчины, что Гегель, подобно Веллингтону, «рассматривает людей, как солдат», что «абсолютная дисциплина войны... стала для него sine qua non» [1]. Налбандян пишет, что «Гегель видит спасение в цепях, выкованных руками деспотических фридрихов» [2].

Конечно, критика Гегеля Налбандяном далека от марксистской критики. Налбандян не отбросил, как Фейербах, диалектики, но он не мог, как и никто до Маркса и Энгельса, развить на материалистической основе «рациональное зерно» диалектики Гегеля. Налбандян не мог полностью раскрыть социальных корней философии Гегеля. Только марксизм дал исчерпывающую характеристику классовой сущности философии Гегеля. Товарищ Сталин указал, что философия Гегеля была аристократической реакцией на французскую буржуазную революцию XVIII в. и на французский материализм.

Замечательно, однако, то, что Налбандян, подобно русским революционным демократам, стремился к познанию реальных истоков философии Гегеля, что он изобличал реакционную суть его идеализма, стараясь, вместе с тем, быть диалектиком.

* * *

Философские воззрения Налбандяна в целом лежат в русле материализма русских революционных демократов 40 — 60-х годов XIX в. Но историческая правда требует оговорить, что Налбандян не во всех вопросах был на уровне русских материалистов. Его материализм стоит ниже материалистических взглядов русских революционных демократов. Налбандян не столь сознательно боролся за диалектику, как Герцен, Белинский, Чернышевский.

Это объясняется самим уровнем развития общественной жизни Армении в ту эпоху, когда жил Налбандян. Более широкий и глубокий размах революционного движения и солидные традиции материалистической философии в России определили и более высокий уровень развития философских и социально-политических взглядов русских революционных демократов.

В понимании истории Налбандян, как и русские революционные демократы, оставался идеалистом

Однако нельзя сводить все идейное наследие Налбандяна к этим недостаткам и ограниченностям.

Ленин писал: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями,

---

[1] М. Налбандян. Полн. собр. соч., т. III, стр. 309.
[2] Там же, стр. 310.

а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками»[1]. В этом указании Ленина дан ключ к правильному пониманию и наследства революционера-демократа Налбандяна.

Налбандян поднял общественную мысль армянского народа на новую ступень.

Он понял одну из коренных задач революционного движения того времени, именно необходимость борьбы против царского самодержавия. Он отразил демократические чаяния армянских трудящихся масс и ясно сознавал, что только в теснейшем союзе с русским революционным движением — залог спасения армянского народа. Он отдал свою жизнь делу демократической революции.

Налбандян, исходя из современной ему науки, отстаивал материализм, направляя его против мистики и идеализма. Он разоблачал идеологию крепостников и либералов и завещал быть беспощадным в борьбе за интересы трудящихся и демократическую культуру.

Благодаря своему идейному и политическому содружеству с русскими революционными демократами, Налбандян сумел подняться на такую высоту, что оказался рядом с Чернышевским; он защищал то же направление в философии и политике, что и великий русский демократ, материалист и диалектик.

Налбандян оказал глубокое влияние на все последующее развитие армянской общественной мысли и литературы. Демократические традиции Налбандяна питали творчество передовых армянских писателей. Политическая и теоретическая деятельность Налбандяна сыграла огромную роль в подготовке почвы для проникновения в Армению революционного марксизма.

Революционные традиции Налбандяна имеют не только исторический интерес. Революционно-демократический патриотизм Налбандяна, его непримиримость к эксплоататорам, бичевание им национальной ограниченности и, вместе с тем, его ненависть к космополитам близки советским людям.

Налбандян призывал к защите национальных прав и интересов, но не как буржуазный националист, а как пламенный революционный демократ. Его патриотизм свободен от националистических предрассудков. Налбандян боролся за то, чтобы придать национально-освободительной борьбе своего народа антикрепостнический, революционно-демократический характер. Только в демократической революции он видел средство достижения национальной свободы. Как злейших врагов народа, разоблачал Налбандян националистов и космополитов. Он вскрывал фальшь и лицемерие «патриотизма» армянских крепостников и буржуазии. «Патриоты? Почему же, с какой это стати вы патриоты? — писал Налбандян об армянской буржуазии.— Почему вам не называться брюхоборами, рыцарями денежных мешков, сребролюбцами? Вы же за две копейки можете продать не только почетное имя патриота, но всю свою нацию и даже кости своих покойных отцов»[2].

Налбандян умел видеть борьбу нового и старого, передового и реакционного в национальной культуре. Показывая национальную самобытность армянской культуры, он, однако, решительно восставал против националистической самовлюбленности реакционеров. «У некоторых,— писал он,— существует ложная и вредная философия, что все, что есть у армянского народа,— добродетель. Грязь и гнилое болото, в котором

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 166.
[2] М. Налбандян. Полн. собр. соч., т. I, стр. 225.

мы тонем,— тоже священны, потому что мы, армяне, находимся в них. О, вавилонское смешение мыслей!» [1].

Налбандян принимал в армянской культуре все народное, демократическое и отбрасывал все реакционное, церковное, мистическое. Он призывал учиться на образцах передовой русской культуры. «Армяне,— писал он,— читая творения русских авторов, таких, как Пушкин, Жуковский, Лермонтов, Гоголь и другие,— радостно воодушевляются богатством их языка и замечательных поэтических мыслей».

Налбандян был боевым литературным критиком и теоретиком. Он блестяще защищал и развивал реалистическое направление в литературе и разбил наголову попытки клерикально-крепостнической реакции свернуть армянскую литературу с пути реализма. Он смог это сделать потому, что его литературно-критические, эстетические взгляды были основаны на идеологии революционного демократизма, были тесно связаны с философской и эстетической мыслью русских революционных демократов. Пламенный революционный демократ, Налбандян до последнего своего дыхания не переставал бороться против «чистого» искусства, за идейность искусства и литературы, за боевое служение жизни.

Выдающийся марксист, ученик гениального Ленина и соратник великого Сталина, Ст. Шаумян подчеркивал преемственную связь между революционно-демократическими традициями Белинского, Чернышевского и Налбандяна и борьбой когорты армянских социал-демократов — ленинцев.

Налбандян мечтал о свободной и счастливой жизни для своего народа и других народов царской России. Его мечты осуществлены социалистическим строем. В результате Великой Октябрьской социалистической революции и победы социализма в нашей стране, при братской помощи великого русского народа Армения стала передовой советской республикой, достигла невиданного политического, хозяйственного и культурного расцвета. СССР — это братская семья независимых и равноправных народов, идущих по одному общему пути — к коммунизму. Нерушимая дружба народов СССР является важнейшей движущей силой развития советского общества, одним из источников могущества нашей социалистической Родины.

А. А. Жданов говорил, что «ленинизм воплотил в себе все лучшие традиции русских революционеров-демократов XIX века и что наша советская культура возникла, развилась и достигла расцвета на базе критически переработанного культурного наследства прошлого» [2].

Революционные традиции Налбандяна, тесно связанные с революционными традициями русских революционеров-демократов, служат делу развития советской социалистической культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

---

[1] М. Налбандян. Полн. собр. соч., т. I, стр. 282.

[2] А. А. Жданов. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», 1946, стр. 23.

В. И. ПРОКОФЬЕВ

АТЕИЗМ Д. И. ПИСАРЕВА

В истории русской передовой общественной мысли, славной своими освободительными традициями, гуманизмом, патриотизмом, почетное место занимает литературно-публицистическое наследство Дмитрия Ивановича Писарева (1840—1868 гг.) — революционного демократа и материалиста, замечательного литературного критика и публициста, пропагандиста передового естествознания.

Резко отрицательное отношение к крепостному праву, его последствиям и пережиткам во всех областях общественной жизни, в науке и искусстве, горячая защита просвещения и прогресса, непримиримая борьба против самодержавия и либерализма, неутомимая пропаганда материализма, требование беззаветного служения народу — таковы характерные черты мировоззрения Писарева.

Формирование мировоззрения Писарева и его литературно-публицистическая деятельность протекали в 50-х и 60-х годах XIX в. Это был переломный период в истории России, ознаменовавшийся большими сдвигами в экономической и общественно-политической жизни страны.

В эти годы совершалось дальнейшее разложение крепостного строя. Развивавшиеся капиталистические отношения рвались из стеснявших их оков крепостничества, требовали ликвидации феодальных порядков и стоявшего на их защите царского самодержавия.

Кризис крепостной системы хозяйства сопровождался обострением классовых противоречий в стране. Развернулась массовая крестьянская борьба против помещиков. В 1859—1861 гг. в России была налицо революционная ситуация. Революционное брожение охватило всю страну.

На почве социально-политической действительности современной Писареву России и под влиянием идей великих русских революционных демократов — Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, являвшихся выразителями интересов и стремлений многомиллионных масс крепостного крестьянства, происходило формирование мировоззрения Писарева. Писарев становится мужественным и бесстрашным революционным демократом, смелым и активным борцом против царского самодержавия и крепостничества.

Писарев находился в одном лагере с Чернышевским. Средствами публицистики он боролся за жизненные интересы народных масс, за коренное преобразование общественно-политического строя России. Он неустанно пропагандировал идею народной революции.

Являясь непримиримым врагом крепостничества и царизма, Писарев одновременно критиковал и капиталистические отношения в западноевропейских странах. Он стремился раскрыть читателю глаза на чудовищную несправедливость капиталистического строя, при котором «большинство людей задавлено механической работой, а меньшинство

жуирует, или занимается пустяками, или изобретает средство еще больше обременить большинство» [1].

Писарев с возмущением писал о том, что при капитализме личность «порабощена, затерта произволом и задавлена утомительным однообразием неблагодарного труда» [2]. Англия, писал Писарев,— классическая страна капитализма, и в ней люди труда угнетены, «тысячи рабочих рук находятся в полном распоряжении капиталистов» [3]. Больше того: эта страна держит в зависимости производителей многих плодородных и обширных земель.

Писарев бичевал буржуазную демократию, указывая на то, что она не дает действительного равенства граждан, а означает наглое тиранство, притеснение меньшинством большинства общества. Писарев ясно видел, что всякие политические права в условиях капитализма предназначены только для людей состоятельных — «для тех людей, которым при всяком порядке вещей живется не совсем плохо» [4].

В статьях «Исторические эскизы», «Генрих Гейне» Писарев, давая характеристику французской буржуазной революции XVIII в., отмечал, что эта революция хотя и очистила множество авгиевых стойл и снесла прочь все основания феодализма, но не принесла пользы народу. Только с помощью народа буржуазия смогла одержать победу над абсолютизмом и аристократией и притти к власти, но простому народу от этого ничего не досталось. Буржуазные политические и гражданские свободы оказались для народа иллюзорными и формальными. Зато для буржуазии после революции наступил золотой век. «На развалинах старого феодализма утвердилась новая плутократия, и бароны финансового мира, банкиры, негоцианты, коммерсанты, фабриканты и всякие надуванты вовсе не были расположены делиться с народом выгодами своего положения» [5]. И это привело к тому, что «простой народ, проклинавший до того времени аристократов и барышников, стал проклинать еще и буржуазию, и стал ненавидеть последнюю тем сильнее, что до того времени он считал ее своей естественной союзницей и будущей спасительницей» [6].

Что же является причиной зла, бедствий и преступлений, которыми полна жизнь эксплоататорского общества? Писарев отвечал на этот вопрос так: в основе всех социальных страданий лежит элемент присвоения; массы денно и нощно трудятся, а результаты их труда присваивает себе горстка утопающих в роскоши и праздности богачей. Так обстоит дело не только в царской крепостнической России, но и в странах, где капитализм давно пришел на смену феодализму.

Осуждая гнусность капиталистического общества, Писарев не сомневался в его неминуемой гибели «Средневековая теократия упала,— писал он,— феодализм упал, абсолютизм упал; упадет когда-нибудь и тираническое господство капитала» [7].

Писарев был твердо убежден в том, что покончить с несовершенными и несправедливыми общественными порядками и решить вопрос о голодных и раздетых можно лишь в результате революционного свержения господства капитала.

---

[1] Д. И. Писарев. Избр. философ. и обществ.-полит. статьи, 1949, стр. 169.
[2] Там же, стр. 237.
[3] Там же, стр. 255.
[4] Д. И. Писарев. Соч., т. III, СПб., 1903, стр. 158.
[5] Д. И. Писарев. Избр. философ. и обществ.-полит. статьи, стр. 605.
[6] Д. И. Писарев. Соч., т. III, стр. 158—159.
[7] Д. И. Писарев. Избр. философ. и обществ.-полит. статьи, стр. 257.

Писарев был непримиримым врагом либерализма. Он прекрасно видел, что либералы везде одинаковы и со всей силой обрушивался как на русский, так и на западноевропейский либерализм. С разящим сарказмом писал он о чахлом и бледном цветке либерализма, распустившемся в Европе после французской буржуазной революции 1789 года.

Когда дело шло о прямых битвах третьего сословия против абсолютизма и земельной, дворянской аристократии, либеральная партия выступала под знаменем принципов «свобода, равенство, братство». Но как только буржуазия пришла к власти и упрочила свое положение, так либеральная партия тотчас же отказалась от «великих принципов».

Писарев неустанно разоблачал мнимое народолюбие русских либералов, на словах выступавших в защиту интересов народа, а на деле холопствовавших перед царской властью и крепостниками. Он обличал реформизм либералов, заявляя, что они только болтают о прогрессе, а по существу препятствуют социальному прогрессу. В статье «Подрастающая гуманность» Писарев высмеял либералов, как людей, созревающих в «великой школе балансирования». Либералы, указывал Писарев, путаются под ногами народных масс, борющихся за свое освобождение, и мешают революционному движению. Либералы стояли за реформу в 1861 г., но только потому, что они боялись революции: болтая о реформе, они стремились обмануть и успокоить крестьян, поднимавшихся на революцию.

Писарев считал, что будущее общественное устройство должно быть социалистическим. В силу неразвитости общественно-экономических отношений России середины XIX в. социалистические взгляды Писарева были утопическими. Однако утопический социализм русских революционных демократов, в том числе и Писарева, резко отличается от западноевропейского утопического социализма.

Западноевропейские социалисты-утописты замыкались в узкие рамки кабинетных мечтаний и проектов о социализме, проповедовали отказ от классовой борьбы. В отличие от них, русские революционные демократы, и Писарев в том числе, видели путь к социализму не в мирном просветительстве, не в апелляции к богатым, а в борьбе, развертыванию которой они всемерно способствовали. Их социалистические воззрения носили боевой, революционный характер.

Литературно-публицистическая деятельность Писарева, проникнутая подлинной революционной страстью, горячим протестом против социальной несправедливости, против угнетения человека человеком вызывала у реакционеров бешеную злобу к Писареву.

Дворянские критики настойчиво стремились замолчать Писарева, задушить его влияние, исказить и опорочить его воззрения. Это делали также буржуазно-либеральные и народнические критики, называвшие Писарева не иначе, как вождем нигилизма, проповедником аморализма, индивидуализма и т. п. Духовным приказчикам царской реакции и их либеральным подголоскам было за что ненавидеть и бояться Писарева, беспощадно разоблачавшего помещичий и капиталистический гнет, фальшь либеральной фразеологии.

Не совсем правильно оценивал Писарева Плеханов. Используя в своих работах высказывания буржуазно-либеральных и народнических критиков, Плеханов пытался преуменьшить значение Писарева в русском освободительном движении 60-х годов. Литературное наследство Писарева Плеханов пренебрежительно назвал «писаревщиной».

Только большевики дали объективную и высокую оценку роли и значения Писарева в истории русской передовой общественной мысли.

Писарев был одним из любимых революционных писателей Ленина. По свидетельству Н. К. Крупской, Ленин зачитывался Писаревым, расхваливая смелость его мысли.

Писарев является выдающимся представителем русской культуры, самоотверженным революционным деятелем.

Решительный отпор должны встречать попытки неправильного изображения взглядов Писарева, имеющиеся в работах некоторых советских литературоведов, и, в первую очередь, в работах проф. Кирпотина. Кирпотин рассматривает мировоззрение Писарева как результат влияния иноземных мыслителей, главным образом, немецких вульгарных материалистов и позитивиста Огюста Конта.

Принижение богатства идей и самостоятельности представителей русской материалистической философии XIX в., в том числе и Писарева, и сведение их взглядов к простым заимствованиям у западноевропейских и к тому же ничтожных мыслителей являются не чем иным, как проявлением раболепия и низкопоклонства перед иностранщиной.

Творческая деятельность Писарева развивалась в тесной связи с русской действительностью, под воздействием ее социальных противоречий и борьбы угнетенных масс России за свое освобождение. Не вульгарные материалисты, не О. Конт, а великие русские мыслители Герцен, Белинский, Чернышевский и Добролюбов были учителями Писарева.

Верный сын русского народа, Писарев все свои недюжинные способности, свой ясный и гибкий ум, свою жизнь отдал делу народа.

Писарев прожил всего 28 лет, из которых почти четыре с половиной года провел в одиночном заключении в Петропавловской крепости, куда был брошен за статью «Русское правительство под покровительством Шедо-Ферроти», призывавшую к свержению самодержавия.

Писарев и в крепости не сложил оружия. Тюремная обстановка не парализовала его энергии и его воли к деятельности. Будучи узником Алексеевского равелина, он находил в себе силы для того, чтобы вести непримиримую войну со своими идейными противниками.

Советские люди чтут замечательное идейное наследие Д. И. Писарева, пламенного русского патриота, выдающегося революционного демократа, страстного борца за светлое будущее народа.

* * *

Философской базой революционно-демократических взглядов Писарева является материалистическая философия.

Основной вопрос философии — вопрос об отношении мышления к бытию, духа к материи Писарев твердо и безоговорочно решал материалистически, признавая первичность материи и вторичность сознания. Его философские взгляды пронизывает идея о том, что мир материален и что материя является объективной реальностью, существующей вне сознания и независимо от него.

Говоря о бесконечном разнообразии окружающего нас мира, Писарев исходил из того, что все совершающееся в природе есть проявление действия различных сил, присущих самой материи: механических, химических, физических, магнетических, электрических, теплоты, света и т. д. Органическую жизнь он также рассматривал как одну из форм материи.

В окружающем нас материальном мире ничто не возникает из ничего, и ничто не пропадает бесследно, а только видоизменяется. Материя, по Писареву, вечна; она несотворима и неуничтожима. «...В природе

не пропадает ни один клочок материи, ни одна частичка силы, по той простой причине, что им некуда пропасть, некуда вывалиться из этого беспредельного ящика»[1].

Писарев неоднократно указывал, что все физические явления объясняются движением материи. Он считал, что природа всегда находится в движении. Движение не привнесено в материю извне, а представляет собой неотъемлемое свойство самой материи. Движение материи, отмечал Писарев, происходит по ее собственным, внутренне присущим ей закономерностям.

Правильно утверждая, что в мире нет ничего, кроме движущейся материи, Писарев решал, однако, вопрос о характере движения материи в духе механистического материализма. Всякое движение материи он рассматривал как перемещение в пространстве простейших материальных частиц. Он сводил все высшие формы движения к комбинации простых движений, не видел качественного отличия одной формы движения от другой. Материальное движение понималось им только как непрерывное, как эволюционное. Беспрерывное изменение природы Писарев представлял как совершающееся по замкнутому кругу и происходящее без скачков, без перерыва постепенности, без качественных изменений.

В теории познания Писарев стоял на позиции материалистического сенсуализма.

Познание, по Писареву, начинается с чувственного восприятия, с ощущений. Материя, воздействуя на органы чувств человека, вызывает ощущения. В ощущениях отражаются явления внешнего мира, существующего независимо от нас и являющегося причиной наших ощущений. Чувственное восприятие, отражая бытие, является основой познания, мышления.

В познании окружающего нас материального мира Писарев придавал большое значение опыту. Под опытом он понимал наблюдение и эксперимент. Только при помощи наблюдения и эксперимента, утверждал Писарев, можно спастись от химер и бесплодной фантазии и добраться до истины. Опыт — это источник правильного познания природы.

Подчеркивая роль и значение опыта, Писарев не стоял, однако, на позициях узкого эмпиризма. Признавая исключительную важность индукции, как метода мышления, он в то же время отводил большую роль в процессе познания дедукции и синтезу. Накопление фактов, указывал Писарев, должно служить отправным пунктом для построения теории, которая служит орудием строго обдуманного отыскания новых, углубляющих ее фактов. Задача познания, по Писареву, заключается в том, чтобы не только знать существующие факты, но и предвидеть будущее, не только пассивно созерцать действительность, но и выявлять ее законы, активно овладевать ею.

Наука не может ограничиваться эмпирическими наблюдениями, а должна стремиться обобщить их, широко пользуясь при этом гипотезами. Значение теории заключается в том, что она освещает дальнейшие пути опытного, экспериментального исследования природы. «Каждое явление природы само по себе так сложно,— заявляет Писарев,— что мы никак не можем охватить его разом со всех сторон; когда мы приступаем к явлению без всякой теории, то мы решительно не знаем, на какую сторону явления следует смотреть»[2].

---

[1] Д. И. Писарев. Соч., т. II, стр. 357.
[2] Там же, т. V, стр. 323.

Отводя подобающее место теории, Писарев выступал, вместе с тем, против ложных гипотез, против теорий, не связанных с жизнью и не подтвержденных фактами. «...Теория хороша только до тех пор, пока она вполне согласна с фактами и объясняет их совершенно удовлетворительно и без малейшего насилия» [1].

Большое внимание уделял Писарев вопросу о соотношении между мечтой и действительностью. В статье «Промахи незрелой мысли» Писарев доказывает пользу мечты как побудительной силы, заставляющей человека предпринимать и доводить до конца обширные работы в области искусства, науки и практической жизни. Одновременно Писарев подчеркивает, что мечтающая личность, веря в свою мечту и добросовестно работая над ее осуществлением, должна внимательно вглядываться в действительность, не отрываться от нее. Наша мечта, фантазия, является действенной только в том случае, когда она теснейшим образом связана с жизнью. «Когда есть какое-нибудь соприкосновение между мечтой и жизнью, тогда все обстоит благополучно» [2].

Бывают, однако, мечты, которые расслабляют человека, отвлекают его внимание от борьбы с трудностями и укоренившимися понятиями. Таковы мечты, не соприкасающиеся с реальной жизнью, «рождающиеся во время праздности и бессилия и поддерживающие своим влиянием ту праздность и то бессилие, среди которых они родились. Это — маниловские мечты о лавках на каменном мосту. Мечтая таким образом, человек сам знает очень хорошо, что он не в состоянии пошевельнуть пальцем для того, чтобы мечта перешла в действительность» [3].

В книге «Что делать?» В. И. Ленин, говоря о необходимости передовой революционной мечты, цитирует, как известно, высказывание Писарева по вопросу о мечте, приняв без каких-либо оговорок определение мечты, данное Писаревым. К высказыванию Писарева о мечте Ленин возвращается, конспектируя «Метафизику» Аристотеля. Ленин писал: «...нелепо отрицать роль фантазии и в самой строгой науке: ср. Писарев о мечте полезной, как толчке к работе, и о мечтательности пустой» [4].

Отстаивая материалистическую теорию познания, Писарев горячо и убедительно доказывал, что мир познаваем. Он критиковал агностицизм, отрицающий возможность познания человеком материального мира и законов его развития.

Писарев считал, что мир неисчерпаем и что наши знания о нем носят исторический характер, все время расширяются и углубляются. «Мы конечно знаем,— писал он,— что мы далеко еще не достигли пределов естествознания, но этого мало: мы теперь не можем и не имеем также права сказать, что этому знанию существуют какие-нибудь пределы; мы не имеем также права утверждать, что силы природы когда-нибудь могут быть исчерпаны или истощены» [5].

Писарев не был агностиком и скептиком, как это утверждают некоторые исследователи творчества Писарева. Наоборот, он признавал принципиальную возможность познания материальной действительности.

Писарев считал законным и естественным лишь бодрствующий скептицизм, т. е. такой скептицизм, который постоянно будит мысль и не

---

[1] Д. И. Писарев. Соч., т. III, стр. 384.
[2] Там же, т. IV, стр. 216.
[3] Там же.
[4] В. И. Ленин. Философские тетради, 1947, стр. 308.
[5] Д. И. Писарев. Соч., т. II, стр. 519.

позволяет ей залениться, залежаться и заржаветь. Он скептически относился ко всяким поспешным обобщениям, отвергал беспочвенные гипотезы.

Действительный порок теории познания Писарева состоит не в агностицизме и скептицизме, а в том, что он рассматривал познание человека в отрыве от условий материальной жизни общества, от общественно-трудовой деятельности людей, от общественного способа производства.

Материалистическое мировоззрение Писарева было направлено против всякого рода идеализма и мистики.

Резко противопоставляя материализм и идеализм как два непримиримых мировоззрения, Писарев видит порочность идеалистических систем в том, что они отрывают сознание от материи, мышление человека от предметного его бытия. Идеалистические системы являются фантастическими построениями, стремящимися вывести природу и жизнь из чистой мысли. Они поэтому не обладают достоверностью и от первого соприкосновения с жизнью разрушаются.

В статье «Идеализм Платона» Писарев указывал, что сущность философии Платона заключается в стремлении обосновать существование идей отдельно от реальной жизни, независимо от явлений материального мира. Отворачиваясь от действительности, рассматривая природу как чистое создание фантазии, Платон, по словам Писарева, создал хотя и величественную, но фантастическую картину мира. Философия Платона, по определению Писарева, похожа более на религию, чем на научную систему. «Платонизм есть религия, а не философия...» [1].

Особенно резко критиковал Писарев идеалистическую философию Гегеля за то, что она выводит реальный мир из идей и всякого рода вымышленных принципов, схем и категорий, и за ее политическую консервативность. Писарев настойчиво доказывал, что «гегельянцы, заботившиеся только о том, чтобы в их идеях господствовала систематичность, а в их фразах — замысловатая таинственность, мирили нас с нелепостями жизни, оправдывали их разными высшими взглядами...» [2].

Писарев осуждал идеализм как философию бессилия, пассивности и созерцания, как философию подчинения человека слепым стихийным силам.

Писарев считал, что передовые философские идеи должны носить активный характер, должны быть связаны с жизнью, с революционной борьбой. Когда же философия занимается построением умозрительных формул, тогда «она оставляется на долю досужим людям, ... которым приятно носиться в отвлечённых пространствах, вместо того чтобы смотреть на горе окружающих людей и помогать им делом и советом» [3].

В статье «Русский Дон-Кихот» Писарев заявлял, что право на существование имеет лишь та философия, которая «содействует развитию и изменению бытовых форм и жизненных отношений» [4]. Такая философия «электрическим током проходит через тысячи работающих голов» и подымает трудящихся на освободительную борьбу.

В условиях царской цензуры Писарев не мог яснее сказать о роли, которую призвана сыграть в социальном преобразовании общества материалистическая философия.

---

[1] Там же, т. I, стр. 263.
[2] Там же, стр. 459.
[3] Д. И. Писарев. Избр. философ. и обществ.-полит. статьи, стр. 134.
[4] Там же.

60-е годы XIX в. отмечены в истории русской общественной мысли напряженной борьбой двух философских направлений: материализма и идеализма. Борьба шла между революционными демократами — материалистами Чернышевским, Добролюбовым и другими, которые последовательно и стойко отстаивали интересы народных масс, боролись за свержение царизма, ликвидацию крепостничества, и представителями самодержавно-крепостнической и либерально-монархической идеологии, проповедниками идеализма и мракобесия — Катковым, Юркевичем, Погодиным.

Ожесточенная война между этими двумя лагерями разгорелась в связи с опубликованием статьи Чернышевского «Антропологический принцип в философии», которая содержала в себе изложение основ материалистической философии и давала глубокую критику идеализма.

Журнал «Русский Вестник», издававшийся реакционером и мракобесом Катковым, повел яростный поход против Чернышевского. В 1861—1862 гг. в журнале появилась серия статей профессора Киевской духовной академии Юркевича, направленных против философских взглядов Чернышевского. Обрушиваясь на представителей русского материализма и революционной демократии, реакционер Юркевич проповедовал в своих статьях идеализм и религиозное мракобесие.

В борьбе русских материалистов против идеалистов принял участие и Писарев. Он выступил со статьей «Схоластика XIX века», в которой решительно встал на сторону Чернышевского. Писарев заявил, что не видит ни малейшей точки соприкосновения между мыслями Юркевича и собственными идеями. «Процесс мысли, исходные точки, результаты, способ изложения — все это до такой степени различно, как будто бы мы жили в разные времена и говорили на двух разных языках» [1].

Решительно критикуя идеалистическую философию Юркевича, Писарев вскрывал реакционную роль идеализма. Он писал, что в то время как вокруг нас кипит живая жизнь, которая непрестанно шевелит мысль,— успевай только обдумывать и решать,— идеализм подменяет изучение действительности, живой жизни жонглированием пустыми понятиями. А реакционные журналы пропагандируют чахлые идеи Юркевича «во-первых потому, что он против Чернышевского; во-вторых потому, что он за рутину; в-третьих потому, что его доводы чрезвычайно туманны, как вообще доводы идеалистов...» [2].

Писарев прекрасно понимал классовый характер происходивших философских споров. Он отмечал, что за теоретическими спорами о философии скрывается по существу борьба двух враждебных друг другу политических направлений, каждое из которых стремится философски обосновать свою программу.

Писареву была совершенно ясна невозможность примирения материализма и идеализма. Критикуя субъективно-идеалистические и эклектические взгляды идеолога народничества Лаврова, он справедливо писал, что все знакомые с философией не станут оспаривать того, что в философском мире существуют только два лагеря, прямо противоположных друг другу: один — лагерь материалистов, другой — идеалистов. Читатели поэтому ожидали от Лаврова, что он «выскажет *свои* понятия о философии и открыто примкнет к одной из двух партий, составляющих великий раскол в современном философском мире, т. е. или заявит невозможность умозрительной философии, или станет отстаивать

---

[1] Д. И. Писарев. Соч., т. II, стр. 197.
[2] Там же, т. I, стр. 398—399.

ее права на существование»[1]. Между тем Лавров хочет примирить борющиеся стороны.

Попытку Лаврова подняться выше материализма и идеализма Писарев назвал схоластикой, праздной игрой ума, беспринципностью.

* * *

Материалистическое мировоззрение Писарева было непоколебимым фундаментом его атеизма. Борьба против идеализма неразрывно связана у Писарева с борьбой против религии.

Писарев понимал, что идеализм неизбежно ведет к религии, является попыткой философски обосновать религию и поповщину, что он поддерживает реакционные стремления ограничить науку, отвлечь разум человека от изучения природы, утвердить веру в бессмертие души, в потусторонние силы, управляющие миром.

Борьба Писарева против религии и поповщины неотделима от всей его общественно-политической деятельности революционера-демократа. Церковь являлась верным стражем царской монархии. Русская православная церковь составляла часть государственной машины царизма, подавлявшей и угнетавшей трудящихся. С бичующими выступлениями Писарева против самодержавия и крепостничества тесно связана и его страстная борьба против религии и церкви. Свою огромную эрудицию и публицистический талант Писарев направлял на разоблачение религии и церкви как оплота царского самодержавия и феодально-крепостнического строя.

В своей критике религии Писарев был вынужден прибегать к эзоповскому языку или к намекам. Слово религия он заменял словом суеверие, слово христианство — словами традиционная доктрина, верующих называл фантазерами.

Не имея возможности в условиях царской цензуры открыто выступать против православия, Писарев подвергал беспощадному разоблачению католическую церковь. Клеймящие слова Писарева в отношении католичества целиком и полностью приложимы и к православной церкви.

Писарев обнажал реакционную роль всякой религии. Всякая религия, по Писареву, является «вредным тормозом умственного и общественного движения, охраняет с старческим упорством огромные запасы мифических преданий, магических церемоний, бесполезных обычаев и уродливых учреждений»[2].

Писарев понимал, кому выгодны невежество, религиозный фанатизм и суеверия. Именно эксплоататорские классы поддерживают темноту народных масс «для того, чтобы господствовать над этой чернью, эксплоатируя ее суеверие»[3].

Католическая церковь, указывает Писарев, была превращена аристократией и абсолютизмом в «политическую машину, годную на то, чтобы запугивать и держать в повиновении неразмышляющие народные массы...»[4].

В больших и интересных статьях «Исторические эскизы» и «Популяризаторы отрицательных доктрин» Писарев на примере французской буржуазной революции 1789 года показал, какую реакционную роль играет церковь.

[1] Там же, т. I, стр. 364.
[2] Там же. т. V, стр. 359.
[3] Там же, т. IV, стр. 487.
[4] Там же, т. VI, стр. 201.

Писарев отмечал, что накануне революции церковь во Франции была могущественной и всесильной организацией. Экономическая и политическая мощь французской церкви, этого крупнейшего феодала, ростовщика, предпринимателя и коммерсанта, складывалась на протяжении столетий. Церковь и дворянство являлись теми корпорациями, которые не знали налоговых тягот и давили всю прочую Францию с невероятной силой.

Церковь хотела навсегда сохранить феодальный строй, она поддерживала дворянство, окружала власть короля ореолом святости. В ходе революции католическое духовенство выступало политическим врагом ее и требовало «повелительным тоном благоговения перед церковью и полного восстановления королевской власти» [1].

Писарев отмечает, что когда буржуазия еще не была у власти, она вела борьбу с католицизмом, как с опорой феодального строя. Католическая церковь, в свою очередь, всеми средствами боролась против буржуазии, душила всякое прогрессивное движение, обрушивалась на философов-просветителей.

Но по мере того как буржуазные порядки побеждали, и буржуазия утверждала свое политическое господство, католицизм быстро сближался с ней. Буржуазия также учла те выгоды, какие давал ей союз с церковью. Церковь стала помощником буржуазии в деле экономического, политического и духовного порабощения трудящихся масс.

Царская цензура жестоко преследовала сочинения Писарева. Статьи Писарева подвергались судебному преследованию, запрещались, варварски уничтожались. Представители царской цензуры понимали, что статьи Писарева наносят сильный удар самодержавию, религии и поповщине.

Приведем несколько примеров, характеризующих отношение царской цензуры к произведениям Писарева.

Статья «Русский Дон-Кихот», написанная Писаревым по поводу выхода в свет в 1861 г. сочинений славянофила Киреевского, вызвала судебное преследование против издателя.

В этой статье Писарев высмеивает православно-христианские воззрения Киреевского и расценивает их как стремление остановить развитие разума, как «допотопные идеи», «толки нянюшек и убогих старушек». Философские и культурно-исторические взгляды Киреевского, указывал Писарев, вытекают из реакционной, умозрительной философии Шеллинга и Гегеля и проповедуют религиозный фанатизм, идеализацию отжившей старины и патриархальности.

Царский цензор в своем заключении о статье «Русский Дон-Кихот» писал: «Это не есть критический разбор сочинений Киреевского (как пояснено в заглавии статьи), но глумление над нравственно-религиозными верованиями покойного писателя и насмешливое обсуждение православия» [2].

В статье «Исторические идеи Огюста Конта» Писарев подверг резкой критике Конта за его реакционные взгляды на общество, за восхваление средневекового деспотизма, за то, что Конт мирился с пауперизмом, видя в нем неизбежное и нормальное явление, что он пропагандировал мораль смирения и покорности и хотел создать новую религию, основой которой должен быть культ человечества, как особого «великого существа». Писарев отрицал в этой статье божественное происхож-

---

[1] Д. И. Писарев. Соч., т. III, стр. 178.
[2] «Красный архив», 1940, № 6, стр. 210.

дение христианства, доказывал, что христианская проповедь милосердия к слабым и неимущим выгодна только богатым. По мнению Писарева, слабые смогут защитить себя от посягательства сильных не с помощью христианской нравственности, а только коллективною силой масс.

По поводу указанной статьи председатель петербургского цензурного комитета в своем представлении в Главное управление по делам печати от 7 января 1866 г. писал, что основные идеи статьи направлены к развращению нравов и явно противны нравственности, а потому статья «может быть подвергнута судебному преследованию» [1].

Издатель Ф. Павленков предпринял в 1872 г. второе издание сочинений Д. И. Писарева. В связи с этим министр внутренних дел обратился 26 августа 1873 г. в Комитет министров с требованием подвергнуть запрещению 7-ю часть сочинений Писарева, в которой была помещена статья «Историческое развитие европейской мысли». Свое требование царский министр аргументировал следующим образом: «Автор проводит мысль, что религиозные верования во все века и во всех народах происходили от невежества масс, эксплоатировались духовенством для его корыстных целей и были главнейшею причиною застоя цивилизации и огрубелости нравов... Не осмеливаясь высказывать прямо осуждения христианской религии в ее общем смысле, автор везде ставит на ее место папство и католичество и рисует в самом мрачном виде влияние их на средневековую Европу, постоянно однако поддерживая в уме читателя ту мысль, что власть католичества, как и власть древних языческих жрецов, происходила от веры невежественных масс в сверхъестественные силы, будто бы управляющие миром» [2].

Царские власти, как мы видим, хорошо видели, что статьи Писарева против религии наносят сильный удар по самодержавию.

Эти статьи раскрепощали разум, подрывали религиозное мракобесие, звали на борьбу за общественное переустройство, за лучшую долю трудового человечества.

* * *

Одним из богословских вымыслов является утверждение о вечности религиозного чувства, которое якобы появилось вместе с появлением человека.

Выясняя условия, породившие религию, и прослеживая ее дальнейшее развитие, Писарев рассматривал ее как явление историческое.

Писарев вполне правильно считал, что в древнейший период развития человечества у людей не было никаких религиозных представлений, люди не знали веры в богов. В статье «Очерки из истории труда» Писарев писал: «...Человек прожил на земле много столетий, прежде нежели у него составились какие-нибудь исторические предания; даже язык и мифология — эти первые проявления чувства и мысли — не могли явиться готовыми и должны были, подобно всем произведениям природы, развиваться и совершенствоваться мало-по-малу» [3].

Писарев указывал на то, что главной причиной возникновения религии явилось бессилие первобытного человека в борьбе с природой. Первобытный человек не умел подчинять себе стихийные силы природы; они были ему непонятны, поражали его воображение, вызывая

[1] Там же, стр. 202.
[2] Там же, стр. 215.
[3] Д. И. Писарев. Соч., т. II, стр. 508.

чувство страха. В неравной и мучительной борьбе с природой очень медленно «вырабатывались первые начатки языка и первые очерки религиозных представлений» [1].

Гнет стихий природы рождал веру в существование сверхъестественных сил. Стихийные силы природы, господствовавшие над человеком, наделялись необыкновенными свойствами, обожествлялись. «Все языческие религии вышли из олицетворения сил природы...» [2].

К созданным человеческим воображением фантастическим, сверхъестественным силам появилось почтительное отношение, их старались задобрить просьбами и подарками. Отсюда возникают религиозные обряды жертвоприношения, магия, заклинания, молитвы. Дикарь, по словам Писарева, был «твердо уверен в том, что, при помощи различных заклинаний, приношений и манипуляций, он, по своему благоусмотрению, может ворочать всеми силами органической и неорганической природы... Чем слабее и невежественнее дикарь, тем размашистее его надежды; таким образом бодрость его поддерживается его иллюзиями тогда, когда она не может основываться на сознании действительного господства над силами природы» [3].

Самой древней формой религии Писарев считал фетишизм, т. е. веру в чудесные свойства предметов природы и поклонение этим предметам ввиду их якобы магических свойств. Писарев об этом писал следующее: «Самая первобытная и грубая форма мифической философии называется *фетишизмом* и состоит в прямом и непосредственном одушевлении и обоготворении всех видимых явлений и предметов окружающей природы» [4].

Однако Писарев не знал настоящей причины появления фетишизма. Научное решение вопроса о возникновении религии дал только марксизм-ленинизм.

Писарев видел корни религии только в невежестве людей и их страхе перед грозными явлениями природы.

Марксизм-ленинизм, как известно, выводит возникновение первоначальной религии из условий материальной жизни общества, объясняет само невежество первобытного человека низким уровнем развития производительных сил.

Писарев правильно утверждал, что первоначальные религиозные верования не остаются неизменными с дальнейшим развитием общества. По мере роста знаний и увеличения власти человека над природой степень влияния на него грозных явлений природы изменяется, а потому меняются и формы религии. От фетишизма человечество переходит к политеизму.

В период политеизма силы природы воплощаются в образы богов и богинь — человекообразных владык, совершенно похожих на людей. Боги так же как и люди, «любят и ненавидят, враждуют и порицают, ссорятся и мирятся... Боги не только способны на жестокость, на кровавое насилие, на вспышку дикой страсти, но даже на мелкую гадость и на рассчитанное мошенничество... все, что есть, и все, как есть, переносится на небо и на Олимп...» [5].

Человеческое воображение создало затем между божествами всевозможные связи и отношения, разделило их на высших и низших

---

[1] Д. И. Писарев. Соч., т. II, стр. 508.
[2] Там же, стр. 60.
[3] Там же, т. V, стр. 325.
[4] Там же, стр. 326.
[5] Там же, т. II, стр. 64—66.

опять-таки по образцу той иерархии, которая имеет место в человеческом обществе.

Говоря о смене фетишизма политеизмом, Писарев рассматривал эволюцию религиозных воззрений не только как результат деятельности воображения и мысли, но и стремился выяснить предпосылки этого процесса в самой общественной жизни. Он отмечал, что политеистическая форма религиозных воззрений обусловливается появлением и развитием частной собственности, образованием классов рабовладельческого общества.

В последующем ходе истории из политеизма вырастает монотеизм Многочисленные божества, которые долгое время делили между собой управление миром, подчинились одному, единому богу, творцу и господину вселенной. Причем, если боги политеизма были чисто национальными богами, то «переход к монотеизму разорвал древнюю связь, существовавшую между религией и народностью. Верховное существо монотеистов уже не могло быть специальным покровителем отдельного племени; это верховное существо сделалось творцом и правителем всего мира, отцом и судьей всех людей, без различия национальностей» [1].

Переход к монотеизму Писарев считает результатом войн. Он утверждал, что в итоге войн произошло объединение разрозненных групп людей в большие государства, внутри которых были объединены различные нации и стал возможным «обширный, постоянный и плодотворный обмен продуктов и идей» [2].

Писарев прав, объясняя появление монотеизма образованием древних рабовладельческих государств, в которых и устанавливается культ единого бога. Но ограниченность его взглядов в этом вопросе состоит в том, что он связывал возникновение древних государств, а отсюда и монотеизма только с войнами и не видел внутренних социально-экономических причин этих явлений. Между тем переход от политеизма к монотеизму отражал перемены, происшедшие в жизни общества. Энгельс указывает, что единый бог не был бы осуществлен без единого царя, что единому императору на земле должен был соответствовать единый бог на небе.

Монотеизм принял в Римской империи форму христианства. Побеждая и вытесняя другие религии, христианство сравнительно быстро распространилось по всем областям империи.

В период феодализма, сменившего рабовладельческий строй, христианская церковь выросла в огромную не только идеологическую, но и экономическую и политическую силу. Религия, в лице католичества, была безраздельно господствующей идеологией в Западной Европе средних веков; католическая церковь являлась одним из основных устоев феодального строя.

Полное господство теологии в эпоху средневековья выражалось в том, что «во-первых, все люди, имевшие возможность и желание заниматься размышлениями, принадлежали в то время к духовному сословию. Во-вторых, теология поглощала в то время все науки; ни о солнце, ни о луне, ни о земле, ни о воде, ни о животных, ни о людях, решительно ни о чем нельзя было размышлять серьезно, не сталкиваясь так или иначе с теологией и не чувствуя над собою ее влияния»[3].

---

[1] Там же, т. V, стр. 379.
[2] Там же, стр. 344.
[3] Там же, т. III, стр. 558.

Писарев подверг беспощадной разоблачительной критике установления и жизнь католической церкви. Эта критика являлась одной из форм борьбы Писарева против крепостничества и царского самодержавия, одним из средств пропаганды идей просвещения и свободы.

Со всей силой Писарев обрушивается на папство и духовенство. Он заявляет, что история папства написана кровью, отмечена горами трупов и морем слез. Политические интриги, распутство, подлоги, обман, убийство и отравление своих противников, мщение, властолюбие, корысть, лицемерие, междоусобие и кровопролитные войны — все это неизбежные спутники жизни папского двора.

Гневно обличая и с блестящим остроумием высмеивая порочные нравы римских пап, Писарев не менее убедительно показывал полнейшую моральную распущенность и всего католического духовенства. Он писал: «Праздность, богатство и отсутствие ответственности развращают обыкновенно как отдельную личность, так и целые сословия или корпорации. Католическое духовенство, долго господствовавшее над умами и кошельками средневековых европейцев, пропиталось насквозь всеми пороками, составлявшими естественное и необходимое следствие его привилегированного положения... Кто не пьянствовал и не развратничал, того католическое начальство брало на замечание, как подозрительного человека» [1].

История католичества и папства, продолжает Писарев, изобилует измышлениями и фальсификациями. Грязными плутнями, устройством всяких «чудес» и «исцелений» клерикалы эксплоатировали широкие массы, используя их темноту и невежество. Писарев утверждал, что мнимые чудеса христианства, так же как и всех других религий, покоятся на легковерии, фанатизме, неграмотности народа и на ловкости обманывающих его шарлатанов. Пользуясь суеверием масс, «попы и монахи подделывали легенды, подделывали чудеса и, наконец, с величайшим успехом подделывали даже целые догматы... Сочинить святого с целой историей, с мощами и с чудесами ровно ничего не стоило средневековым клирикам» [2].

Духовенство стремилось поразить воображение верующих пышностью богослужения, богато украшенными храмами, роскошью одежды священнослужителей. Писарев высмеивает театральную пышность христианского богослужения и вскрывает подлинное назначение религиозных обрядов. В статье «Историческое развитие европейской мысли» он показывает, что церковные обряды служат духовенству средством одурачивания верующих. Духовенство понимало, что верующих «не проймешь логической аргументацией; им, как малолетним ребятам, доступно только то, что бросается в глаза, поражает чувства, затрагивает воображение. Им подавай блеску, пестроты, театральной пышности, картинности, музыкальности, величественной таинственности, эффектов освещения и перспективы... Празднества, процессии, облачения священников и причетников, убранства храмов — все это было расположено так, чтобы поражать чувство и воображение поклонников» [3].

Крупную статью доходов в папском бюджете составляла в средние века торговля отпущением грехов — индульгенциями. Писарев называет это установление католической церкви подлым ханжеством. Он отмечает, что торговля отпущением грехов — как самого кающегося, так и его наследников, грехов прошлых, настоящих и будущих — при темноте, неве-

[1] Д. И. Писарев. Соч., т. IV, стр. 428.
[2] Там же, стр. 434.
[3] Там же, т. III, стр. 525.

жестве и суеверности населения, всегда находила достаточный сбыт. И когда оказалось, что в обществе много охотников покупать себе отпущение грехов, совершенных и имеющих быть совершенными, тогда изворотливые папы установили таксу. «Для продажи индульгенций живым грешникам римский двор устроил таксу всех грехов: маленькие грехи были подешевле, большие — подороже, а самый крупный и отборный товар по части грехов был доступен только очень богатым людям» [1].

Торговлю индульгенциями Писарев клеймит как самое безнравственное дело католической церкви. «Тут клерикальная нравственность произнесла очевидно свое последнее слово. Дальше этого финансовая гениальность идти не может. Тут даже самые близорукие люди увидели ясно, что клирики систематически поощряют преступление, с тем, чтобы потом также систематически брать с него взятки» [2].

Католическая церковь принимала участие в организации крестовых походов, которые кончились крахом и стоили неимущим классам Западной Европы больших человеческих жертв. С гневом и ненавистью говорит Писарев о виновниках трагического исхода этого предприятия, в результате которого папы, епископы и монахи приобрели много денег, почет и могущество, но зато горе и нужда проникли «в каждую беднейшую хижину».

Несмотря на все препятствия, которые ставила католическая церковь развитию научного познания, человечество, указывает Писарев, все же прогрессировало. Росла, хотя и медленно, наука. По мере распространения просвещения отступало на задний план господство грубых суеверий и стали появляться проблески здравого разума. Писарев находит их в еретическом движении.

Появление ересей Писарев рассматривал как стремление к «чистому» христианству, направленное против морального разложения духовенства. Он полагал, что ереси появились в результате того, что зажиточные граждане, научившись читать и писать, обнаруживали наклонность к умственным занятиям и серьезным размышлениям о недостатках церковной иерархии.

В действительности же еретическое движение уходит своими корнями в классовые противоречия феодального общества. Католическая церковь была в средние века, по словам Энгельса, наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя, она монополизировала всю умственную жизнь. «Ясно, что при этих условиях всеобщие нападки на феодализм, и прежде всего нападки на церковь, все революционные, социальные и политические учения должны были представлять из себя одновременно и богословские ереси. Для того, чтобы возможно было нападать на общественные отношения, с них нужно было совлечь покров святости» [3]. Все революционные и оппозиционные течения против феодального гнета выступали в средние века в религиозной оболочке, принимали форму мистических движений и ересей.

В целях подавления еретического движения католическая церковь прибегла к созданию монашеских орденов. Писарев раскрывает действительную природу и назначение двух орденов — францисканцев и доминиканцев. «Два фанатика,— писал он,— Франциск и Доминик, основали в начале XIII века два монашеских ордена, францисканцев и доминиканцев; люди, поступающие в эти ордена, обязывались жить милостыней,

---

[1] Там же, т. IV, стр. 440.
[2] Там же, стр. 441.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 128.

отказываться от всякой роскоши, ходить по городам и селам и при каждом удобном случае говорить народу проповеди на народном языке. Посредством этих орденов, разросшихся с изумительной быстротой, римская иерархия приобретала постоянное и очень сильное влияние на низшие классы народа. Обязательная бедность францисканцев и доминиканцев зажимала рот тем еретикам, которые обращали внимание народа на богатство и изнеженность римского духовенства» [1].

Большие полномочия от папы римского получил орден доминиканцев. Он был вездесущим оком папства и с кровавой жестокостью проводил борьбу против ересей. «Доминиканцы были постоянно самыми надежными орудиями клерикального деспотизма...» [2]. Из недр нищенствующего ордена доминиканцев родилась изуверская организация — инквизиция.

Писарев показывает, сколь жестока и подла была эта организация — враг прогресса и науки. Инквизиция вела упорное и свирепое преследование разума и свободомыслия. Рисуя мрачные картины из истории инквизиции, Писарев указывал, что инквизиция сыграла в истории Европы самую реакционную роль. Уничтожая лучшие творения человеческого гения, а заодно и их творцов, она задерживала духовное и политическое развитие народов. «Опираясь на нищенствующих монахов, на усовершенствованную схоластику, на шпионов и палачей священной инквизиции, папство смело и бодро вступило в борьбу с пробуждающимся самосознанием средневекового человека, у которого не было никаких орудий, кроме мысли и воли» [3].

Заслуживают внимания высказывания Писарева о взаимоотношениях в период феодализма светской и духовной властей. Писарев не считал раздоры между королями и папами, между феодалами и духовенством непримиримыми. Он оценивал их как столкновение внутри одного феодального лагеря — между светскими и духовными феодалами. «Столкновение между папством и светской властью могло произойти только из-за личных, узких и мелких интересов. Деньги и господство — вот яблоко раздора между клерикалами и феодалами» [4]. Писарев показывает, что средневековая церковь была теснейшим образом связана с феодалами, стояла на страже их интересов. Короли и феодалы, в свою очередь, всегда заботились о материальном благополучии церкви и духовенства. Короли были постоянным щитом католической церкви, хотя и защищали от ее притязаний то, что считали правом светской власти.

Борьба, которую вели папы против светских феодалов, привела поэтому, в конце концов, к союзу пап с монархами. «Все элементы, наполнившие средневековую историю шумом своих противоречивых притязаний, стали пировать и веселиться в полном единодушии. Короли, клерикалы и аристократы сомкнулись в неразрывный союз. Исключенной из этого союза оказалась только та черноземная сила, которая отправляла денежные и натуральные повинности. Пригласить эту силу на общий пир любви и дружбы не оказалось никакой возможности, во-первых, потому, что эта сила в одно мгновение ока проглотила бы все приготовленные деликатесы, а во-вторых, потому, что эта сила, по необъяснимой странности своего характера, умывалась очень редко и одевалась в какие-то весьма непрезентабельные и даже до некоторой степени неправдоподоб-

---

[1] Д. И. Писарев. Соч., т. III, стр. 570.
[2] Там же, т. IV, стр. 414.
[3] Там же, т. III, стр. 572.
[4] Там же, т. IV, стр. 401.

ные лохмотья. Кроме того эта же сила обладала врожденной наклонностью к самым трудным и грязным работам; по всем этим причинам решено было оставить ее за штатом» [1].

Подвергнув разрушительной критике средневековое теологическое мировоззрение, Писарев в то же время указывает, что оно не могло остаться неизменным. На всем протяжении истории средних веков шла продолжительная, упорная и разнообразная в своих проявлениях борьба между наукой и теологией. Наука незаметно разливалась во все стороны по неуловимым тонким каналам, и никакие силы не были в состоянии остановить процесс ее распространения, потому что она заключала в себе зародыш новой исторической жизни.

Важным этапом борьбы европейских народов против политического и экономического господства католической церкви, против ложных церковных авторитетов Писарев считал реформационное движение. Эпоху реформации Писарев характеризует как один из плодотворнейших периодов европейской истории. Она заложила первые элементы нового общества, которое «разрушило и стерло в порошок все колоссальные построения средних веков. Проникая с неудержимой силой во все отрасли умственной деятельности, прокладывая себе новые пути по всем возможным направлениям, дух критики и исследования создавал или переделывал заново философию, естествознание и политику» [2].

Касаясь истоков реформационного движения, Писарев приходит к выводу, что оно было вызвано гнетом официальной церкви, ее разложением, выразившимся в роскоши и упадке нравов духовенства. Сначала против этого выступили еретики, а затем протест против католической церкви нашел свое выражение в деятельности Виклефа, Гуса и других представителей церковной реформации. Все они «с одинаковой силой восставали против злоупотреблений римской иерархии, осуждали роскошь духовенства и старались восстановить чистоту и простоту первобытного христианства» [3].

Реформацию Писарев рассматривал как борьбу европейских народов против моральных язв одряхлевшей римской церкви, становившейся с каждым годом все более вредной для общественного развития, как борьбу за светскую культуру и науку против твердынь мрачного средневекового религиозного миросозерцания.

Положительная оценка реформации не мешает Писареву подвергнуть решительному осуждению протестантизм за фанатизм и ханжество, за сохранение нелепых и необъяснимых разумом догматов христианства, за нетерпимое отношение к инакомыслящим и т. д.

Писарев резко критикует Кальвина за преследование свободного исследования, отмечает, что кальвинизм, как и всякая иная религия, враждебен науке. Характеризуя кальвинистскую церковь, которая по нетерпимости к инакомыслящим совершенно сравнялась с католической, Писарев писал: «Во второй половине шестнадцатого столетия испанский медик Михаил Сервет открыл движение крови от сердца к легким и от легких обратно к сердцу. Религиозный фанатизм не пощадил этого замечательного человека, и Кальвин сжег его на костре в Женеве, доказывая таким образом потомству, что начало реформации далеко не совпадает с началом веротерпимости» [4].

---

[1] Там же, т. V, стр. 443—444.
[2] Там же, т. III, стр. 122.
[3] Там же, т. IV, стр. 419.
[4] Там же, т. II, стр. 351.

Однако для Писарева оставался скрытым подлинный классовый смысл реформации, которая подготовляла новый, по сравнению с феодализмом, капиталистический строй. Он не понимал, например, что ересь Виклефа выражала интересы английской буржуазии, что ересь Гуса скрывала под религиозной оболочкой движение широких народных масс Чехии против немецких и своих князей, с помощью католической церкви угнетавших чешский народ. В своей оценке Лютера он явно преувеличивал его роль в реформационном движении.

В то время когда вся Западная Европа была наполнена шумом протестантских сект, интригами иезуитов и кровопролитных религиозных войн, наука росла и укреплялась. Наступила эпоха Возрождения. «Начинается,— писал об этой эпохе Писарев,— новая жизнь. Европейская мысль старается заявить свою самостоятельность и полноправность по всем отраслям научной и практической деятельности. Корабль Колумба причаливает к берегам нового мира. Телескоп Галилея открывает тысячи невиданных звезд. Типографский станок создает на развалинах римской духовной власти небывалую общественную силу. Тяжелый средневековый кризис оканчивается блистательным выздоровлением» [1].

Писарев высоко оценивает воззрения Коперника, великое открытие которого разбило библейскую геоцентрическую точку зрения на вселенную. Астрономические исследования Коперника и Галилея, писал Писарев, «показали ясно всем знающим и мыслящим людям, что мироздание устроено совсем не по тому плану, который рисовали в продолжении многих столетий папы, кардиналы, епископы и доктора всех высших схоластических наук» [2].

Писарев называл эпоху Возрождения крупнейшим прогрессивным переворотом, пережитым человечеством. Великое значение этой эпохи состоит, по Писареву, в том, что в этот период начался подъем науки, техники, искусства и были нанесены серьезные удары религиозным учениям, политическим и экономическим преимуществам католической церкви.

Писарев не сумел, однако, понять эпоху Возрождения как период зарождения и вызревания буржуазных отношений, не сумел понять идеологию этой эпохи как выражение интересов и мировоззрения молодой буржуазии, противостоящей феодалам и прогнившей католической церкви.

Писарев указывает, что католическая церковь, быстро оправившись от потрясений, полученных в результате реформационного движения, переходит на службу к новой социальной силе — буржуазии. Однако и в последующей истории церковь являлась главным тормозом развития науки. В борьбе между прогрессивными и реакционными силами церковь неизменно находилась во главе самых реакционных сил, ведя ожесточенную и упорную борьбу против передовых общественных движений и скрывая за ширмой религии свои антинародные цели.

* * *

Большое внимание Писарев уделил разоблачению религиозной морали.

На протяжении многих веков церковь, руководствуясь догмами, разработанными «отцами» христианской церкви, подавляла личность чело-

---

[1] Д. И. Писарев. Соч., т. IV, стр. 420.
[2] Там же, т. V, стр. 464.

века божественным авторитетом. Церковь внушает мысль о тщете земного, о ничтожестве человеческой личности, о том, что земное существование является призрачным, лишенным смысла, ничтожным по сравнению с вечной, загробной жизнью. Христианская мораль насквозь пронизана страхом перед грозным божественным судом и пессимизмом, стремится воспитать людей в духе бегства от жизни. Убеждение в возможности посмертного, загробного бытия привело к возникновению аскетизма — монашества и отшельничества.

Писарев решительно осуждал пассивное отношение к жизни. Он ценил все, что реально улучшает бытие человека. Он призывал к достижению счастья на земле.

Мораль, проповедуемая церковью, требует смирения, покорности, страдания и терпения в земной жизни, обещая вознаграждение за это в «загробной» жизни.

Отвергая такую мораль, Писарев с презрением и гневом заявлял, что проповедь смирения глубоко реакционна и вредна, так как она помогает угнетению и унижению трудящихся. «В средние века моралисты умели смирять только тех,— писал он,— которые уже были слишком достаточно смирены обстоятельствами жизни. На баронов, на рыцарей, на всех сытых и пьяных средневековых буянов проповедь смирения совсем не действовала» [1].

Писарев вскрывает противоестественность, лицемерие и лживость аскетизма. Он указывал, что радикальное противоречие между аскетическими предписаниями и потребностями человеческой природы невозможно уничтожить не только в среде духовенства, но и среди монашества. На путь самоистязания вступало лишь небольшое меньшинство духовенства, а значительное его большинство, в том числе и сами папы, превратило в мертвую букву самые строгие уставы. В погоне за мирскими благами церковники погрязли в жадности, корыстолюбии, сладострастии, пьянстве и других пороках. «Жизнь не подчинялась католическому уставу,— отмечает Писарев,— напротив того, она сама проникла в монастыри и своим неотразимым влиянием превратила в мертвую букву самые строгие уставы. Монахи ели много, монахи развратничали, монахи занимались учеными исследованиями и судебными процессами, монахи вели торговлю и наживали себе капиталы,— ясное дело, что действительная жизнь одерживала победу над требованиями идеала» [2].

Писарев осуждал и высмеивал аскетическое требование безбрачия. Аскетический идеал безбрачия, считает Писарев, привел к разврату среди духовенства, потому что у человеческого организма есть свои естественные потребности, которых не в состоянии устранить никакое запрещение.

Писарев выступает против человеконенавистнического утверждения христианской морали о том, что женщина — существо грешное, источник всякого зла и заблуждения. «Средневековые моралисты,— писал он,— любили попрекать своих современниц грехом неосмотрительной Евы и советовали им очень серьезно оплакивать, не осушая глаз, тот поступок легкомысленной прародительницы, благодаря которому человечество утратило свое первобытное блаженство. Строгие моралисты утверждали также, что женщины, унаследовав от Евы ее легкомыслие, составляют и будут составлять постоянно самое серьезное препятствие на пути человечества к нравственному совершенству и к вечной жизни» [3]. При таком

[1] Там же, стр. 396.
[2] Там же, т. IV, стр. 445.
[3] Там же, т. V, стр. 398.

взгляде на женщину всякое ее участие в жизни общества должно казаться злом.

Писарев — решительный сторонник эмансипации женщин. Он страстно ополчается против освящаемого церковью рабского положения женщины в семье и в обществе, воюет за приобщение женщины к научной и общественно-политической деятельности. Категорически возражая Конту, восхищавшемуся теми отношениями между полами, какие предписывает церковь, Писарев выдвинул требование уничтожения всего, что мешает эмансипации женщин. Писарев справедливо отмечает, что Конт, воздавая католицизму благодарность за привязывание женщины к домашнему очагу, стремится искусственно устранить ее от труда, от работы на пользу обществу, от исполнения гражданских обязанностей, хочет сделать ее праздной, наивной и беспомощной во всем, что выходит за пределы дома и семьи.

Христианская церковь объявляет брак мистическим таинством и считает его не подлежащим расторжению. Защитник буржуазного строя и буржуазной морали, Конт был особенно доволен тем, что католицизм установил нерасторжимость брака, считая, что это соответствует истинным потребностям человеческой природы и создает прочный брак.

Писарев зло высмеивает измышления Конта о прочности брака, освящаемого церковью. Он срывает маску с лживых рассуждений Конта, показывая, что аморализм, развращенность и духовная опустошенность являются спутниками брачной жизни в эксплоататорском обществе. Писарев решительно заявлял, что церковь — не основа здоровых брачных отношений, что характер брачных и семейных отношений определяется не предписаниями церкви, а общественными и экономическими условиями.

Установления католической церкви о нерасторжимости брака, показывает Писарев, служат интересам небольшой горстки богатых, которые под прикрытием церковных предписаний предаются гнусному разврату. И «чем неравномернее распределяются богатства, тем сильнее свирепствует разврат, потому что с одной стороны меньшинство, желая разогнать свою скуку, требует себе птичьего молока и пускается во всякие затеи, а с другой стороны большинство, постоянно имея перед собою перспективу голодной смерти, оказывается в высшей степени способным питать всевозможные затеи своей собственной плотью и кровью. Словом, меньшинство выдвигает купцов, а большинство поставляет товар» [1].

Имущественное неравенство, указывал Писарев, нищета эксплоатируемых масс накладывают отвратительный отпечаток на брак и не дают возможности трудящимся массам построить свои семейные отношения на началах действительно добровольного союза и взаимной любви. Хотя гнет эксплоататорского строя калечит и подавляет естественные склонности человека, однако именно трудящийся человек умеет ценить дружбу и вносить элемент дружбы во все свои отношения к близким ему людям. Поэтому человеку из неимущих классов никогда и в голову не придет мысль разорвать отношения с верным и испытанным другом от простого любопытства и стремления к разнообразию. «Кто занят с утра до вечера серьезными заботами, тот ищет себе серьезного сочувствия, а не гаремных развлечений, годных только для тех людей, которые с утра до вечера страдают болезненной скукой тунеядца» [2].

---

[1] Д. И. Писарев. Соч., т. V, стр. 400—401.
[2] Там же, стр. 400.

Важнейшим условием создания действительно нравственных семейных отношений Писарев считал освобождение трудящихся из-под гнета нужды и социальной несправедливости. Настоящее зло, писал он, состоит в тяжелом положении масс. Из этого основного зла развивается множество всяких нарывов и прыщей. Причину ненормальностей в семейной жизни «мы должны искать никак не в том, что данное общество не обсыпано благодеяниями средневековой морали. Причину надо искать гораздо глубже, в экономическом и социальном строе данного общества. Лечить это общество надо также не регламентацией половых отношений, а радикальными экономическими преобразованиями» [1]. Только с устранением экономического и социального неравенства, когда не будет тунеядцев, не будет и пороков, развивающихся из тунеядства, и будут достигнуты дружба и взаимопонимание между полами.

Таким образом, церковному человеконенавистничеству Писарев противопоставляет гуманистические принципы, борясь за освобождение человека от всех видов гнета.

Писарев подверг резкой критике утверждение Конта о том, что христианская мораль улучшила якобы нравы, устранила дикие наклонности древних людей. Писарев заявлял, что люди никогда не были более честолюбивыми, жадными, бесчестными, жестокими и буйными, чем тогда, когда католицизм своим учением о грехах смертных и простительных, о возможности откупиться от грехов разрешил по существу предаваться страстям без всякого стеснения. «Если положить на одну чашку весов всю массу ненависти, порожденной и взлелеянной католицизмом, а на другую — всю массу любви, выработанной им же, то по всей вероятности первая чашка перетянет» [2].

Писарев высказывал верную мысль о том, что нет нравственности вообще, что наши моральные оценки порождаются определенными общественными условиями. Возражая Конту, который рассматривал нравственность как систему прирожденных человеческой природе норм поведения, стоящих вне политики, Писарев указывал на влияние политики на нравы людей и писал, что «преобладание нравственности над политикой оказывается чистейшим мифом» [3].

Основой этических воззрений Писарева является признание разумного эгоизма единственно правильным мотивом поведения людей. Вслед за Герценом, Белинским, Чернышевским и Добролюбовым Писарев утверждал, что эгоизм — непременное свойство человеческой природы. В основе действий каждого человека лежит эгоистический расчет. Нравственное поведение людей достигается, по мнению Писарева, не искоренением эгоизма, а «напротив того — систематическим превращением всех граждан, с первого до последнего, в совершенно последовательных и правильно рассчитывающих эгоистов» [4].

Писарев понимает под эгоизмом не тупое себялюбие и зоологический индивидуализм, не такое поведение, когда человек живет лишь для того, чтобы набивать себе карман и желудок и наслаждаться только чувственными удовольствиями либо удовлетворять свою алчность и честолюбие. Раскрепощение личности, утверждение ее прав на свободу, на пользование всеми благами жизни — вот в чем смысл писаревской морали эгоизма. «Эгоизм,— разъяснял Писарев,— система умственных

[1] Там же, стр. 400.
[2] Там же, стр. 402.
[3] Там же, стр. 395.
[4] Там же, стр. 391.

убеждений, ведущая к полной эмансипации личности и усиливающая в человеке самоуважение» [1].

Отстаивая принцип разумного эгоизма, как основу человеческого поведения, Писарев направлял удар прежде всего против морали, проповедуемой церковью, нравственные заповеди которой воспитывают в людях пассивность, примирение с социальным бесправием и угнетением. В осуществлении эгоистической морали Писарев видел средство утверждения достоинства человеческой личности, избавления от невежества, от имущественного и социального неравенства.

Писарев — приверженец эвдомонистической этики. Цель жизни — счастье; добродетельно то, что ведет к счастью.

Стремление к счастью вытекает, по мнению Писарева, из природы человека и является основой истинной нравственности. Счастье состоит в удовлетворении разнообразных потребностей человека, во всестороннем проявлении и развитии всех его задатков и стремлений. Эвдомонизм этики Писарева обращен против религиозной морали, которая оправдывает гнет и насилие, лицемерие и ханжество, препятствует проявлению лучших нравственных качеств народа, внушает идею ничтожества человека перед богом и подавления запросов личности во имя служения богу.

Мировоззрение Писарева проникнуто оптимизмом, он был убежден, что нужно и можно создать счастливую и радостную жизнь для всех трудящихся людей на земле.

Право индивидуума на счастье, которого безоговорочно требовал Писарев, должно, по его мнению, сочетаться с пониманием блага других людей, блага народа, со служением родине. Писарев считал, что счастье тогда только действительно, когда человек не отделяет своего личного блага от блага родины, а чтобы произошло примирение личного и общественного и было обеспечено счастье каждого человека, нужно свергнуть господство эксплоататорских классов, нужно, не складывая рук, начать борьбу за новый строй, при котором не будет страданий бедности и пороков праздности.

Интересны высказывания Писарева о труде, как источнике нравственной жизни. Писареву был глубоко враждебен мир эксплоатации. Он считал, что все мерзости и подлости, какие присущи обществу рабства и угнетения, проистекают от того, что существует присвоение чужого труда, которое искажает нравственную природу человека и является единственной причиной страданий и преступлений, всех бедствий частной и общественной жизни. Присвоение чужого труда кладет основание борьбе между людьми. Прямым следствием присвоения чужого труда является праздность на одном конце общественной лестницы и бедность — на другом.

Писарев осуждал праздность и заявлял, что труд должен быть существенным условием жизни человека и его счастья. Веря в человека, в его безграничные силы и возможности, призывая людей к достижению счастья, Писарев не представлял себе жизнь человека без труда, без деятельности. Он справедливо замечал, что счастье не может быть полусонным блаженством, оно должно быть достигнуто упорным трудом.

Вопросы морали не случайно занимали значительное место в воззрениях русских революционных демократов, в том числе и у Писарева. Резкая критика феодально-крепостнической и буржуазной нравственности и пропаганда новых моральных принципов служили революционной борьбе за освобождение личности от гнета и насилия.

---

[1] Д. И. Писарев. Соч., т. I, стр. 429.

Этическая теория, которую вслед за Герценом, Белинским и Чернышевским проповедовал Писарев, неизмеримо выше рассуждений о нравственности французских материалистов XVIII в. и Фейербаха. Отстаивая принцип эгоизма, французские материалисты и Фейербах полагали, что этот принцип приложим ко всем классам и сословиям. Они считали, что путем убеждения эксплоататорских классов можно побудить их отказаться от грубо эгоистических стремлений. Вопросы морали отделялись ими от общественных условий и выступали как самостоятельные сущности.

Писарев отличает разумный эгоизм от грубого эгоизма эксплоататорских классов, которые руководствуются в своей деятельности лишь хищными, собственническими интересами, стремлением сохранить свое господство и привилегии.

Богатые, указывает Писарев, по самой природе своей не могут быть на стороне справедливости и приносить свои выгоды на алтарь добродетели и человеколюбия. Их грубо эгоистическая мораль направлена против бедных. «В современной политике,— писал Писарев,— принцип выгоды никогда не совпадает с принципом справедливости; ...бедные классы общества, как больные, чающие движения воды, ждут безуспешно почти две тысячи лет, чтобы в их богатых соотечественниках пробудилось эксцентрическое желание снимать с себя в пользу ближнего последнюю рубашку. Желание это не пробуждается, и люди до сих пор постоянно производят снимание рубашек не над собой, а над своими бессильными и неопытными ближними, которые на юмористическом языке филантропов называются младшими братьями» [1]. Поэтому, если бедные классы общества станут ожидать улучшения своего положения от господствующих классов, «то дело этих бедных классов всего лучше будет теперь же сдать в архив с полной уверенностью, что оно решится после дождика в четверг» [2].

Писарев распространял принцип разумного эгоизма не на все классы общества, а только на трудящихся. Бедные классы должны, по его мнению, действовать с точки зрения своей выгоды и бороться против угнетения и насилия, против грубых эгоистических интересов имущих классов.

Таким образом, Писарев не подменяет реальные общественные противоречия абстрактными этическими проблемами, а, наоборот, раскрывает противоположность нравственности имущих и бедных и видит в принципе разумного эгоизма средство освобождения трудящихся и достижения независимости человеческой личности.

Принцип эгоизма, проповедывавшийся французскими материалистами XVIII в., выражал интересы третьего сословия, боровшегося под руководством шедшей к власти буржуазии против абсолютизма и феодализма. Достигнув господства, буржуазия вступила на путь укрепления капиталистических порядков и политической стабилизации. Она производит ревизию своего прежнего идейного багажа, ставшего теперь не только непригодным, но и опасным для нее. Пересматриваются и принципы морали. Проповедь принципа эгоизма означала бы не только защиту права буржуазии на эксплоатацию трудящихся, но и оправдание сопротивления трудящихся этой эксплоатации. Поэтому вместо принципа эгоизма буржуазными идеологами выдвигается теория альтруизма. Альтруизм лицемерно провозглашал принцип любви всех ко всем.

---

[1] Там же, Соч., т. V, стр. 390.
[2] Там же.

Альтруистическая теория нравственности призвана была внушить трудящимся массам необходимость смирения и покорности своим угнетателям.

Альтруистическую мораль защищал Конт. Под флагом альтруизма он пропагандировал реакционную идеологию классового мира, рабской любви эксплоатируемого к своему угнетателю.

Беспощадно разоблачая грубо эгоистическую мораль буржуазии, Писарев вместе с тем резко критиковал Конта, утверждавшего, что при помощи «высшей нравственности» — альтруизма, можно достигнуть общественного равновесия, порядка, сотрудничества и гармонии. Писарев понимал, что альтруистическая мораль направлена на замазывание противоречий между эксплоататорами и эксплоатируемыми, служит орудием одурачивания и духовного закабаления трудящихся.

Историческая ограниченность взглядов Писарева на мораль заключается в том, что он не понимал классового характера морали, а выводил ее из биологической природы человека. Писарев не видел, что человек есть прежде всего существо общественное и что истоки морали, как одной из форм общественного сознания, коренятся поэтому не в биологических особенностях человеческого организма, а в условиях общественной жизни, в общественном способе производства. Писарев преувеличивал роль физических потребностей и полагал, что высокие порывы людей и благородные черты человеческого характера всегда будут бесплодными, приводящими лишь к страданию, будут оставаться непонятыми и неоцененными окружающим обществом, если они не соответствуют органическим потребностям человеческой природы. Писарев заявлял также, что здравый человек добр и честен до тех пор, пока все его естественные потребности удовлетворяются достаточным образом. «Когда же органические потребности остаются неудовлетворенными, тогда в человеке пробуждается животный инстинкт самосохранения, который всегда бывает и всегда должен быть сильнее всех привитых нравственных соображений. Против этого инстинкта не устоят никакие добродетельные внушения» [1].

Принцип разумного эгоизма, который проповедовал Писарев, оправдывал, по существу, мелкособственнические отношения и признавал их разумными.

Этические воззрения Писарева, несмотря на всю их историческую ограниченность, являлись прогрессивными, были продиктованы его революционно-демократическими устремлениями. Они служили оружием в борьбе против феодально-церковной реакции, против растлевающего влияния буржуазной морали, они играли плодотворную роль в борьбе за демократическое преобразование России.

* * *

В своей сокрушительной критике религиозного мракобесия, идеализма и мистики Писарев опирался на достижения современного ему естествознания.

Пропаганду естественно-научных знаний он рассматривал как боевое оружие в борьбе за свободу народных масс и облегчение условий их труда, за экономическое и культурное процветание родины, за освобождение сознания людей от гнета церкви, от ложных представлений и диких суеверий.

---

[1] Д. И. Писарев. Соч., т. V, стр. 514.

60-е годы прошлого века были годами бурного роста русского естествознания, что было связано с подъемом революционно-освободительного движения в России и экономическим подъемом страны.

На развитие русской науки оказала могучее влияние общественно-философская мысль русских революционеров-демократов. Наиболее прогрессивные ученые проникались их идеями, любовью к народу, желанием служить ему.

Великие русские ученые — химики, физиологи, географы, биологи, врачи — своими выдающимися трудами двинули вперед все отрасли естествознания и завоевали этим мировую известность русской науке. Нельзя представить себе современную науку и технику без наследия А. Г. Столетова, А. М. Бутлерова, Д. И. Менделеева, И. И. Мечникова, И. М. Сеченова, Н. И. Пирогова, С. П. Боткина, К. А. Тимирязева, братьев А. О. и В. О. Ковалевских.

Взгляды Писарева на естествознание тесно связаны со всем его материалистическим мировоззрением и его борьбой за уничтожение крепостничества, за прогрессивные условия развития России, за интересы трудящихся.

Своими статьями Писарев вселял горячую веру в силу знания и способствовал развитию отечественной науки. Вспоминая свои гимназические годы, выдающийся русский физиолог И. П. Павлов писал: «Под влиянием литературы шестидесятых годов, в особенности Писарева, наши умственные интересы обратились в сторону естествознания, и многие из нас — в числе этих и я — решили изучать в университете естественные науки» [1].

Писарев сознавал общественное значение науки и стремился поставить ее на службу интересам народа, родины. Наука, писал он, должна быть распространена среди миллионов простых людей, которые имеют право на человеческую жизнь и образование.

Писарев заявлял, что наука только тогда станет служить прогрессу и счастью человечества, когда она будет соединена с демократией, а не применяться в целях безудержной наживы и эксплоатации. Демократичность науки является гарантией ее использования на благо человечества. Только путем демократизации науки, внедрения знаний в народные массы можно будет устранить гибельный разрыв между трудом мозга и трудом мускулов и соединить знание и труд.

Писарев полагал, что в жизни человечества было бы меньше лишений и страданий, меньше горя и бедности, если бы естествознание получило широкое и равномерное распространение среди различных слоев населения.

Настойчиво пропагандируя и отстаивая идеи материализма, Писарев выступал против идеализма и мистики не только в области философии, но и в естествознании. Он решительно отметал антинаучные представления о природе. Его заслугой, в частности, является то, что он один из первых в русской литературе выступил против ложного мнения о наличии особой «жизненной силы».

В статье «Процесс жизни» Писарев указывал на необходимость научного подхода к явлениям жизни и призывал побороть рутину, господствующую в этой области. Он утверждал, что никакой особой «жизненной силы» не существует. Жизненные отправления организма определяются материальными условиями и могут быть объяснены физическими и химическими законами. Отвергая реакционное, идеалистиче-

[1] И. П. Павлов. Полн. собр. трудов, т. V, 1949, стр. 371.

ское представление о наличии в природе особой нематериальной жизненной силы, Писарев писал: «Итак, жизненной силы, как чего-то самостоятельного, неразлагаемого, не существует; последний оплот невежества разрушен; маска сорвана с мистицизма, и исследователи смотрят на природу внимательно, но просто, без суеверного благоговения, без институтской мечтательности» [1].

Писарев может по праву считаться одним из первых пропагандистов эволюционного учения Ч. Дарвина. Будучи горячим сторонником и популяризатором эволюционной теории, он сыграл немаловажную роль в распространении дарвинизма в России.

Самым ценным и принципиально важным в дарвинизме Писарев считал то, что это учение обосновывает материализм, что оно разрушает религиозно-мистические «теории» о сотворении богом животных и человека. «Этот гениальный мыслитель,— писал Писарев о Дарвине,— обладающий колоссальными знаниями, взглянул на всю жизнь природы таким широким взглядом и так глубоко вдумался во все ее разрозненные явления, что он сделал открытие, которое быть может не имело себе подобного во всей истории естественных наук... В этой теории читатели найдут и строгую определенность точной науки, и беспредельную ширину философского обобщения, и наконец ту высшую и незаменимую красоту, которая кладет свою печать на все великие проявления сильной и здоровой человеческой мысли» [2].

Великую заслугу Дарвина Писарев усматривал в том, что своей теорией Дарвин развеял утверждения идеалистов о преднамеренно целесообразном устройстве растительных и животных организмов и дал рациональное объяснение целесообразности, наблюдаемой в живой природе. Изменчивость, наследственность и естественный отбор дают материалистическое объяснение целесообразного устройства организмов. Нет необходимости прибегать к мистике и божественным силам богословов и идеалистов.

Определяя религию как громадное количество галлюцинаций, ошибочных гипотез и всевозможных мифов, Писарев верил, что с помощью естествознания можно одержать победу над религиозным мракобесием. «Чем шире и глубже становятся наши знания,— заявлял он,— тем полнее и бесследнее расплываются в ничто неуклюжие призраки Ормузда и Аримана, пугавшие доверчивое детство отдельных личностей и целых народов» [3].

* * *

Материалистически объясняя природу, Писарев не мог, однако, подняться на уровень материалистического понимания истории.

Он полагал, что главной причиной изменения общества является умственное развитие людей, изменение их сознания. Писарев считал, что умственный прогресс является движущей силой общественного развития, что ход исторических событий всегда и везде определяется количеством и качеством умственных сил. Содержание истории, по Писареву, составляет борьба мнений, борьба идей. Писарев утверждал, что «вся история есть борьба рассудка с воображением» и что «сильнейшим двигателем прогресса оказывается накопление и распространение знаний» [4].

---

[1] Д. И. Писарев. Соч., т. I, стр. 314—315.
[2] Там же, т. III, стр. 315, 316.
[3] Там же, т. I, стр. 308.
[4] Там же, т. II, стр. 261.

Не понимая объективных законов исторического развития, определяющей роли экономики в развитии общества, объясняя ход истории ростом сознания, борьбой мировоззрений, Писарев не мог в силу этого дать правильную характеристику религии как идеологии.

Религия рассматривалась им просто как продукт темноты и заблуждения людей, как результат обмана их служителями культа, пользующимися ограниченностью знаний людей о действительных причинах явлений природы. Истоки религии он видел не в условиях материальной жизни людей, а в их сознании.

Марксизм-ленинизм показывает, в противоположность такому, идеалистическому взгляду, что общественное сознание отражает общественное бытие, что зарождение религии связано с определенным уровнем общественного производства, что, как писал Энгельс, низкое экономическое развитие предисторического человека имело в качестве своего дополнения ложные, религиозные представления о природе.

Хотя Писарев неоднократно отмечал, что религия помогает эксплоататорам закреплять свое господство, тем не менее он не понимал классовых корней религии.

Марксизм-ленинизм учит, что если в доклассовом обществе вера в сверхъестественные силы порождалась бессилием первобытного человека в борьбе с природой, то в эксплоататорском обществе она отражает социальную придавленность трудящихся, их бессилие в борьбе с эксплоататорами. Подвергаясь беспощадному угнетению, испытывая отчаяние от неудач в борьбе с эксплоататорами, трудящиеся обращали свои взоры к небу, ожидая оттуда помощи. «Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами,— указывает Ленин,— так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.» [1].

Придавленность трудящихся гнетом эксплоатации достигает высшего напряжения при капитализме. Бедствия трудящихся масс усиливаются стихийным характером капиталистического производства. Капиталистический строй создает у трудящихся постоянную неуверенность в завтрашнем дне, вызывает у них страх перед непонятными, слепыми силами капитала, толкает на поиски утешения в фантастическом потустороннем мире. «Социальная придавленность трудящихся масс,— писал Ленин,— кажущаяся полная беспомощность их перед слепыми силами капитализма, который причиняет ежедневно и ежечасно в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряда вон выходящие события вроде войн, землетрясений и т. д.,— вот в чем самый глубокий современный корень религии» [2].

Оставаясь идеалистом в понимании общественных явлений, Писарев не смог также правильно определить пути уничтожения религиозного суеверия. Выводя религию из невежества и заблуждения людей, Писарев считал, что власть религиозных предрассудков может быть устранена распространением просвещения, научных знаний. Достаточно, по его мнению, рассеять невежество, просветить людей, и религия исчезнет.

Между тем главное в борьбе с религией — не просветительная деятельность, которая сама по себе не в состоянии вытравить из сознания людей религиозные суеверия. Чтобы покончить с религией, необходимо

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 65.
[2] Там же, т. 15, стр. 374—375.

положить конец капиталистическим отношениям, которые порождают религиозный дурман. Атеистическая пропаганда должна быть подчинена классовой борьбе пролетариата за свержение капитализма, установление диктатуры пролетариата и построение социализма. Именно в ходе классовой борьбы пролетариата происходит объединение, сплочение и просвещение пролетариата, подрывающее веру в бога. И только в социалистическом обществе, в котором уничтожена эксплоатация человека человеком, которое зиждется на общественной собственности на средства производства и плановой организации всего народного хозяйства, создаются условия для полного преодоления религии.

* * *

Воинствующий атеизм Писарева сыграл большую роль в борьбе революционно-демократических сил России против крепостничества и царского самодержавия.

Атеистические высказывания Писарева, несмотря на их ограниченность, могут быть использованы и в наши дни в деле коммунистического воспитания трудящихся, преодоления религиозных предрассудков, которые еще живут в сознании некоторой части советских людей.

Под руководством героической партии Ленина—Сталина в нашей стране ликвидированы эксплоататорские классы, и построено первое в мире социалистическое общество. В результате победы социализма коренным образом изменился идейный и моральный облик трудящихся СССР, в нашей стране утвердилась научная, марксистско-ленинская идеология. Социальные корни религии в советском обществе уничтожены.

Однако не все советские люди, являющиеся по своему экономическому положению социалистическими тружениками, порвали с религиозными суевериями и предрассудками, представляющими собой пережиток капитализма в сознании советских людей.

Религиозные предрассудки являются одним из наиболее живучих пережитков капитализма.

Наличие таких пережитков объясняется отставанием общественного сознания от развития общественного бытия. Старые взгляды и навыки продолжают в известной мере сохраняться и после того, как фактическое положение людей, условия их экономической жизни коренным образом изменились.

Пережитки капитализма в сознании советских людей старается всячески поддерживать и оживлять враждебное нам капиталистическое окружение.

Было бы неправильно думать, что религиозные предрассудки исчезнут сами собой, в порядке самотека. Религиозные суеверия могут быть преодолены лишь систематической борьбой с ними, самой широкой пропагандой научно-материалистического мировоззрения. В этой научно-атеистической пропаганде может и должно сыграть свою положительную роль и литературное наследство Писарева.

Яркие, полные сарказма слова Писарева, направленные против религии вообще, против папского престола в частности, злободневно звучат и сейчас, когда умирающая империалистическая буржуазия поднимает на щит, в целях одурманивания масс, самое крайнее религиозное мракобесие, самые дикие суеверия. Католицизм в лице Ватикана стал цепным псом американского империализма и является одним из оплотов мировой реакции.

Папство и католическая церковь, являвшиеся частью феодального строя, теперь являются крупнейшей организацией империалистической буржуазии. В годы, предшествовавшие второй мировой войне, Ватикан поставил аппарат католической церкви на службу фашизму и помогал оправдывать кровавый режим фашистской диктатуры. После разгрома гитлеризма Советской Армией Ватикан стал на службу американскому империализму. Пуская в ход клевету, лицемерие, провокации, католическая церковь ведет поход против демократии и прогресса, против СССР, стран народной демократии, всего международного коммунистического движения. Ватикан поддерживает вынашиваемые американскими империалистами преступные планы развязывания новой войны для установления господства американских монополий над миром.

Острая, непримиримая критика Писаревым всех видов политической реакции, разоблачение кровавых преступлений папского престола, содержащееся в произведениях Писарева, бьют не в бровь, а в глаз современным империалистическим проповедникам средневекового мракобесия и ватиканским пособникам американо-английских поджигателей войны

Ю. Г. ГЕЙВИШ

ПОЛЬ ЛАНЖЕВЕН — ВЫДАЮЩИЙСЯ ФИЗИК-МАТЕРИАЛИСТ

Среди передовых ученых зарубежных стран Поль Ланжевен занимает одно из первых мест. Крупнейший ученый-физик, Поль Ланжевен завоевал мировую известность и авторитет своими замечательными открытиями в физике. Он заслуженно пользовался репутацией талантливого педагога, страстно влюбленного в свою науку и умевшего передать свои знания любой аудитории, зажечь в ней энтузиазм и жажду знания. Крупный мыслитель, он ясно и недвусмысленно декларирует свои материалистические философские позиции.

Характерная особенность научного творчества Ланжевена заключается в том, что он никогда не ограничивался простым установлением фактов, а неустанно стремился к широким теоретическим обобщениям естественно-научного и философского порядка. Его специальные работы в большинстве случаев проникнуты научно-философской мыслью, приближающейся все более и более к диалектическому материализму.

Ланжевен не только ученый: он — самоотверженный общественно-политический деятель, отстаивавший интересы трудящихся масс, активный организатор и участник Народного фронта и антифашистского движения. В процессе борьбы за материалистическую науку, за демократию он возвысился до овладения мировоззрением марксизма-ленинизма и вступил под конец своей жизни в ряды коммунистической партии Франции, возглавляющей борьбу французских трудящихся за мир, за подлинную демократию, за свободу, честь и независимость своей родины.

Дать анализ мировоззрения Ланжевена, указать источники его материализма и в то же время отметить те шатания и непоследовательности, которыми сопровождался его постепенный переход на позиции диалектического материализма, представляет весьма актуальную задачу. На достижениях, равно как и на ошибках П. Ланжевена, на истории его жизни и борьбы за диалектический материализм должны учиться передовые ученые зарубежных стран, ищущие выхода из идеологического тупика, порожденного разлагающимся, гибнущим капитализмом.

* * *

П. Ланжевен родился в январе 1872 г. в Париже в рабочей семье. Отец его, человек с пытливым умом, живо интересовался вопросами, выходившими за пределы его профессии, и сумел внушить интерес и любовь к знанию также и своему сыну.

Франция в ту пору переживала один из самых напряженных моментов своей истории. Террор контрреволюционной буржуазии, раздавившей при содействии бисмарковской Германии Парижскую Коммуну, был в полном разгаре. Не довольствуясь расстрелом многих тысяч коммунаров

в первые дни после поражения Коммуны, правительство Тьера организовало судебные процессы над коммунарами на протяжении ряда лет. В результате этих процессов десятки тысяч представителей французского рабочего класса погибли от рук палачей, на тяжелой каторге, в далекой ссылке.

Несмотря, однако, на свое поражение, Коммуна подняла дух рабочих не только Франции, но и всех стран, показав мощь рабочего движения. Передовые рабочие того времени, в числе которых был и отец П. Ланжевена, твердо верили в конечную победу правого дела пролетариата. Естественно, что это оказало влияние на П. Ланжевена с самого раннего детства. Десятки лет спустя, на торжественном собрании, организованном в марте 1945 г. Национальным университетским фронтом Франции по случаю 73-й годовщины со дня его рождения, Ланжевен, вспоминая свое детство, говорил: «Мой отец и моя мать, свидетели — очевидцы Коммуны и ее кровавого подавления, вложили в мое сердце отвращение к насилию и страстное желание социальной справедливости».

Окончив начальную школу, а затем Школу Лавуазье, Ланжевен в 1888 г. поступает в Школу промышленной физики и химии. По окончании этой школы Ланжевен блестяще выдерживает экзамен в Высшую нормальную школу, которую столь же блестяще оканчивает в 1897 г. Затем он, получив стипендию города Парижа, в течение года работает под руководством Дж. Томсона в Кавендишской лаборатории в Кембридже.

Вернувшись из Англии и защитив вскоре докторскую диссертацию, Ланжевен последовательно проходит в Коллеж де Франс все должностные ступени — от ассистента до штатного профессора. В течение 34 лет пребывания в этом высшем учебном заведении Ланжевен осуществил свои наиболее важные работы, которые поставили его во главе французских физиков.

Как физик, Ланжевен особенно известен своими выдающимися работами по магнетизму, в которых он дал ясную электронную картину явлений магнетизма, исходя из сложного строения атома. Глубокая разработка электронной теории магнетизма привела Ланжевена к предвидению и теоретическому обоснованию нового явления — магнитокалорического эффекта, позволившего получить сверхнизкие температуры, весьма близкие к температуре так называемого «абсолютного нуля». А эта возможность реализации низких температур, в свою очередь, привела к более углубленному познанию общих свойств вещества при крайне низких температурах (например, сверхпроводимость металлов или сверхтекучесть гелия).

Ланжевен, выдающийся экспериментатор и теоретик, проявил себя и как инженер-конструктор. Во время первой мировой войны, в 1916 г., он разработал метод определения местонахождения подводных лодок с помощью ультразвуковых колебаний и построил соответствующий прибор — «эхолот», получивший в дальнейшем широкое применение.

Ланжевен был неутомимым борцом за демократию, за освобождение трудящихся масс от цепей капитала. Особенно большую роль в общественно-политическом развитии Ланжевена сыграла Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории человечества. Ланжевен понял международное значение Великой Октябрьской социалистической революции и без колебаний занял позицию защитника и друга Советского Союза, сторонника возобновления дипломатических отношений между Францией и СССР. Когда Андре Марти был брошен в тюрьму за организацию в 1919 г. восстания французских

военных моряков, отказавшихся участвовать в интервенции империалистических держав против Советской республики, Ланжевен включился в кампанию за освобождение Андре Марти. Выступая на митинге солидарности с Андре Марти, организованном в парижском зале «Ваграм», Ланжевен охарактеризовал Октябрьскую революцию как начало «реализации надежды на всеобщее освобождение».

Во время большой рабочей забастовки во Франции в 1920 г., вызванной невыносимыми условиями, в которых оказался рабочий класс после первой мировой войны, Ланжевен посылает открытое письмо в редакцию «Юманите» с протестом против использования студентов в качестве штрейкбрехеров.

В 30-е годы общественно-политическая деятельность Ланжевена еще более усилилась. Ланжевен становится все более и более политически активным, являясь деятельным участником движения масс против фашизма, против опасности новой империалистической войны. В этот период П. Ланжевен является председателем международных конгрессов Лиги воспитания, где он отстаивает демократические взгляды на воспитание, и председателем Всемирного антифашистского комитета, борющегося с угрозой фашистской агрессии. К этому же периоду относится и его плодотворная общественная деятельность в качестве редактора журнала «Мысль», основанного им в тесном содружестве с передовыми французскими учеными и философами — коммунистами Марселем Пренаном, Анри Муженом, Жоржем Коньо (редактором органа французской компартии «Юманите») в целях борьбы с «самоновейшими» течениями бергсонизма, экзистенсиализма, сюрреализма, открыто проповедующими идеализм и мистику. В журнале публикуются статьи, разоблачающие реакционный характер философии Бергсона. Возвеличивая «творческую деятельность», «интуицию», «жизненный порыв» и т. д., Бергсон фактически проповедует иррационализм, полный отказ от разума и научного познания мира. «Философия» Бергсона, как правильно указывала «Мысль», поставлена на службу фашизму.

«Мысль» подвергала резкой критике экзистенсиализм Сартра, мистико-идеалистическое учение, провозглашающее бессмысленность человеческого существования, отрицающее взаимообусловленность и закономерность явлений природы и общества, отрицающее всякую связь человеческой личности с обществом. Журнал разоблачает классовую сущность экзистенсиализма, стремящегося оторвать трудящегося от коллектива и тем самым ослабить волю трудящихся в борьбе за свое освобождение от эксплюатации и погасить в них веру в грядущую победу.

Большую роль в развитии социально-политических взглядов Ланжевена сыграло посещение им в 1930 г. СССР и в 1931 г. Китая, где он выступает с решительным протестом против японской агрессии в Маньчжурии.

Ланжевен всегда подчеркивал неразрывную связь науки с общественным движением и считал необходимым поставить науку на службу народу. Ученый для Ланжевена прежде всего — член общества, обязанный отдать все свои силы и умение борьбе за освобождение трудящихся. Видя, как реакционные правительства империалистических стран используют науку в качестве средства разрушения, он заявлял: «Сегодня, перед теми, кто создает науку, стоит обязанность следить за тем, какое употребление люди делают из науки» [1]. Он убежден, что лишь объединенные действия широких народных масс, не желающих войны, могут обеспечить

---

[1] «Мысль», 1947, № 12, стр. 46.

мир и помешать использованию науки для разрушительных целей. Назначение науки и воспитания — сделать эти действия масс сознательными и согласованными. Таким образом, Ланжевен связывает задачи науки и воспитания с защитой демократии. Его деятельность в Лиге воспитания и особенно в Антифашистском комитете в значительной мере направлена на осуществление этой связи. Страстные слова против империалистической войны в защиту мира прозвучали в наши дни в устах последователей Ланжевена — Ф. Жолио-Кюри, Д. Бэрнала и других, мужественно защищающих дело мира против кровавых замыслов американо-английских поджигателей новой мировой войны.

Разоблачая гнусные попытки реакционных ученых использовать выводы науки для «оправдания» идеализма, Ланжевен указывает, что только диалектический материализм позволяет полностью охватить закономерности развития как общества, так и науки, предвидеть тенденцию их дальнейшего движения. Он констатирует благотворную роль диалектического материализма в осознании истории его собственной науки — физики. Он заявляет: «...Я хорошо понял историю физики только с того момента, когда познакомился с основными идеями диалектического материализма» [1].

Передовые общественно-политические взгляды Ланжевена, его борьба с фашизмом, которую он вел упорно и непримиримо, вызвали к нему ненависть со стороны реакции, в особенности со стороны германских фашистов. Вскоре после оккупации Франции гитлеровцами Ланжевен был арестован. Освобожденный из тюрьмы в результате движения протеста, начатого в студенческих и университетских кругах, он был отправлен в ссылку в гор. Труа (Шампань), где пробыл почти до окончания оккупации. В мае 1944 г. был организован его побег в Швейцарию, так как ему угрожал арест в качестве заложника.

Деятельность Ланжевена в последние годы его жизни в освобожденной от гитлеровцев Франции, после вступления в ряды коммунистической партии (сентябрь 1944), выражалась главным образом в руководстве Государственной комиссией по реформе образования. Эта реформа не могла быть осуществлена на практике при господстве во Франции капиталистического строя и реакционного правительства, действующего по указке американских империалистов. Тем важнее отметить, что труды этой Комиссии проникнуты передовыми демократическими идеями Ланжевена. Педагогические установки Ланжевена носят на себе печать явного влияния педагогической практики СССР, роль и значение которого как первого в мире социалистического государства Ланжевен оценивал очень высоко. Его симпатии к Советскому Союзу нашли свое выражение и в том, что в апреле 1946 г. он занял пост председателя общества «Франция — СССР».

3 марта 1945 г. состоялось чествование П. Ланжевена, организованное Национальным университетским фронтом, по случаю 73-летия со дня его рождения. Оно явилось блестящим признанием научных и общественных заслуг Ланжевена не только в национальном, но и в международном масштабе. В чествовании приняли участие 82 делегации от научных и общественных организаций Франции, а также от ряда иностранных и международных прогрессивных организаций.

Смерть П. Ланжевена (19 декабря 1946 г.) нашла широкий отклик во французском народе. Его похороны были приняты на государственный

[1] П. Ланжевен. Избранные произведения, Гос. изд-во иностр. лит., М., 1949, стр. 420.

счет. В октябре 1948 г. прах П. Ланжевена был перенесен в Пантеон. Этот акт со стороны реакционного правительства Франции нельзя расценивать иначе как результат мощного напора прогрессивного демократического общественного мнения, как результат требования французского народа признать заслуги Ланжевена перед родиной и наукой.

* * *

Формирование мировоззрения П. Ланжевена происходило в сложной исторической обстановке. Наступившая во Франции после поражения Коммуны реакция целиком и полностью определила характерные черты идеологии победившей буржуазии — позитивизм, идеализм. Эта «пошлая казенная философия» (Ленин) господствует во Франции на рубеже XIX и XX вв. и деградирует дальше, выступая под видом упоминавшихся уже «измов» — бергсонизма, экзистенсиализма и т. д. Мировоззрение П. Ланжевена выковывалось в непрестанной борьбе с этими реакционными течениями. При этом он опирался на материалистические, прогрессивные традиции, идущие от Декарта и энциклопедистов XVIII в., т. е. на прогрессивные философские течения домарксовского материализма.

Другим истоком философского материализма П. Ланжевена является тот стихийный материализм естествоиспытателя, который толкает к изучению природы такой, как она есть, «без всяких посторонних прибавлений» (Энгельс). В. И. Ленин, назвав этот стихийный материализм естественно-историческим материализмом, охарактеризовал его сущность как «...стихийное, несознаваемое, неоформленное, философски-бессознательное убеждение подавляющего большинства естествоиспытателей в объективной реальности внешнего мира, отражаемой нашим сознанием» [1].

Ленин показал неискоренимость естественно-исторического материализма, органически свойственного всякому исследователю окружающей нас природы. Как бы ни старались философы-идеалисты всевозможных направлений опровергнуть стихийный материализм естествоиспытателей, как бы они ни стремились отрицать его наличие вообще, это оказывается невозможным. Этот материализм есть, по Ленину, «...устой, который становится все шире и крепче и о который разбиваются все усилия и потуги тысячи и одной школки философского идеализма, позитивизма, реализма, эмпириокритицизма и прочего конфузионизма» [2].

Все развитие науки подтверждает правильность ленинской характеристики естественно-исторического материализма и того положения, что лишь сознательное применение диалектического материализма является могучим средством преодоления всяческих «кризисов» в науке и шатаний в сторону идеализма.

Ланжевен вступил на научное поприще в конце XIX в., в эпоху «новейшей революции в естествознании» (Ленин). Эта революция ознаменовалась открытиями электрона, радиоактивности, рентгеновских лучей, явившимися поворотным пунктом в развитии науки. Идеалисты поспешили истолковать этот новый этап углубления наших знаний о природе как опровержение материализма, утверждая, что вместе с разложением атома «исчезла материя». Часть физиков, сбитых с толку идеалистами, скатилась в болото поповщины. Но Ланжевен к их числу не принадлежал. Он повел борьбу с идеализмом в физике, противопоставив ему материалистические позиции.

Естественно-исторический материализм Ланжевена был отмечен Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм». Ленин называет

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 331.
[2] Там же, стр. 336.

имя Ланжевена, как одного из тех естественно-научных материалистов, работы которых позволяют заключить о том, что «естествознание ведет... к „*единству материи*“...» [1]. Ленин считал Ланжевена одним из тех новейших физиков, которые могут быть охарактеризованы, как «продолжатели традиций „механизма“ (т. е. материализма)» [2]. Опираясь в своей борьбе против махистов на научные работы именно таких физиков, как Ланжевен, Лоренц, Лармор и другие, Ленин разоблачает спекуляции философского идеализма на пресловутом «исчезновении материи» и разъясняет подлинный смысл этого «исчезновения»: «...исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. п.) и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи» [3].

Материалистические взгляды Ланжевена как естествоиспытателя развивались в направлении, гениально предвиденном Лениным: стихийный естественно-исторический материализм ученого становился все более сознательным и привел его к овладению диалектическим материализмом.

Не менее важным фактором, обусловившим укрепление и развитие материалистических позиций П. Ланжевена, является его практическая общественная деятельность. Ланжевен, выросший в рабочей среде, будучи с юных лет вовлечен в водоворот политической борьбы, сознает необходимость активного участия в ней на стороне демократии и рабочего класса. В дальнейшем мы всегда видим его на стороне трудящихся масс. Это способствовало тому, что Ланжевен все более и более проникался сознанием необходимости научного, материалистического анализа общественных проблем. Практическая общественная деятельность П. Ланжевена есть один из источников его материализма, один из путей, приведших его к диалектическому материализму.

Самое существенное значение для формирования мировоззрения Ланжевена имело ознакомление с идеями марксизма, явившегося великим революционным переворотом в философии и творчески развитого гением Ленина и Сталина. Трудно сказать, насколько основательно и когда именно Ланжевен ознакомился с философией марксизма-ленинизма по первоисточникам, однако многие его высказывания — особенно в последние два десятилетия его жизни — о взаимозависимости явлений, о развитии через революционные скачки и т. д. несомненно свидетельствуют о глубоком изучении им произведений основоположников марксизма-ленинизма.

Построение на подлинно научных основах социалистического общества в СССР не могло не привлечь к себе пристального внимания и симпатий передовых ученых капиталистических стран. Прогрессивные ученые-материалисты нашли для себя могучую поддержку в разносторонней практической и идеологической деятельности Советского государства, опирающейся целиком на материалистическую науку и философию диалектического материализма. Вот почему лучшие ученые Запада, в том числе П. Ланжевен, с энтузиазмом приветствовали и безоговорочно встали на защиту нового, советского общественного строя, который коренным образом отличается от строя капиталистической эксплоатации. Взгляды П. Ланжевена окончательно сформировались под идеологическим влиянием СССР, за тесную дружбу с которым он активно боролся до конца своей жизни. Факт существования великого Советского социалистического

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 247.
[2] Там же, стр. 251.
[3] Там же, стр. 247.

государства, действенный пример практического проведения в жизнь коммунистических идей, подаваемый Советским Союзом всему прогрессивному человечеству, расцвет культуры и науки в Советском государстве — один из самых могучих источников формирования материалистического мировоззрения ученых типа П. Ланжевена, лучших представителей демократической интеллигенции зарубежных стран.

* * *

П. Ланжевен стоит на материалистических позициях в решении основного вопроса философии.

Вопрос об объективном существовании мира и о первичности материи и вторичности сознания не вызывает у Ланжевена никаких сомнений. Через все его работы красной нитью проходит идея о том, что источником нашего сознания является внешний, независимо от нас существующий материальный мир, познаваемый нами все больше и глубже.

Эта концепция прямо противоположна идеализму, который объявляет понятия, как научные, так и философские, плодом «чистого», схоластического и бессодержательного мышления, оторванного от действительности, и пытается «конструировать» последнюю из сознания. Ланжевену абсолютно чужд подобный подход. Выступая в 1904 г. с докладом «Физика электронов», посвященным новому для тогдашней физики понятию электрона и его корпускулярной природе, он прежде всего обращает внимание на экспериментальное обоснование объективности существования электрона. Называя последний «основой новейшей физики», он подчеркивает, что теперь понятие об электроне покоится на «солидных экспериментальных и теоретических основаниях» [1]. Признание Ланжевеном объективной реальности электрона в то время, когда Махом и особенно Оствальдом велась яростная атака против атомистики в целом, свидетельствует о материалистической позиции Ланжевена в одном из важнейших вопросов познания материального мира, являвшимся предметом ожесточенной борьбы между материализмом и идеализмом.

Ланжевен сознает принципиальную важность признания объективной реальности материального мира и постоянно подчеркивает, что без такого признания невозможна подлинная наука, подлинно научное исследование природы. В 1938 г. на научной сессии, организованной в Варшаве Международным институтом интеллектуального сотрудничества, он заявляет: «Я думаю, что трудно быть физиком-экспериментатором, не будучи убежденным в реальности не только других физиков, но и самого мира» [2].

Признание объективной реальности материи, существующей независимо от нашего сознания, неразрывно связано с признанием объективной реальности времени и пространства, как основных форм существования материи. Ланжевен понимает объективный характер пространства и времени, неразрывную связь движущейся материи, времени и пространства. Анализируя то новое, что внесено в науку теорией относительности — изменение физических представлений о пространстве и времени, Ланжевен в то же время подчеркивает объективную реальность пространства и времени. Так, в статье «Время, пространство и причинность в современной физике» он пишет: «*Принцип относительности пространства есть подтверждение... существования внешней реальности пространства*» [3]. В другой статье, под заглавием «Эволюция понятия про-

---

[1] П. Ланжевен. Избр. произв., стр. 60.

[2] Труды Института, изданные на английском языке в 1939 г.; доклад П. Ланжевена «Позитивистские и реалистические тенденции философии и физики», стр. 226.

[3] П. Ланжевен. Избр. произв., стр. 133.

странства и времени», он заявляет: «...Внимание физиков вновь привлекли к себе фундаментальные понятия пространства и времени, потребовавшие своего пересмотра в свете новейших экспериментальных фактов. Эмпирическое происхождение этих понятий лучше всего и с полной очевидностью выявляется из еще незавершенного процесса их прогрессирующего приспособления ко все более новым и углубленным достижениям человеческого опыта» [1].

Вместе с признанием объективного существования мира Ланжевен признает также и его неограниченную познаваемость. Уже в одной из своих ранних работ, относящейся к 1904 г.,— «Дух научного образования» он писал: «Мы рождены в ходе медленной эволюции, в непрерывном и глубоком контакте со вселенной, которая нас сформировала; из наших неясных инстинктов вытекает чувство тождественности и общности со всей природой. Наше знание является усилием, которое все более глубоко и более сознательно проникает в природу...» [2] Здесь Ланжевен резко противопоставляет себя всякого рода агностикам, которые не идут дальше ощущений и отказываются видеть за ощущениями какую бы то ни было объективную реальность. Ланжевен, напротив, убежден в том, что ощущения, являющиеся результатом воздействия внешнего мира на наши органы чувств, дают нам верные изображения вещей, объективно существующих вне нас. Слова Ланжевена о «непрерывном и глубоком контакте» с природой, об усилии, «которое всё более глубоко и более сознательно проникает в природу», выражают мысль об активном характере исторического процесса познания мира.

Так же материалистически трактует Ланжевен и вопрос о причинности, понимание которой, как показал Ленин, является одним из «пробных камней» для определения принадлежности к материализму или идеализму. Ланжевен правильно считает, что понятие причинности вытекает из объективно существующей закономерной обусловленности явлений природы. Он требует безоговорочного признания объективно существующей взаимообусловленности явлений и резко клеймит физиков-идеалистов, провозглашающих индетерминизм и «свободу воли» электрона. Он утверждает, что отрицание причинности есть отказ от научного познания. Обосновывая причинность, защищая науку, основанную на причинности и позволяющую человеку все полнее и глубже познавать природу, Ланжевен отстаивает материализм против агностиков и идеалистов.

Проблема детерминизма, рассматриваемая Ланжевеном в работе «Атомы и корпускулы» (1933 г.), получила свое дальнейшее развитие в появившейся через несколько лет работе «Современная физика и детерминизм». В последней работе мы находим особенно четкие формулировки, выражающие убеждение Ланжевена в безусловной познаваемости мира, в существовании объективной причинности, вытекающей из всеобщности взаимосвязи, взаимодействия всех процессов природы.

Это признание первичности объективно существующего мира, подчиненного объективным закономерностям, признание его неограниченной познаваемости составляет основу общефилософских воззрений П. Ланжевена.

* * *

Характерной чертой мировоззрения Ланжевена является его антимеханицизм. Ланжевен отдает себе отчет в исторической ограниченности механицизма, сыгравшего известную положительную роль тогда, когда

[1] Там же, стр. 112.
[2] Там же, стр. 50.

физика и химия еще находились в первоначальной стадии своего развития. Он видит, далее, недопустимость сведения к механике других, немеханических форм движения материи, которые наука познала в своем движении вперед. Он, наконец, понимает неправомерность перенесения научных понятий механики на другие, не сводящиеся к ней области физики. Эту борьбу Ланжевена против механицизма мы можем проследить на самых разнообразных проблемах физики, трактуемых им.

Обратимся к одной из его довольно ранних работ — «Физика электронов». Это доклад, сделанный в 1904 г., т. е. в период «новейшей революции в естествознании», вызванной открытием радиоактивности, рентгеновских лучей и особенно — электрона. П. Ланжевен, оценивая огромное научное и философское значение установленного на опыте факта корпускулярной природы электрона и связанной с этим возможности распространить понятие прерывности на другие физические и химические явления, предвидит глубокое влияние этого факта на традиционную ньютоновскую механику и изменение ее соотношения с другими областями физики.

«Следствия этого [представления о прерывности электрических зарядов.— *Ю. Г.*],— пишет он,— проникают во все области старой физики: они абсолютно всемогущи в электромагнетизме, оптике, лучистой теплоте; они бросают новый свет на все области знания — до фундаментальных концепций ньютоновской механики включительно — и омолаживают старые атомистические идеи, переводя их из разряда гипотез в разряд принципов благодаря установленной законами электролиза тесной связи между атомными структурами материи и электричества» [1].

Решительно отрицая механическую структуру электромагнитного эфира Максвелла и Герца, П. Ланжевен ставит принципиальный вопрос о связи между инертным веществом — источником и приемником излучения — и средой, как передатчиком этого излучения.

Ясно видя невозможность механического истолкования электромагнитных процессов, П. Ланжевен пытается изменить исходное положение Максвелла. Задаваясь вопросом, нельзя ли, наоборот, применить электромагнитные представления к принципам и понятиям обычной, «классической» механики, которые в этом случае оказались бы частным случаем электромагнитной динамики, он отвечает утвердительно на этот вопрос. Подчеркивая преимущества электромагнитной теории перед классической механикой, он заявляет: «...Электромагнетизм представляет собой особый способ мышления, особую дисциплину, в корне отличную от механики и обладающую огромными возможностями развития. Достаточно вспомнить, что электромагнитная теория без труда покорила необъятную область оптики и теплового излучения, перед которой механицизм оказался бессильным, и каждодневно обогащает ее новыми открытиями. Электромагнетизм завоевал большую часть физики, захватил химию, связал и упорядочил громадное число фактов, которые до того оставались неоформленными и разбросанными» [2].

Эти взгляды П. Ланжевена получили основательное подкрепление несколько позднее, в связи с появлением теории относительности Эйнштейна. Эта теория позволила Ланжевену обосновать принципиальную несостоятельность многочисленных попыток представить свойства эфира и электричества, исходя из законов механики, несостоятельность, вытекаю-

---

[1] П. Ланжевен. Избр. произв., стр. 60.
[2] Там же, стр. 114.

щую из качественного различия закономерностей явлений механики и электродинамики.

«...Уравнения классической механики, с одной стороны,— указывает Ланжевен,— и уравнения, представляющие электромагнитные свойства эфира,— с другой, в действительности несовместимы, вопреки предположениям Максвелла, так как они не допускают одной и той же группы преобразований и не сохраняются для одних и тех же преобразований пространства и времени» [1]. Это противоречие, как известно, было устранено релятивистской механикой, объединившей классическую механику и электродинамику на более общей основе.

Не следует, однако, думать, что Ланжевен отбрасывает классическую механику. Он перевернул положение Максвелла, сводившего электродинамику к механике, и сделал вывод, что, наоборот, механика включается в электродинамику, являясь ее первым приближением. Учитывая, что несостоятельность классической механики может быть обнаружена только при исключительно больших скоростях (превышающих 100 000 км в секунду) или при процессах, сопровождающихся огромным выделением или поглощением энергии (например, при радиоактивном распаде или при образовании атомов), и что при обычных условиях законы классической динамики оказываются достаточно точными, Ланжевен подчеркивает философский смысл выводов новой, релятивистской механики. Обобщения электромагнитной теории, по Ланжевену, приводят к тому, что «рациональная [так Ланжевен называет ньютоновскую механику.— *Ю. Г.*] механика... остается в качестве первого приближения, почти всегда достаточного» [2].

Исходя из своих антимеханистических позиций, из убеждения в невозможности свести электромагнитные процессы к механическим, Ланжевен видит одну из заслуг теории относительности (в частности, специальной теории относительности) еще и в том, что эта теория нанесла сокрушительный удар контовской классификации наук, отводившей механике главенствующее положение в ряду всех остальных наук.

«Специальная теория относительности,— указывает Ланжевен в работе «Относительность» — обобщающем докладе, посвященном проблемам теории относительности,— перевернула иерархию наук Огюста Конта. Механика перестала быть тем образом, следуя которому должно строиться физическое объяснение. Напротив, ограниченная относительность [т. е. специальная теория относительности.— *Ю. Г.*] включила механику в физику, сделав из нее специальную главу физики, которая рассматривает движение материи. Переставая быть рациональной наукой и прототипом, который должен быть базой для объяснения других наук, механика, наоборот, представляется нам наиболее сложной наукой, последней в порядке теоретического объяснения» [3].

Антимеханицизм Ланжевена проявляется и в глубоком анализе метафизической сущности ньютоновских понятий пространства и времени. Отмечая эмпирическое происхождение понятий пространства и времени, Ланжевен в то же время подчеркивает, что господствовавший до последнего времени метафизический взгляд Ньютона на пространство и время, как на самостоятельные, независимые от материи сущности, неразрывно связан с механистическим мировоззрением и рациональной механикой. «Наши понятия времени и пространства,— указывает

[1] Там же, стр. 209.
[2] Там же, стр. 220.
[3] Там же, стр. 328.

Ланжевен,— это понятия, которых потребовала рациональная механика»[1].

Действительно, механическая картина мира оказывается относительно верной для области движения макроскопических тел, где пространство и время являются в некоторой мере «абсолютными» по отношению к макротелам. Но попытка классической механики распространить свои положения о независимых от материи пространстве и времени на невидимые движения материальных частиц и, в частности, на электромагнитные процессы, оказывается неправомерной.

«Новое представление о мире, новый и все более и более могущественный синтез,— продолжает Ланжевен,— которым является современная электромагнитная теория физических процессов, требует коренного пересмотра известных нам из механики понятий о пространстве и, особенно, времени. В пользу этого говорят также все современные методы экспериментального исследования»[2].

Ланжевен при этом решительно отвергает вытекающий из ньютоновской механики вывод об априорности понятий абсолютного пространства и времени.

«Понятия времени и пространства не могут быть априорными. Каждому этапу наших познаний, каждой стадии в развитии наших теорий о физическом мире соответствует определенное представление о пространстве и времени. Механицизм породил прежнюю концепцию, электромагнетизм рождает новую, и у нас нет никаких оснований думать, что эта новая концепция окончательна»[3].

Мы видим, таким образом, что ланжевеновская критика односторонности механистических воззрений на природу, отрывающих пространство и время от материи, идет в направлении верного подхода к сущности физических процессов, которые не могут быть сводимы к одной лишь механике, и выявления познавательного значения новых открытий и теорий.

Рассматривая материальный мир как вечно изменяющийся, Ланжевен совершенно по-новому подходит к трактовке основных физических научных понятий. Эти понятия не представляют, по Ланжевену, чего-то неизменного, раз навсегда установленного. Признание изменчивости самих понятий и научных теорий, их историчности проходит через все труды П. Ланжевена.

В частности, рассматривая столкновение двух физических теорий — старой, механической и новой, электромагнитной, Ланжевен выражает твердое убеждение в том, что какой бы видимостью прочности и авторитетности ни обладала старая теория, она, под неудержимым напором жизни, должна в конце концов уступить место новой.

«Первая из двух враждующих теорий,— пишет он,— гордится своим славным прошлым, тем, что ее законы были проверены на отдаленнейших светилах и на мельчайших молекулах газов; *вторая теория, более молодая и более живая, неизмеримо лучше приспособлена к физике в целом и отличается внутренней способностью к росту, которую механика, видимо, уже утратила*»[4].

В том факте, что процесс развития физического знания привел к смене механического воззрения электромагнитным, которое не уничтожило механики, но лишь включило ее в себя, как частный случай,

[1] П. Ланжевен. Избр. произв., стр. 112.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 112—113.
[4] Там же, стр. 114—115 [Курсив наш.— *Ю. Г.*].

Ланжевен усматривает проявление общего исторического процесса движения познания в его бесконечном приближении к абсолютной истине.

Доказывая необходимость изменения, по мере углубления познания, столь фундаментальных понятий классической механики, как понятия пространства и времени, Ланжевен распространяет эту необходимость и на другие, не менее основные представления классической механики, как масса, инерция, энергия, и, наконец, на понятие индивидуальной частицы.

Отрицая абсолютную, всегда себе равную массу классической механики, Ланжевен отчетливо видит связь этого «абсолюта» с другим «абсолютом» классической механики — абсолютным временем.

Ланжевен считает, что понятие абсолютной, неизменной во времени, всегда себе тождественной массы укоренилось на основе метафизического отрыва времени от пространства и каждого из них в отдельности от материи. Ланжевен неоднократно цитирует выразительную фразу Ф. Перрена: «Абсолютная масса — дочь абсолютного времени». И только специальная теория относительности, связав время с движением материи, показав их взаимосвязь и взаимозависимость, тем самым упразднила и представление о неизменяемости массы.

Было бы неправильно полагать, что Ланжевен свободен от ошибок и промахов в философской трактовке важнейших физических понятий. Такие ошибки и промахи у него имеются. Так, например, анализируя сложный вопрос о философском понятии времени, Ланжевен проявляет непоследовательность, высказываясь следующим образом: «Для большинства философов это понятие [времени.— *Ю. Г.*] смешивается с понятием последовательности состояний сознания одного и того же индивидуума...» [1]. В другом месте он пишет: «Время философа соответствует последовательности очень своеобразной частной серии событий, происходящих... в одном и том же сознании» [2].

Подобная трактовка времени, как известного порядка и последовательности наших чувственных впечатлений, есть не что иное, как трактовка этой категории в духе идеализма. Ланжевен не отгораживается от нее, не вскрывает ее ошибочности, между тем как именно здесь он должен был подчеркнуть, что подобная точка зрения противоречит его собственным взглядам. Он не только оставляет это обстоятельство без разъяснений, тем самым отдавая дань объективизму, но еще и запутывает проблему. Так, он указывает, что «разногласие, касающееся вопроса времени», вызвано взаимонепониманием всех физиков вообще, с одной стороны, и всех философов вообще — с другой, ибо, мол, те и другие говорят на разных языках: время философа, по мысли Ланжевена, определяется событиями, происходящими в одних и тех же точках пространства («в одном и том же сознании»), время же физика — событиями, совершающимися в разных местах пространства. Ланжевен здесь крайне непоследователен, совершая двойную ошибку: во-первых, он отходит от важнейшего критерия, определяющего материализм как философов, так и физиков в понимании времени,— признание его объективного существования; во-вторых, вводя другой, совершенно несущественный признак — «различный язык», который отличает суждения физиков от суждений философов, он полностью смазывает различие между материалистическим и идеалистическим пониманием времени.

---

[1] Там же, стр. 129—130.
[2] Там же, стр. 130.

Отмеченные ошибки в трактовке проблемы пространства и времени, тем не менее, не колеблют того положения, что Ланжевен сумел материалистически оценить изменение воззрений на пространство и время, подготовленное развитием экспериментальной физики и связанное с теорией относительности. Ланжевен понял основной философский порок ньютоновских представлений о пространстве и времени — их метафизичность, противопоставление пространства и времени материи, отрыв их от материи. Он правильно увидел, что теория относительности, опирающаяся на факт конечной скорости распространения взаимодействия материальных тел и отрицающая ньютоновское пустое пространство, по своему действительному содержанию приходит к новому, в сравнении с классической механикой, материалистическому пониманию пространства и времени, к признанию их неразрывной связи с материальными процессами.

Разобранные выше антимеханистические установки Ланжевена являются одним из проявлений более общей черты, свойственной его мировоззрению,— его антиметафизичности вообще и непрестанно проводимой борьбы против догматизма как в науке, так и в преподавании. Объективная действительность, которую отражает наука в своих понятиях и теориях, находится в процессе непрерывного развития, переходя на все более высокие ступени. Поэтому, считает Ланжевен, застывшие догмы, мертвечина недопустимы в науке, ибо являются препятствием для познания развивающейся природы.

Идея о непрерывном развитии науки изложена Ланжевеном в работе «Дух научного образования» (1904) и в лекции «Образовательная роль истории науки» (1926). Особенно интересна вторая работа, в которой Ланжевен проводит идею развития как самой объективной действительности, так и отражающего ее человеческого познания. Он критикует тенденцию абсолютизирования достигнутого знания на любом историческом этапе, начиная с древнейших времен, и неправомерное стремление распространить это ограниченное знание на вновь открываемые явления и процессы.

Ланжевен отмечает, что на протяжении человеческой истории сменялись, вытесняя друг друга, такие «абсолюты», как пифагореизм, дедуктивное мышление древних греков, схоластика, индукция, механицизм, энергетизм и т. д.; их общим пороком является односторонний, метафизический догматизм, против чего и направлен огонь критики Ланжевена.

Очерченная Ланжевеном картина смены научно-философских концепций не свободна от существенных недостатков. Прежде всего, она слишком схематична,— процесс этой смены не шел так прямолинейно и однозначно: в нем необходимо учесть сложное взаимодействие и переплетение сменяющих одно другое воззрений, но особенно следовало бы показать социально-экономическую основу тех или иных представлений о мире, их классовую обусловленность, их историческую ограниченность. Ланжевен этого не делает, что является крупным недостатком представляемой им картины. Однако в ней ярко выражено стремление Ланжевена показать поступательный ход, все возрастающий прогресс знания, а главное — несовместимость живого процесса познания с догматизмом.

Антидогматизм Ланжевена проявляется и в ряде других рассматриваемых им вопросов, например, в отрицании незыблемости так называемой «электромагнитной картины мира». Какими бы блестящими ни казались успехи, достигнутые в направлении «электромагнитного синтеза»

мира, П. Ланжевен отдает себе отчет в его неполноте и ясно видит огромные трудности, стоящие на этом пути. Он без колебаний признает несостоятельность первоначальной боровской теории планетарного строения атома, когда полученные из нее следствия оказались в противоречии с опытом, и обосновывает закономерность перехода к новым, квантовым воззрениям на процессы, совершающиеся в электронной оболочке, окружающей атомное ядро. Теорию квант Ланжевен считает естественным развитием и углублением атомистики.

Равным образом, возникновение теории относительности есть, по Ланжевену, результат закономерного развития физики, а не внезапное, самопроизвольное явление, как многие думают. Эта теория, представляя определенный момент в развитии физики, отмела метафизическую концепцию мгновенного дальнодействия, приводящую к понятию абсолютного времени, и утвердила концепцию распространяющегося с конечной скоростью близкодействия — концепцию, отражающую реальную действительность. Важно подчеркнуть, что Ланжевен, ссылаясь на великого творца неевклидовой геометрии Лобачевского, отводит русской науке решающую роль в историческом процессе эволюции понятия пространства, приведшей в конечном счете к возникновению общей теории относительности. В упоминавшейся работе Ланжевена «Относительность» мы читаем следующее: «...Основателями современной концепции относительности являются также Лобачевский, Гаусс, Больяи и др., которые показали, что могут быть построены геометрии, независимые от постулатов Эвклида» [1]. Характерно здесь помещение имени Лобачевского первым среди имен других математиков как бесспорное признание приоритета за Н. И. Лобачевским.

* * *

Отрицание Ланжевеном мертвых, незыблемых догм ярко проявляется в признании им необходимости изменить самое понятие индивидуальной частицы, отдельности в связи с проникновением физики в область микромира и все более углубляющимся познанием строения материи. Этому вопросу посвящена значительная часть одного из упоминавшихся выше докладов Ланжевена «Атомы и корпускулы», сделанного на Международном конгрессе по физико-химии в конце 1933 г.

Как указывает Ланжевен, приступая к исследованию новой для нас области объективного мира, мы пытаемся «объяснить неизвестное с помощью уже известного и использовать в данном случае представления, оказавшиеся пригодными для объяснения других [хорошо нам известных.— *Ю. Г.*] явлений» [2]. Эти хорошо нам знакомые и изученные явления, познанные в результате многовековой практики человечества, составляют сферу того, что можно назвать «нормальным и привычным этажом нашего опыта, унаследованного от предков, этажом *макроскопическим,* на котором были созданы все основные понятия, служившие нам до сих пор для объяснения картины мира» [3].

Такого рода основным понятием макромира оказалось понятие индивидуальной, стабильной частицы, понятие «материальной точки». Известно, что последнее понятие, заимствованное из классической механики, представляет собою абстракцию, по которой вся масса какого-либо тела представляется сосредоточенной в одной точке. Известно также, что за

[1] П. Ланжевен. Избр. произв., стр. 327.
[2] Там же, стр. 351.
[3] Там же. [Курсив наш.— *Ю. Г.*].

материальную точку может быть принимаемо любое тело, если размеры этого тела настолько малы, что ими можно пренебречь сравнительно с расстояниями, на которых данное тело взаимодействует с другими. Абстракция материальной точки широко используется в астрономии. Но это понятие, по Ланжевену, совершенно неприменимо к микромиру, ибо нельзя механистически рассматривать электроны, как предельно уменьшенные биллиардные шары или дробинки.

Ланжевен придает большое значение этому вопросу. Именно с ним он связывает возникшие на пути развития современной физики трудности и противоречия, на которых спекулируют «физические» идеалисты. «Разве весь современный кризис [физики.— *Ю. Г.*],— пишет он,— не обусловлен тем фактом, что на внутриатомную область хотели экстраполировать понятие материальной точки из рациональной механики?» [1]

Таким же неправомерным расширением Ланжевен считает применение в микрофизике понятия отдельности, индивида, мысленно оторванного от остальной вселенной и остающегося при всех условиях тождественным самому себе. Он прямо рассматривает это понятие, как «возникшее в человеческом сознании в результате взаимоотношений между людьми, экстраполированное и антропоморфно перенесенное на объект и частицу» [2].

Ланжевен допускает законность этого понятия в области макромира, «мира унаследованных от прошлого поверхностных макроскопических представлений» [3]. Но за весьма короткий срок — несколько десятков лет — мы из «макроскопического этажа» перешли сначала «в сферу, окружающую атомное ядро, где мы встретились с электронами», а вскоре вслед за этим — в новую, более глубокую область атомного ядра, где «все явления совершаются в масштабах в 10 000 раз меньших, чем масштабы атома» [4].

Казалось бы вполне естественным, что, спускаясь, по образному выражению Ланжевена, из верхних этажей в нижние, мы для создания понятий, адэкватных новой области, пытаемся использовать «представления, оказавшиеся более или менее пригодными в прошлом» [5]. Но это-то как раз и не ведет к цели. Показывая крушение планетарной картины строения атома, подчиненной законам механики, показывая неудачу электродинамической модели атома и доказывая необходимость введения квантовых представлений, показывая дальше трудности квантовой электродинамики,— Ланжевен видит основную причину всех этих затруднений в недооценке необходимости выработки качественно новых понятий, адэкватно отражающих более глубокие сущности познаваемой нами реальности. В частности, неправомерно переносимое в микромир понятие индивида, отдельности является понятием, возникшим в результате познания нами предметов макромира, имеющих достаточно усложненную структуру. «Индивидуализация, возможность опознать предмет и проследить его движение среди других,— говорит Ланжевен,— обусловлены наличием известного минимума характерных особенностей, придающих экспериментальный смысл индивидуальности, а это, в свою очередь, предполагает наличие довольно сложной структуры. Мне кажется, что представление об индивидууме не имеет резкой нижней

---

[1] П. Ланжевен. Избр. произв., стр. 328—329.
[2] Там же, стр. 351.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 351—352.
[5] Там же, стр. 352.

границы и выявляется с возрастающей ясностью по мере усложнения структуры» [1].

Ланжевен придает большое философское значение вопросу о необходимости ограничить область применения понятия индивидуальной частицы теми пределами, внутри которых это понятие оказывается адэкватным отражением действительности. Именно введение понятия макроскопической частицы в те области, где оно неприменимо, и послужило, по мнению Ланжевена, основанием для идеалистических и мистических выводов об индетерминизме, делаемых из «принципа неопределенности».

Взгляды Ланжевена на причинность, ярко отражающие материалистическую суть его мировоззрения, заслуживают подробного рассмотрения.

Открытия современной атомной физики, обнаружив новые формы взаимосвязи явлений материального мира, показали недостаточность и ограниченность старых механистических представлений о причинности. Часть зарубежных физиков, находясь на службе у империалистической реакции, «увидела» в этом крах причинности вообще, объявила о крушении детерминизма и стала открыто проповедовать поповщину. Другая часть физиков, не порвавших с основами материализма, но не сумевших подняться над метафизическим и механистическим материализмом, пыталась защищать свои позиции, требуя сведения новых форм взаимосвязи явлений к лапласовскому механическому детерминизму. Это противоречило новым данным науки и в конце концов также приводило к признанию свободы воли и религии.

Ланжевен занял правильную позицию в вопросе о причинности. Он дает сокрушительный отпор как сторонникам лапласовского детерминизма, механически распространяющим его на любые формы материальной действительности, так и в особенности сторонникам антинаучного индетерминизма. Ланжевен резко выступил против реакционных выводов, проповедуемых индетерминистами Гейзенбергом, Эддингтоном, Дираком, Гаасом, Джинсом и их французскими приверженцами. Он решительно клеймит их ухищрения как «интеллектуальный разврат».

Вот что мы читаем у него по этому поводу в статье «Атомы и корпускулы»: «Этот результат [соотношение неточностей.— *Ю. Г.*] явился отправной точкой для провозглашения крушения детерминизма и утверждения, что частицы не имеют детерминированного движения, так как невозможно экспериментально установить положение и скорость или количество движения какой бы то ни было частицы. Во имя этого стали предаваться самым разнообразным видам интеллектуального разврата, провозглашая „свободу воли" частиц, свободный выбор природы...» [2].

Вслед за этим Ланжевен с возмущением цитирует высказывания Дирака в 1927 г. о том, что «в известные моменты природа делает выбор»; он клеймит заявление Эддингтона о приемлемости религии для науки благодаря якобы устранению строгой причинности Гейзенбергом. Столь же резко он критикует метафизическую позицию Бора, считающего, что противоречие между волновым и корпускулярным аспектами микрообъектов, нашедшее свое выражение в так называемом соотношении неточностей, будто бы не является противоречием, поскольку эти два якобы взаимоисключающие друг друга аспекта проявляются для нас отдельно и независимо один от другого, лишь «дополняют» друг друга.

[1] Там же, стр. 362.
[2] Там же, стр. 359.

Ланжевен протестует против отказа от дальнейших исследований природы микрообъектов, против голой констатации пресловутой «дополнительности» различных сторон объектов. Эти исследования в конечном счете неизбежно должны привести к синтезу тех противоположностей, которые «принцип дополнительности» идеалистически пытается закрепить как оторванные друг от друга. В своей работе «Атомы и корпускулы» Ланжевен пишет по поводу «принципа дополнительности»: «Должны ли мы примириться с такого рода противоречием, ...когда мы констатируем наличие противоречий, не реализуя, однако, их синтеза? Безоговорочное принятие такого решения и самоуспокоение представляются мне крайне нежелательными, в особенности, если учитывать основные тенденции нашей науки, которая, наоборот, всегда стремилась к наиболее полному и всеобъемлющему синтезу путем расширения старых представлений или создания новых в тех случаях, когда в этом возникала необходимость» [1].

Так Ланжевен критикует абсолютизирование «принципа дополнительности», которому Бор и Гейзенберг придают метафизическо-идеалистический характер, связывая с одним аспектом только лишь причинное описание явлений, а с другим — только лишь их пространственно-временное описание. Антинаучные утверждения Бора и Гейзенберга получили дальнейшее «развитие»: некоторые физики-идеалисты (например, де Бройль) пытаются в настоящее время возвести «принцип дополнительности» в ранг некоего «универсального» закона, охватывающего такие проблемы, как соотношение части и целого, индивида и коллектива и т. д., и рассматривают члены этих соотношений, как якобы абсолютные, взаимоисключающиеся «полярности». Тот факт, что Ланжевен с порога отметает метафизическую извечность «принципа дополнительности», свидетельствует о его правильной материалистической позиции в этом вопросе.

Опровергая идеалистическую, реакционную концепцию индетерминизма, Ланжевен вскрывает породившие ее причины. Он считает, что основной причиной возникновения антинаучной теории индетерминизма является то самое неправомерное перенесение нами основных понятий из одной области действительности в другую, о котором уже говорилось выше при рассмотрении трактовки Ланжевеном понятия частицы.

«...Мы на опыте убедились,— пишет Ланжевен,— в невозможности точного одновременного определения положения и скорости частицы с целью предсказания ее дальнейшего движения. И вот уже только из этого мы сразу же выводим заключение о якобы наличии индетерминизма природы. Не лучше ли принять, что наша корпускулярная концепция не адэкватна, что невозможно дать картину субатомного мира путем простого распространения до крайних пределов наших макроскопических механических представлений о движении. Если природа не дает точного ответа на наш вопрос относительно электрона, уподобляемого частице классической механики, то не будет ли слишком большой самонадеянностью сразу заключить, „что природа не знает детерминизма?“

Не будет ли более правильным сказать, что сама постановка вопроса является неправильной и что электрон вообще не может быть уподоблен частице в понимании классической механики?» [2]

---

[1] П. Ланжевен. Избр. произв., стр. 356.
[2] Там же, стр. 396.

Таким образом, вместо «кризиса» причинности мы должны констатировать недостаточность макропонятий, с которыми мы подошли к характеристике детерминизма в микромире.

«В действительности речь идет вовсе не о кризисе детерминизма вообще, но лишь о кризисе механицизма, который мы пытались приспособить для объяснения совершенно новой области. Нам приходится констатировать недостаточность для объяснения микромира тех концепций, которые оправдали себя в макроскопической области, для которой они были созданы и где применялись в продолжение многих поколений» [1].

Критикуя механическое понимание мира как ряда тождественных аспектов, к которым применимы одни и те же понятия и которые отличны лишь по масштабам (вроде вкладывающихся одна в другую кукол все более и более крупного размера), Ланжевен отмечает:

«...Действительность несравненно более разнообразна. Каждая новая область, в которую мы вступаем, открывает перед нами новые истины и требует от нас новых конструктивных усилий теоретической мысли» [2].

Ланжевен настаивает на том, что путеводным компасом при построении новых теорий является признание объективного существования мира, в котором все явления взаимосвязаны и подчинены причинным закономерностям. Отказ от этой позиции Ланжевен расценивает как отречение от подлинной науки, от всего того, что определяло завоевания науки на длинном историческом пути ее развития.

«Я уверен,— пишет он,— что, отказываясь от детерминизма, мы лишим науку ее основного движущего начала — того, что до сих пор составляло ее силу и залог ее успеха: веры в конечную познаваемость вселенной. Ничто в переживаемых нами трудностях не оправдывает и не требует изменения наших установок, что, по моему глубокому убеждению, было бы равносильно отречению» [3].

Ланжевен призывает не смотреть фаталистически на планковскую постоянную h, как на грань, за которой якобы начинается мистическая область индетерминизма [4].

Отмечая существенную роль этой величины в различных явлениях и закономерностях природы, он настаивает на том, что «нашей целью должно быть возможно более детальное изучение ее [константы h.— *Ю. Г.*] глубокого смысла, а не отказ от научного подхода именно в тот момент, когда он более, чем когда-либо, необходим и плодотворен. Недостаточно провозгласить, что постоянная h определяет индетерминированность; развитие современной атомной теории является наглядным подтверждением того, насколько важно для физика сохранить верность основному принципу, направляющему его работу, а именно: стремлению двигаться вперед в поисках детерминизма» [5].

Опровергая вздорные утверждения философов и физиков-идеалистов о якобы имеющем место «кризисе детерминизма», Ланжевен напоминает о подобном же мнимом «кризисе атомизма», провозглашенном в начале

---

[1] Там же, стр. 397.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Ср. высказывание по этому поводу Л. де Бройля в статье «Кризис детерминизма в современной физике» («Le Correspondant» 10 juin, 1931, p. 781): «Образно выражаясь, в стене физического детерминизма существует щель, ширина которой измеряется величиной планковской постоянной. Таким образом последняя получает неожиданную интерпретацию как рубеж, отводящий детерминизму ограниченную сферу действия».

[5] П. Ланжевен. Избр. произв., стр. 397.

XX в., в начале возникновения современной атомно-электронной теории. Он убежден в том, что прогресс науки будет все глубже и глубже вскрывать объективную детерминированность явлений во всех областях реальности.

Обосновывая неизбежность эволюции наших понятий, Ланжевен вполне последовательно утверждает, что «несомненно, по мере расширения нашего познания реальности мы вынуждены будем видоизменять и представление о детерминизме» [1].

Но эволюция понятия не есть его крах, его уничтожение. Лишь враги научного прогресса, приверженцы реакционной, идеалистической философии могут стоять на подобной антинаучной позиции. Ланжевен беспощадно разоблачает реакционную связь между философами и физиками-идеалистами,— своего рода «круговую поруку», существующую между ними: если раньше физики-идеалисты искали опоры в идеалистической философии, то теперь имеет место и обратное явление — обоснование идеалистической философии с помощью аргументов, заимствуемых у идеалистически настроенных ученых.

«Те, кто старается изобразить эволюцию нашего познания детерминизма,— пишет он,— как банкротство причинности, напрасно ссылаются на новейшие достижения современной науки. Их идеи взяты совсем не оттуда; они извлечены из старой философии, враждебной научному познанию; ее-то они и хотят снова протащить в науку. И когда тот или иной философ-идеалист ссылается на физика-идеалиста, он лишь берет у него обратно те представления, которые когда-то ссудил ему сам» [2].

Материалистические установки Ланжевена, его антимеханицизм и антидогматизм приводят его, как мы видим, к глубокому пониманию проблемы причинности. Он убежден не только в существовании объективной причинности, вытекающей из всеобщности взаимосвязи и взаимодействия всех процессов природы, но и в качественном своеобразии форм этой причинной связи для разных форм движущейся материи.

* * *

Анализируя мировоззрение П. Ланжевена, мы видим, что оно складывалось под воздействием, с одной стороны, его практической научной работы, открывающей возможности все более материалистически последовательных философских обобщений, с другой — его все возрастающей по своему размаху и значению общественно-политической деятельности.

В этой деятельности Ланжевена воодушевлял великий пример СССР, построившего на подлинно научных началах социализм и уверенно идущего к осуществлению коммунизма.

Два указанных фактора, взаимодействуя между собой, и привели П. Ланжевена к осознанию неразрывной связи теории с практикой как в науке, так и в освободительной борьбе трудящихся против капиталистического гнета. Борясь против реакции в науке и в общественной жизни, он стал сознательным сторонником и защитником единственно верного, научного мировоззрения — диалектического материализма.

Анализ воззрений Ланжевена, в конечном счете приведших его в ряды коммунистической партии Франции, подтверждает глубокое поло-

---

[1] П. Ланжевен, Избр. произв., стр. 398.
[2] Там же.

жение марксизма о том, что последовательный материалист при изучении природы и общественной жизни неизбежно приходит к социалистическим идеям, к коммунизму.

Мы не можем не привести в заключение полные глубокой веры в несокрушимость идей коммунизма проникновенные слова П. Ланжевена, обращенные к национальной конференции Французской коммунистической партии, происходившей в декабре 1938 г.:

«Делом чести вашей партии является то, что она тесно связала мысль с действием.

Говорят, что коммунист должен всегда учиться. Но я хотел бы сказать вам, что чем больше я учусь, тем больше я себя чувствую коммунистом.

В великом коммунистическом учении, развитом Марксом, Энгельсом, Лениным, я нашел разъяснение таких вопросов моей собственной науки, которых я бы никогда не понял без этой доктрины».

В. Ф. ГЛАГОЛЕВ

О ВИДАХ ИНДУКТИВНЫХ УМОЗАКЛЮЧЕНИЙ

При рассмотрении теории индуктивных умозаключений основная задача состоит в том, чтобы показать, каким образом в процессе познания явлений природы и общественной жизни наше мышление делает переходы от единичного и особенного к общему. Выведение общего из единичного и особенного представляет собою обычно сложный и длительный исторический процесс, в котором переплетаются между собою различные формы предметно-практической и мыслительной деятельности человека: наблюдение и эксперимент, анализ и синтез, абстракция и обобщение, индукция и дедукция и т. д.

Ярким примером сложности и длительности процесса обобщения может служить процесс установления закона сохранения и превращения энергии, описанный Энгельсом в «Диалектике природы». «Что трение производит теплоту,— пишет Энгельс,— это было известно на практике уже доисторическим людям, когда они изобрели — быть может, уже 100 000 лет тому назад — способ получать огонь трением, а еще ранее этого согревали холодные части тела путем их растирания. Однако отсюда до открытия того, что трение вообще есть источник теплоты, прошло кто знает сколько тысячелетий. Но так или иначе, настало время, когда человеческий мозг развился настолько, что мог высказать суждение: *„трение есть источник теплоты“*...» [1].

Прошли новые тысячелетия, пишет далее Энгельс, до того момента, когда развитие наших, покоящихся на эмпирической основе, теоретических знаний о природе движения вообще позволило нам подняться от суждения единичности: *«трение есть источник теплоты»*, к суждению особенности: *«всякое механическое движение способно посредством трения превращаться в теплоту»* и от последнего к суждению всеобщности: *«любая форма движения способна и вынуждена при определенных для каждого случая условиях превращаться, прямо или косвенно, в любую другую форму движения»* [2].

Наряду со сложными существуют и простые случаи обобщения, в которых выведение общего из единичного и особенного достигается сравнительно легко и быстро. К общим выводам в таких случаях приходят в результате довольно простых сочетаний индукции с другими формами умозаключений.

Индуктивные умозаключения, или индукция, как и другие формы мышления, являются отражением в сознании человека определенных связей и отношений материальной действительности, закрепившихся в результате его многовековой исторической практики. «...Практика человека,— указывает В. И. Ленин,— миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения» [3].

---

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы, 1949, стр. 177—178.
[2] См. там же, стр. 178.
[3] В. И. Ленин. Философские тетради, 1947, стр. 188.

Будучи отражением связей и отношений объективного мира в сознании человека, индуктивные умозаключения необходимо присущи человеческому мышлению.

Современная империалистическая реакция объявила войну разуму, теоретическому мышлению. Гниение и распад буржуазной культуры находят свое выражение и в логике. Такие философствующие мракобесы, слуги американо-английского империализма, как Дьюи, Карнап, Рассель, Витгенштейн, Серрюс и др., проповедуя самую неприкрытую схоластику, вытравляют из логики всякое объективное содержание; они отбрасывают, конечно, и основанные на опыте индуктивные умозаключения. Все это направлено на сокрушение науки, на отказ от логического мышления.

Определение индукции

Индукцией называется такое умозаключение, в котором переход мысли совершается от частного к общему. Это определение индукции исходит еще от Аристотеля и является самым общим ее определением.

Так как всеобщее, как это отмечает Энгельс, должно выводиться нами «...из единичного, а не из себя или из воздуха...» [1], то исходным частным для индуктивного умозаключения являются или единичное, т. е. факты (предметы, явления и их свойства), выраженные посредством единичных суждений, или особенное, т. е. группы, виды, подклассы однородных фактов, выраженные общими суждениями. В соответствии с этим индукцию можно также определить как умозаключение от единичного или особенного к общему.

При переходе от частного к общему, или, точнее, от единичного или особенного к общему, возможны двоякого рода случаи В одних случаях общий вывод делается на основании изучения всех однородных фактов или их групп. Такое индуктивное умозаключение носит название полной индукции. В других случаях к общему выводу приходят на основании изучения только части однородных фактов. Индукция этого вида называется неполной. Неполная индукция, в свою очередь, в зависимости от способа обоснования вывода, подразделяется на индукцию через простое перечисление, или популярную, и на научную индукцию.

Из двух случаев индуктивного обобщения — полной и неполной индукции — наибольший теоретико-познавательный интерес представляет собою второй случай. Поэтому, наряду с самым общим определением индуктивного умозаключения, целесообразно привести следующее менее общее определение его: индукцией называется такой процесс вывода, в котором заключение о свойстве ряда однородных фактов (предметов, явлений), изученных в опыте, распространяется на все действительные и возможные факты того же самого рода. «Индукция,— пишет А. Я. Вышинский,— представляет собой заключение от известных фактов к неизвестному, от частного к общему как выводу из известного и частного». [2]

В умозаключениях неполной индукции на основании того, что часть экземпляров определенного класса обладает известным свойством, делается вывод о том, что и все экземпляры того же класса, сходные с изученными, обладают тем же самым свойством. Или из того, что то

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 7.

[2] А. Я. Вышинский. Теория судебных доказательств в советском праве, 1946, стр. 179.

или другое явление имело место в известное время, умозаключается, что оно будет иметь место при тех же самых обстоятельствах и во всякое другое время.

Вывод неполной индукции охватывает большее число фактов, чем их дано в предпосылках. Благодаря этому неполная индукция может давать знание о неисследованных, неизвестных, не содержащихся в предпосылках фактах. Это свойство неполной индукции делает ее особенно интересной и необходимой составной частью общего процесса познания, а на основе этого и преобразования человеком окружающего его мира.

С точки зрения теории силлогизма неполная индукция является логической ошибкой, так как представляет собою недозволительное расширение одного из терминов предпосылок,— именно субъекта большей предпосылки. В силлогизме вывод не может быть шире тех предпосылок, из которых он получается. В силу этого неполная индукция не может быть оправдана теорией силлогизма. На чем же в таком случае основываются ее выводы?

Научные основы индуктивных умозаключений

Делая то или иное индуктивное умозаключение, мы не можем, как правило, обозреть всех тех однородных фактов, на которые распространяем его вывод. Вследствие этого общий вывод, к которому мы приходим в результате такого умозаключения, выходит за пределы тех предпосылок, на которых он фактически основывается. Что же дает нам право по исследованным фактам судить о неисследованных, неизученных фактах?

Буржуазные логики обычно не дают ответа на этот вопрос. Не дают на него ответа, к сожалению, и некоторые советские авторы книг по логике (проф. В. Ф. Асмус и проф. М. С. Строгович).

Более того, проф. М. С. Строгович проводит даже ложную мысль о том, что такое право дает будто бы дедукция. Он пишет: «Мы говорили, что индукция представляет собой вывод из известных нам фактов относительно фактов, которые нам неизвестны. Что же нам даёт право из некоторого количества фактов данного рода делать заключение относительно всех фактов данного рода? Это основной вопрос теории индукции. Что даёт нам возможность от множества частных случаев перейти к общему правилу и из свойств ряда наблюдавшихся нами фактов заключить о свойствах остальных, не наблюдавшихся нами фактов того же рода? Без дедукции это было бы невозможно» [1].

В действительности, основанием всяких умозаключений, в том числе и индуктивных, является закономерность явлений мира и их познаваемость. Этот основной вопрос теории индукции не получил, как это ни странно, освещения ни в «Логике» проф. Асмуса, ни в «Логике» проф. Строговича.

Индуктивный вывод, охватывая, кроме исследованных однородных фактов, еще и неисследованные, неизученные факты, содержит в себе элемент нового, неизвестного будущего. При этом заведомо предполагается, что эти неисследованные, не изученные нами факты существуют и будут существовать и что они однородны с теми изученными фактами, на основании которых был сделан общий индуктивный вывод. Короче говоря, в индуктивных умозаключениях мы исходим из предположения повторяемости фактов.

---

[1] М. С. Строгович. Логика, 1949, стр. 319.

Если бы мы имели дело только с единичными, абсолютно неповторяющимися фактами, то не могло бы быть и речи об объединении, обобщении их, так как ничего общего нельзя было бы найти в этих ни в чем не сходных между собою фактах. «...Мысль,— говорит Энгельс,— если она не делает промахов, может объединить элементы сознания в единство лишь в том случае, если в них или в их реальных прообразах это единство уже *до этого существовало»* [1].

Но повторяемость фактов, являясь необходимым условием возможности индуктивных умозаключений, сама по себе далеко еще не достаточна для объяснения теории индукции. Более того, она сама требует теоретического объяснения. Поэтому советская логика, в отличие от буржуазной, не может строить теорию индуктивных умозаключений на простом признании повторяемости фактов. Она должна исходить из более глубоких научных положений.

Основание для построения строго научной теории индуктивных умозаключений дает советской логике диалектический материализм. Коренной предпосылкой такой теории является учение диалектического материализма о закономерности явлений природы, общества и человеческого мышления, научно объясняющее повторяемость фактов.

Характеризуя марксистский философский материализм, товарищ Сталин пишет: «В противоположность идеализму, который считает мир воплощением „абсолютной идеи", „мирового духа", „сознания",— философский материализм Маркса исходит из того, что мир по природе своей **материален**, что многообразные явления в мире представляют различные виды движущейся материи, что взаимная связь и взаимная обусловленность явлений, устанавливаемые диалектическим методом, представляют закономерности развития движущейся материи, что мир развивается по законам движения материи и не нуждается ни в каком „мировом духе"» [2].

В полном соответствии с наукой марксистский философский материализм исходит из признания вечного существования безграничного мира, в котором нет ничего, кроме движущейся материи. Вечно движущаяся в пространстве и времени материя, меняя свои формы, порождает все многообразие явлений материального мира. Материя и движение не могут быть ни сотворены, ни уничтожены; они вечны. Материя и движение едины: нет и не может быть ни материи без движения, ни движения без материи.

Марксистский философский материализм учит, далее, что движение материи происходит не беспорядочно, не хаотично, а закономерно. Явления природы, кажущиеся на первый взгляд беспорядочным нагромождением бесконечного многообразия не связанных между собою фактов, в действительности взаимосвязаны, взаимообусловлены и являются результатом закономерного развития материального мира. В мире господствует определенная закономерность. «Мир есть закономерное движение материи,— писал В. И. Ленин,— и наше познание, будучи высшим продуктом природы, в состоянии только *отражать* эту закономерность» [3].

Именно благодаря существованию объективной закономерности развития материального мира, мы в процессе познания открываем в единичном, в конечном общее, т. е. закон, верный для бесконечного

---

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, 1948, стр. 40.
[2] И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 541.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 156.

количества явлений. «...Мы находим и констатируем бесконечное в конечном, вечное — в преходящем»[1].

Именно необходимость и всеобщность, свойственные законам природы, если они верно отражаются нашей мыслью, позволяют нам делать правильные умозаключения от части фактов, в которых проявляется тот или иной закон, ко всем фактам, подчиняющимся тому же самому закону. Если бы не существовало объективной закономерности явлений природы и общества, то невозможно было бы ни познание в целом, ни индуктивные умозаключения как часть этого целого.

Теория индуктивных умозаключений опирается не только на учение о закономерностях развития мира; признание познаваемости внешнего мира и его закономерностей является второй необходимой предпосылкой индуктивных умозаключений.

«Над всем нашим теоретическим мышлением,— пишет Энгельс,— господствует с абсолютной силой тот факт, что наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому они и не могут противоречить друг другу в своих результатах, а должны согласовываться между собою. Факт этот является бессознательной и безусловной предпосылкой нашего теоретического мышления»[2].

Отрицание познаваемости мира и его закономерностей означало бы, во-первых, что индуктивные умозаключения применяются нами для познания непознаваемого, т. е. для обобщения непознаваемых явлений. Что может быть нелепее этой задачи? Во-вторых, терял бы всякий смысл вопрос об истинности выводов индуктивных умозаключений.

Итак, научным основанием теории индуктивных умозаключений является объективная закономерность явлений мира и их познаваемость.

Умолчание об этом в пособиях по логике проф. Асмуса и проф. Строговича является принципиальным недостатком. Этот недостаток тем более нетерпим, что буржуазные логики идеалистической трактовкой вопроса о предпосылках индукции больше всего насаждают идеализм в теории индуктивных умозаключений.

Полная индукция

Обобщение частного в умозаключениях полной индукции начинается с рассмотрения или единичного — отдельных фактов, или особенного — групп фактов. В научных обобщениях в качестве групп фактов берутся обычно виды. Полная индукция в таких случаях представляет собою умозаключение от видов к роду.

Умозаключения полной индукции возможны лишь в тех случаях, когда, во-первых, количество однородных фактов или их групп ограничено и, во-вторых, число их невелико, благодаря чему изучение каждого факта или каждой группы их с интересующей нас точки зрения не представляет трудностей.

Наука и повседневная жизнь дают нам много примеров умозаключений полной индукции. Например, при изучении борьбы рабочего класса стран народной демократии Центральной и Юго-Восточной Европы за единство своих рядов нами выяснено, что рабочий класс в отдельности Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии образовал единые рабочие партии. Зная, что в понятие стран народной демократии никакие другие страны Европы больше не входят, мы посред-

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 185.
[2] Там же, стр. 213.

ством полной индукции делаем достоверный вывод: рабочий класс во всех странах народной демократии Центральной и Юго-Восточной Европы образовал единые рабочие партии.

Особенно широко умозаключения полной индукции применяются в математике при так называемых составных доказательствах.

В геометрии теорему часто расчленяют на отдельные случаи и доказывают ее сначала для первого случая, затем для второго, третьего и т. д. После этого при помощи полной индукции сводят все случаи теоремы в одно целое. Заключение полной индукции и высказывает общезначимость доказываемой теоремы.

Выводя, например, теорему об измерении площадей треугольников, мы доказываем ее последовательно: сначала для прямоугольных, затем для остроугольных и, наконец, для тупоугольных треугольников. Исчерпав тем самым все виды треугольников, мы делаем обобщающий вывод: площадь всякого треугольника равна половине произведения основания треугольника на его высоту.

В зависимости от предпосылок вывод полной индукции может быть и общеутвердительным и общеотрицательным суждением. При всех утвердительных предпосылках вывод получается утвердительным; при всех отрицательных предпосылках (за исключением последней, в которой констатируется, что исследуемые случаи перечислены сполна) вывод будет отрицательным.

Основанием для перехода от единичного или особенного к общему в умозаключениях полной индукции служит количественное и качественное тождество совокупности фактов, выражаемых предпосылками, со всей группой, классом фактов, относительно которого сделан общий вывод. Иначе говоря, вывод полной индукции относится только к тем фактам, которые содержатся в предпосылках.

Если вывод полной индукции не распространяется на новые факты, то дает ли он что-либо новое?

Многие логики-идеалисты (Уэтли, Милль, Липпс, Троицкий, Снегирев и др.) считают, что полная индукция лишь суммирует посылки, что поэтому она не дает никакого нового знания. Такая точка зрения является ложной. Она заранее предполагает, что новое знание о явлениях природы может быть получено только распространением вывода на новые факты.

В действительности же новое знание, как это правильно показали русские логики Каринский и Рутковский, получается не только распространением вывода на новые факты, но и путем углубления понимания одних и тех же фактов. Такой способ расширения наших знаний и имеет место в умозаключениях полной индукции.

Полная индукция, давая обобщающий вывод о единичных фактах или группах их, поднимает наше знание о каком-либо свойстве предметов или явлений со ступени единичного или особенного на ступень общего. Посылки, рассматриваемые одна за другой, говорят только об отдельных фактах или их группах; вывод же, утверждая принадлежность того или иного свойства в с е м однородным фактам, указывает, что это свойство является н о в ы м общим признаком всего класса фактов.

«Когда из наблюдения каждой отдельной известной нам планеты,— справедливо замечает Рутковский,— мы выводим, что все известные нам планеты светят солнечным светом, то мы делаем нечто большее, чем простое суммирование посылок: этим выводом мы исправляем наше понятие о планете, включая в его содержание признак „светят солнеч-

ным светом", которого прежде там не было. Таким образом, наше понятие о планете вообще несколько изменяется, его содержание дополняется новым признаком; интерес вывода в данном случае сосредоточен в том, что признак, подмеченный в каждом из предметов данного класса, признается постоянным признаком этого класса. А это нечто большее, чем простое суммирование имевшихся уже знаний, это — расширение нашего знания об известном классе, увеличение содержания понятия об этом классе. Ввиду этого за полной индукцией должно быть признано значение вывода: она дает нам новое знание, изменяя наше прежнее понятие о данной группе предметов»[1].

Разновидностью полной индукции следует считать довольно распространенный случай умозаключения от частей к целому. Убедившись в процессе изучения частей некоторого целого в том, что каждой части присущ интересующий нас признак, мы делаем на основании этого вывод о принадлежности этого признака и всему целому.

Например, чтобы узнать выполнение производственного плана заводом за месяц (квартал, год), мы должны сначала рассмотреть выполнение плана по отдельным его показателям или отдельными цехами. Убедившись, что производственный план выполнен по каждому отдельному показателю или по каждому отдельному цеху, мы можем сказать, применив полную индукцию, что план заводом выполнен полностью.

Умозаключения полной индукции делаются на достаточном основании. Поэтому выводы ее при истинных предпосылках достоверны.

Достоверность вывода полной индукции является одной из сильнейших сторон ее, благодаря чему она входит составной частью во многие самые строгие доказательства.

Индукция через простое перечисление

Необходимость в умозаключениях неполной индукции, в том числе в умозаключениях индукции через простое перечисление, вызывается тем, что в процессе познания явлений природы и общественной жизни мы не можем в подавляющем большинстве случаев не только изучить, но даже обозреть всех фактов (предметов, явлений) определенного класса, либо потому, что число этих фактов неограниченно велико, либо потому, что хотя число их и ограничено, но не все они доступны для непосредственного изучения.

Умозаключения неполной индукции обычно сложнее умозаключений полной индукции. Объясняется это тем, что в неполной индукции умозаключение делается от части класса ко всему классу. Вследствие этого мы вынуждены высказывать суждение о таких фактах, которые нами не наблюдались.

Историческая практика выработала несколько способов познания однородных явлений, число которых по той или иной причине нам неизвестно. Простейшими из них являются популярная индукция, или индукция через простое перечисление, и научная индукция.

Индукцией через простое перечисление называется такое умозаключение, в котором из наблюдения повторяемости одного и того же признака у ряда однородных фактов (предметов, явлений), при отсутствии противоречащего этой повторяемости случая, делается общий вывод о принадлежности рассматриваемого признака всем фактам того же рода.

---

[1] Л. Рутковский. Основные типы умозаключений, 1888, стр. 57.

Например, задолго до изучения причины падения тел вблизи земной поверхности мы на основании опыта делаем общий вывод о том, что все тела, лишенные опоры, падают. Или, наблюдая регулярную смену дня и ночи, мы умозаключаем, что это чередование будет и завтра и послезавтра и т. д., т. е. постоянно.

Замечательным свойством индукции через простое перечисление (и вообще неполной индукции) является то, что она расширяет наше знание за счет распространения вывода с известных нам фактов на однородные им неизвестные факты, дает возможность судить о бесконечном количестве предметов, явлений по ограниченному числу их.

Основанием для умозаключений индукции через простое перечисление служит повторяемость однородных фактов при отсутствии среди них противоречащего случая. Для получения общего вывода такое основание необходимо: если среди повторяющихся фактов имеется хотя бы один противоречащий этой повторяемости факт, общий вывод уже невозможен. Но будучи необходимым, это основание недостаточно. Из того, что при наблюдении повторяемости явлений мы не встретили ни одного противоречащего случая, вовсе не следует, что такие случаи не существуют или невозможны.

При умозаключениях индукции через простое перечисление, правильно отмечает Каринский, мы исходим из молчаливого допущения, что «в воспринятых предметах мы имеем часть группы, представляющую собою целую группу и совпадающую, вообще говоря, с ней по своему логическому очертанию». [1]

Допущение о сходстве фактов наблюденной части группы с фактами ненаблюденной части группы и позволяет характеризовать всю группу в целом по части ее. Но отождествление в логическом отношении фактов части группы с фактами всей группы, как это само собою понятно, не всегда правомерно.

Явления могут повторяться и закономерно и случайно. В первом случае весь ряд однородных явлений представляет собою результат проявления одних и тех же существенных связей. Такие явления необходимы, а следовательно, и устойчивы. Повторение их будет наблюдаться до тех пор, пока существуют обусловливающие их необходимые связи. Противоречащие случаи для такого рода явлений невозможны.

Напротив, случайные явления свойством устойчивости не обладают. Противоречащие случаи для них не только возможны, но и неизбежны.

В умозаключениях популярной индукции мы опираемся только на повторяемость наблюдаемых нами фактов и на отсутствие противоречащих ей случаев. Так как без глубокого научного анализа характера связей повторяющихся явлений мы не можем отличить закономерную повторяемость от случайной, если, конечно, при этом нет ни одного противоречащего случая, то мы и не можем сказать, какую повторяемость фактов отражает общий вывод популярной индукции. Истинность или ложность вывода может быть установлена только путем дальнейшего изучения явлений.

Правильность вывода популярной индукции находится, таким образом, в полной зависимости от того, какой окажется в действительности повторяемость фактов — закономерной или случайной. Вследствие этого и сама популярная индукция оказывается весьма ненадежным видом умозаключений.

---

[1] М. Каринский. Классификация выводов, 1880, стр. 130.

Отмечая эту сторону индуктивных умозаключений, Энгельс писал: «...Индуктивное умозаключение по существу является проблематическим!» [1]

Малая вероятность истинности общего вывода популярной индукции есть самый существенный ее недостаток.

Если повторяемость фактов при отсутствии противоречащего случая не является достаточным основанием для обобщений популярной индукции, то почему же историческая практика человека не отмела этой формы умозаключений?

Дело в том, что на начальной ступени изучения повторяющихся явлений, когда исследователь имеет еще очень мало сведений об этих явлениях, он и не располагает другими, более надежными формами умозаключений от частного к общему. В таких случаях он вынужден пользоваться индукцией через простое перечисление, посредством которой получает более или менее вероятный общий вывод относительно исследуемых им явлений.

Повышение вероятности вывода популярной индукции возможно или за счет накопления числа повторяющихся фактов, или через специальный отбор их, или, наконец, путем выяснения необходимых связей этих фактов. Мы остановимся только на втором способе, так как первый понятен без разъяснений, а третий будет рассмотрен в связи с научной индукцией.

Этот второй способ был проанализирован русским логиком М. Каринским. Он по существу является особым видом популярной индукции, в которой умозаключение идет от части к целому. Основание для обобщения в данном случае остается тем же самым. Но для получения общего вывода мы производим специальное исследование, посредством которого проверяем повторяемость фактов в различных частях того объема, в пределах которого эта повторяемость возможна.

Например, чтобы определить успеваемость учащихся какой-либо школы, достаточно взять наугад по два-три ученика из нескольких классов и проверить их знания. Если эти знания окажутся прочными, мы можем сделать общий вывод о хорошей успеваемости учащихся всей школы.

Таким же образом судят о качестве больших партий товаров, о всхожести семян, об урожайности больших посевных площадей и т. д. Для установления всхожести семян какой-либо культуры берут из различных частей объема семенного фонда некоторое количество семян. Испытуемое количество семян можно взять и из одного места, но для придания однородности общей массе семенного материала его нужно предварительно хорошенько перемешать. Определив опытным путем процент всхожести взятого количества семян, умозаключают, что и весь семенной материал имеет тот же самый процент всхожести.

При определении урожайности поля, засеянного какой-либо культурой, находят среднюю урожайность нескольких выборочных участков, взятых в различных, типичных частях поля. После этого умозаключают, что и все поле имеет урожайность не ниже найденной.

Умозаключение от части к целому в приведенных примерах и есть особая разновидность популярной индукции.

Повторяемость изучаемого явления в рассматриваемом виде популярной индукции проверяется в различных частях объема. Поэтому вывод такого умозаключения, если он получен с соблюдением всех правил, имеет довольно высокую степень вероятности.

---

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы, 1949, стр. 180.

Индукция через простое перечисление, несмотря на ее недостатки, весьма широко применяется в научном исследовании природы и общества и в повседневной жизни. Законы, как известно, выражают собою общее, повторяющееся в явлениях. Поэтому многие из них впервые подмечаются на повторяемости фактов и с помощью популярной индукции высказываются в виде общих суждений. Эти обобщения, носящие название эмпирических законов, в процессе дальнейшего изучения явлений получают более строгие доказательства. Так, например, закон Архимеда о потере веса телом, погруженным в жидкость, закон Ломоносова о сохранении вещества, закон Бэра об отклонении течения рек и многие другие были замечены и формулированы первоначально на основании наблюдения повторяемости определенных фактов.

То же самое следует сказать и о некоторых математических аксиомах и законах. Они также были подмечены на повторяемости определенных свойств и отношений конкретных предметов и явлений действительности и формулированы в виде общих положений. Историческая практика человечества подтвердила истинность этих положений. Конечно, обобщения эти являются результатом не одной только индукции, тем не менее без участия индукции они никак не могли быть получены.

Необходимо, однако, помнить, что значительная часть общих положений, полученных первоначально при помощи популярной индукции, была впоследствии отвергнута. Причем в некоторых случаях повторяемость фактов, на основании которой делались первоначальные обобщения, наблюдалась даже в течение нескольких тысячелетий. Как на примеры таких, оказавшихся ложными, обобщений можно указать на следующие: «все вороны черны», «все лебеди белы», «все металлы тонут в воде» и т. д.

В науке и в настоящее время нередки случаи, когда то или другое положение, полученное посредством популярной индукции, оказывается ложным. Так, например, радиофизики, опираясь на опыты радиопередач из Европы в Америку и обратно, пришли первоначально к убеждению, что только длинные волны могут создавать прочную связь на больших расстояниях. Чем длиннее волна, тем, казалось, большее расстояние она преодолевает. И, наоборот, чем короче волна, тем меньше дистанция возможной радиопередачи. Это индуктивное обобщение было опровергнуто в 20-х годах радиолюбителями, которые доказали, что радиопередачи на большие расстояния возможны и на коротких волнах.

Приведенные примеры показывают, насколько ненадежны выводы популярной индукции. Поэтому в процессе познания почти никогда (за исключением отдельных случаев индукции через отбор) одним умозаключением этого вида не ограничиваются.

В заключение следует отметить, что в случаях, когда вывод популярной индукции опровергается противоречащими фактами, для характеристики повторяемости явлений пользуются приблизительными обобщениями, выводы которых справедливы только для части (обычно для большинства) однородных фактов.

Научная индукция

Хотя повторяемость и является необходимым признаком закономерных явлений, тем не менее одна она недостаточна еще для получения истинного вывода. Общий вывод, к которому мы приходим на основании одной только повторяемости фактов, т. е. посредством индукции

через простое перечисление, в значительной степени зависит от случайности.

Наука — враг случайностей. Она стремится к установлению научно обоснованных истин, а поэтому ни в коем случае не может ограничиться одними лишь эмпирическими обобщениями и их вероятными выводами. Она мирится с ними лишь на начальной ступени изучения явлений. Наука в полном смысле слова начинается лишь с познания необходимых связей.

Формой обобщения, основанной на познании необходимых связей, является научная индукция, выводы которой из истинных предпосылок, в отличие от популярной индукции, не вероятны, а достоверны.

Научной индукцией называется умозаключение, в котором на основании известных существенных признаков и необходимых связей части изученных фактов (предметов, явлений) высказывается общее суждение о всех действительных и возможных фактах того же рода.

Такое умозаключение бесспорно относится к числу индуктивных. В нем, так же как и в индукции через простое перечисление, вывод идет от отдельных экземпляров класса ко всему классу, от известного к неизвестному. Но основанием умозаключения служит не простая повторяемость фактов, а знание их существенных признаков и связей.

Простое наблюдение повторяемости явления или признака предмета никогда не дает нам твердой уверенности в том, что это явление или признак предмета будут встречаться и за пределами нашего непосредственного опыта. Этим и объясняется малая обоснованность выводов индукции через простое перечисление.

Напротив, если мы каким-либо образом установили, что повторение явления или признака предмета (явления) происходит в силу наличия необходимой связи, мы достоверно можем сказать, что это явление или признак предмета будет иметь место во всех тех случаях, где имеется та же самая необходимая связь. На выявлении необходимых признаков и необходимых связей повторяющихся явлений и строятся умозаключения научной индукции.

Обобщения посредством научной индукции делаются или на основании необходимых признаков предметов (явлений), или на основании общих причин однородных явлений.

Необходимые признаки характеризуются тем, что они являются общими признаками всех предметов или явлений определенного вида, рода или класса. Поэтому всякий раз, когда мы в состоянии обобщаемый признак предмета (явления) связать, как с логическим основанием, с необходимыми признаками того же предмета, мы достоверно можем утверждать, что обобщаемый признак необходимо принадлежит всем предметам того же рода (вида, класса).

Умозаключениями научной индукции на основании необходимых признаков предметов широко пользуются в математике.

Например: взяв один какой-либо квадрат, мы доказываем равенство его диагоналей на основании необходимых признаков этого квадрата — прямоугольности и равенства сторон. Зная, далее, что прямоугольность и равенство сторон являются общими признаками всех без исключения квадратов, мы от равенства диагоналей одного квадрата достоверно умозаключаем к равенству диагоналей всех квадратов.

Хотя общий вывод и сделан в данном случае всего-навсего на одном факте, он достоверен. Истинность его обусловлена, во-первых,

тем, что мы достоверно знаем, что признаки, которые положены нами в основу умозаключения, присущи всем предметам данного класса (всем квадратам). Эти признаки были отвлечены нами и положены в основу отбора предметов класса, так что ни один предмет с иными основными признаками не мог попасть в этот класс.

Во-вторых, в одном из логически тождественных предметов обобщаемый признак посредством необходимой связи основания и следствия выведен (дедуцирован) из основных признаков предмета. Таким образом, необходимость и всеобщность становится доказанной и в отношении выводного признака.

При познании причинных закономерностей природы и общества широко пользуются вторым видом научной индукции — умозаключениями на основании общей причины однородных явлений.

Характерной чертой причины является то, что она при одних и тех же или примерно при одних и тех же условиях производит одинаковые действия. Поэтому, если ряд явлений происходит от одной и той же причины, то такие явления обязательно будут однородными и, следовательно, в логическом отношении тождественными. Относительно таких явлений мы можем делать вполне достоверные выводы.

Чтобы сделать общий вывод на основании причины однородных явлений, необходимо с помощью этой причины объяснить какое-либо одно из обобщаемых явлений (или признаков, если обобщается признак). Тогда можно достоверно утверждать, что это явление будет наблюдаться во всех тех случаях, где имеет место та же самая причина. Условия, при которых действует причина, предполагаются при этом примерно одинаковыми.

Например: причиной потери веса телом, помещенным в жидкость, является такое необходимо присущее жидкости свойство, как давление ее снизу вверх. Зная причину, мы достоверно умозаключаем о том, что все тела при погружении в жидкость обязательно теряют часть своего веса.

Другой пример: капиталистическое общество, начиная с первого промышленного кризиса 1825 г., периодически потрясается экономическими кризисами. Как ни доказывают идеологические приказчики буржуазии, что тот или иной кризис является последним, капиталистическое общество через известный промежуток времени снова ввергается в экономический кризис еще большей разрушительной силы. Такая регулярность кризисов, казалось бы, вполне достаточна для умозаключения о том, что они неизбежны при капитализме. Однако, хотя вывод и правилен, логическое обоснование его все же недостаточно.

Чтобы доказать, что кризис есть неизбежный спутник капитализма, необходимо определить его причину и показать, что она присуща капитализму на всем протяжении его существования. Эта причина в результате глубокого диалектико-материалистического анализа капиталистического общества была вскрыта классиками марксизма-ленинизма. Товарищ Сталин на XVI съезде ВКП(б) говорил: «Основа экономических кризисов перепроизводства, их причина лежит в самой системе капиталистического хозяйства. Основа кризиса лежит в противоречии между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения результатов производства. Выражением этого основного противоречия капитализма является противоречие между колоссальным **ростом** производственных возможностей капитализма, рассчитанным на получение **максимума** капиталистической прибыли, и относительным **сокращением** платёжеспособного спроса со стороны миллионных масс

трудящихся, жизненный уровень которых капиталисты всё время стараются держать в пределах крайнего минимума»[1].

Причина кризисов — противоречие между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения — неотделима от капитализма, следовательно, неотделимы от него и кризисы. Только уничтожение капитализма кладет конец всяким кризисам. Прекрасное подтверждение этому дает Советский Союз и страны народной демократии, экономика которых не знает никаких кризисов.

В чем преимущество научной индукции перед индукцией через простое перечисление?

Индукция через простое перечисление при высказывании общих выводов основывается только на повторяемости фактов. Свои заключения она строит на недостаточном основании, потому что опирается на поверхностное в явлениях. Выводы ее имеют дело как с необходимыми, так и со случайными явлениями, вследствие чего они бывают только вероятными.

Научная индукция не останавливается на повторяемости явлений. Она требует выделения путем анализа необходимых признаков и связей явлений, на основе которых и строит свои общие выводы. Такие выводы являются достоверными, при том условии, разумеется, если необходимые признаки и связи, на основании которых они сделаны, определены правильно.

Общие суждения, к которым мы приходим в результате научной индукции, представляют собою не что иное, как формулировки законов природы, так как они выражают собою всеобщие и необходимые истины. Эти законы с течением времени могут уточняться, подтверждаться новыми фактами, но они не теряют своего значения для того класса явлений, который характеризуют.

Популярная же индукция дает только эмпирические законы, которые могут быть опровергнуты первым противоречащим случаем.

Наконец, для умозаключений научной индукции количество случаев, на основании которых делается обобщение, не имеет решающего значения. Она изучает явления вглубь, а поэтому может сделать вывод даже на основании одного факта. Популярная индукция, напротив, всегда стремится накопить как можно больше обобщаемых фактов, потому что это повышает вероятность ее вывода.

Обобщение научной индукции на основе причины является сложным умозаключением. Чтобы сделать его, необходимо знать причину повторяющихся явлений. Но причина не дается нам готовой. Ее нужно познать из того же самого ряда однородных фактов, для обобщения которого мы и хотим применить ее в качестве основания. Вследствие этого, определение причины повторяющихся явлений и индуктивное умозаключение на основе ее являются двумя сторонами общего процесса научного обобщения фактов.

Причина явлений может быть найдена многими способами. В одних случаях она наблюдается нами непосредственно, в других — мы приходим к ней с помощью дедукции, гипотезы, аналогии и т. д. Наконец, ее можно определить посредством так называемых методов установления причинной связи явлений. Независимо от того способа, каким мы определяем причину, она может служить для обобщения однородных фактов и, следовательно, являться основанием умозаключений научной индукции. Конечно, обобщения такого вида, рассматриваемые в целом,

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 243—244.

т. е. вместе с процессом определения причины, представляют собой сложные умозаключения, в которые научная индукция входит лишь составной частью.

Научная индукция относится к числу строго обоснованных умозаключений. В процессе познания явлений природы и общества ею пользуются все науки.

В отличие от полной и популярной индукции, научная индукция непосредственно связана с дедукцией. Указывая на глубокую связь индукции и дедукции в процессе познания, Энгельс писал: «Индукция и дедукция связаны между собою столь же необходимым образом, как синтез и анализ» [1].

Методы установления причинной зависимости явлений

Среди различных форм взаимосвязи явлений объективного мира огромнейшее значение принадлежит причинной зависимости явлений, которая является одной из важнейших закономерных связей мира.

Причинная связь лежит в основе так называемых причинных, или каузальных, законов, т. е. таких положений, которые выражают собою общую и необходимую связь предметов и явлений объективного мира. Знание таких законов дает возможность, во-первых, предвидеть наступление явлений и, во-вторых, что самое главное, изменять, управлять ими (явлениями) в соответствии с нашими потребностями. «Законы внешнего мира...,— говорит В. И. Ленин,— суть основы *целесообразной* деятельности человека» [2].

Процесс установления причинных отношений весьма сложен. В нем применяются все формы умозаключений. Он не может быть сведен, как это нередко делали буржуазные логики, ни к одной индукции, ни к одной дедукции, аналогии и т. д. Вместе с тем, существует ряд приемов, которые позволяют наикратчайшим путем сделать из данных опыта умозаключение о возможной причине явлений. Эти приемы носят название методов установления причинной зависимости явлений, или методов индукции.

Методы индукции возникли в процессе практической деятельности людей. Хотя теория их начала развиваться лишь с развитием естествознания в XV—XVII вв., они применялись в практике мышления человека задолго до появления их теории. Так, например, уже доисторические люди умозаключали по методу сопутствующих изменений о том, что трение производит теплоту. Известно, далее, что Аристотель методом различия пытался установить, весом или невесом воздух. Для этого он взвешивал пустой кожаный мешок и тот же мешок, наполненный воздухом. Разница в весе, по его мнению, должна была дать ответ на поставленный вопрос.

Каждый из методов индукции представляет собой частный метод познания причин явлений и включает в себя наблюдение и эксперимент, сравнение, анализ и синтез, умозаключение и т. д. Главная трудность при применении этих методов состоит не в процессе умозаключения, а в подготовке предпосылок для него. Поэтому логика рассматривает не только умозаключения, делаемые при помощи методов индукции,

---

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 182.

[2] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 161.

но и процесс получения тех суждений о фактах, на основе которых делаются эти умозаключения.

Умозаключения в методах индукции основаны на изолировании отдельных обстоятельств явления. Это ограничивает, конечно, круг приложения индуктивных методов, так как изолирование того или иного условия явления не всегда возможно. Несмотря на это, они довольно широко применяются во всех областях научного исследования и служат как для определения причины по ее действию, так и для определения действия по ее причине.

При установлении причины явления возможны два случая: первый, когда определяется причина единичных предметов, явлений, фактов, и второй, когда она отыскивается для целого класса их.

В первом случае причина не может служить основанием для суждений о других новых фактах. В результате определения ее не происходит никакого обобщения. Поэтому нет основания относить такие случаи к индуктивным умозаключениям. В связи с этим точку зрения проф. М. С. Строговича о том, что все случаи определения причины единичных фактов являются индукцией[1], следует считать неправильной.

Во втором случае мы имеем дело с повторяемостью однородных фактов (предметов, явлений), происходящей от действия одной и той же причины. Определение ее (причины) по части фактов означает установление общего закона природы или общества. Закон сводит к единству не только исследованные, но вообще все однородные факты. Он, как говорит Энгельс, есть форма всеобщности в природе. Процесс нахождения общей причины во втором случае сопровождается процессом индуктивного обобщения. На этом основании многие логики и называют методы установления причинной зависимости явлений индуктивными. Однако такое название нельзя признать удачным, так как индуктивное обобщение производится не в процессе умозаключения о причине явления, а после него.

Логическая структура методов индукции — сложная. Процесс умозаключения в них можно разделить на три ступени.

Каждому явлению предшествует бесконечно много других явлений. Чтобы найти причину среди этого многообразия явлений, необходимо, во-первых, сузить круг возможных причин. Для этого нужно отбросить все те обстоятельства, относительно которых уже известно, что они не оказывают существенного влияния на исследуемые случаи повторяющегося явления, и выделить такие, которые могут оказаться причиной его. Отбрасывание несущественных обстоятельств производится путем анализа обстоятельств явления на основе предыдущего личного и общечеловеческого опыта.

Во-вторых, необходимо из числа возможных причин выделить действительную причину. Достигается это сравнением обстоятельств различных случаев, в которых исследуемое явление присутствует, или сравнением случаев присутствия явления с близкими им по обстоятельствам случаями отсутствия его. После исключения всех обстоятельств, не являющихся причиной, останется одно или несколько обстоятельств, которые и должны быть причиной исследуемого явления.

В целом, операция исключения при специально подобранных случаях сводится, как правило, к одному из модусов разделительно-категорического силлогизма.

---

[1] См. М. С. Строгович. Логика, 1949, стр. 295—296.

Отбор предпосылок для умозаключения по методам индукции требует применения наблюдения и эксперимента. В связи с этим методы индукции часто называются также методами опытного исследования.

Наконец, определив причину нескольких однородных явлений, мы тем самым объясняем все явления, сходные с изученными, т. е. распространяем вывод с части класса на весь класс. Третья ступень и представляет собою собственно индукцию.

Эти три ступени познания причины явления составляют единый процесс.

Поскольку обобщение на основе причины явлений было специально рассмотрено нами в разделе научной индукции, мы при изложении теории методов индукции будем интересоваться главным образом не процессом обобщения, а определением причин.

В зависимости от места, занимаемого ими в процессе познания причины, методы индукции выполняют две функции. Они служат, во-первых, для построения предположений о возможной причине явления и, во-вторых, для проверки правильности таких предположений. Умозаключение об истинности или ложности проверяемого предположения делается обычно на основе произведенного эксперимента.

Извращая содержание процесса познания, буржуазные логики абсолютизируют только какую-нибудь одну из двух функций индуктивных методов. Одни из них считают, что эти методы служат всегда только для построения гипотез о причине явления, другие видят в них только методы проверки таких гипотез [1].

Обе точки зрения являются односторонними, а следовательно, неправильными, характеризующими метафизическую ограниченность буржуазного мировоззрения.

Метафизической ограниченностью буржуазных логиков объясняется и шедший между ними спор по вопросу о том, чем являются методы индукции — методами доказательства или методами открытия [2].

Разрывая и эти две стороны процесса познания причины явления, проповедники идеализма в логике неизбежно приходят к антинаучным утверждениям, что или установление причины не является открытием, или открытие происходит без всякой логики, т. е. оторванно от умозаключений. Французский логик Лиар, например, так и заявляет: открытие — это дар гения, «...логика не помогает здесь» [3].

В действительности методы индукции выступают одновременно и методами открытия причины явления и методами обоснования (доказательства) ее. Делая по правилам этих методов из опытных данных умозаключение о возможной причине явления, мы бесспорно открываем ее. Но наше умозаключение не голословно, а обосновано определенными предпосылками. Оно есть логическое следствие из предпосылок, сделанное на основе тех же самых методов индукции. И если предпосылки в точности соответствуют действительности, вывод из них будет логически обоснованным и достоверным.

Задачей методов индукции является определение причины по известному действию или действия по известной причине.

Определение причин явления при помощи методов индукции производится посредством изолирования действия предшествовавших явлению

---

[1] См., например, М. Владиславлев. Логика, стр. 282; В. Минто, Дедуктивная и индуктивная логика, 1909, стр. 370; Л. Лиар. Курс логики, 1907, стр. 64.

[2] Об этом споре см. Л. Рутковский. Критика методов индуктивного доказательства, СПб., 1899.

[3] Л. Лиар, Курс логики, стр. 64.

обстоятельств. Достигается это двумя способами: 1) сравнением случаев, сходных по действиям (следствиям), но различных по обстоятельствам, и 2) сравнением случаев, сходных по обстоятельствам, но различных по действиям (следствиям). Сходство и различие имеются в виду не в отношении всех обстоятельств, а в отношении большинства их. Эти два приема лежат в основе всех пяти индуктивных методов исследования причинной зависимости явлений: метода сходства, метода различия, соединенного метода сходства и различия, метода остатков и метода сопутствующих изменений.

Метод сходства. Первым простейшим приемом, посредством которого мы от наблюдения последовательности явлений умозаключаем к причинной зависимости их, является метод сходства. Формулируется он следующим образом: если среди возможных причин двух или более случаев исследуемого явления имеется лишь одно общее обстоятельство, то это обстоятельство, в котором только и сходны все эти случаи, есть причина рассматриваемого явления.

Для определения причины по методу сходства необходимо взять не менее двух случаев изучаемого явления и сравнить предшествовавшие им обстоятельства, которые мы выделили в качестве возможных причин. При этом если случаев, сходных только в одном обстоятельстве, взято два, они обязательно будут различаться во всех других обстоятельствах. Если же мы взяли их больше двух, что мы обычно и делаем в практике умозаключений, то различия между каждыми двумя случаями во всех остальных обстоятельствах может и не быть. Этого и не требует метод сходства. Его основным условием является только сходство всех случаев в одном обстоятельстве, почему его иногда и называют методом единственного сходства. Различие случаев во всех обстоятельствах, кроме общего, желательно, потому что оно значительно сокращает процесс умозаключения о причине явления, но не обязательно.

Проф. Асмус, а за ним и проф. Строгович различие случаев во всех обстоятельствах, кроме одного, считают обязательным при формулировании метода сходства[1]. Такое понимание метода сходства ведет к тому, что, во-первых, искусственно сокращается область приложения этого метода. Во-вторых, полученная с помощью его причина оказывается причиной не всех однородных явлений, а только части их, именно той части явлений, которые сходны в одном обстоятельстве, но различны в остальных. Проф. Асмус, например, так и пишет: «...обстоятельство А признаётся причиной явления *а*... для всех случаев, в которых все обстоятельства оказались различными, кроме одного единственного»[2]. Выходит, что для однородных явлений, которые сходны больше, чем в одном обстоятельстве, найденная по методу сходства причина непригодна; это, конечно, неверно. В действительности выделенное методом сходства обстоятельство является причиной всех однородных явлений (в случаях множественности причин — части явлений), независимо от числа сходств и различий их в различного рода обстоятельствах.

Метод сходства имеет довольно широкое распространение в повседневной практике и в научном исследовании. Применяется он почти всегда для определения причины по известному действию. С помощью его были найдены, например, причины теплоты, радуги, малярии и т. д.

---

[1] См. В. Ф. Асмус. Логика, 1947, стр. 263; М. С. Строгович. Логика, 1948, изд. 2-е, стр. 248.

[2] В. Ф. Асмус. Логика, стр. 265.

Доказывая, что теплота возбуждается движением, М. В. Ломоносов приводит следующую аргументацию: «...от взаимного трения руки согреваются, дерево загорается пламенем; при ударе кремня об огниво появляются искры; железо накаливается докрасна от проковывания частыми и сильными ударами...» [1] Во всех этих случаях общим обстоятельством, предшествовавшим появлению теплоты, было механическое движение. Поэтому Ломоносов по методу сходства делает следующий общий вывод: «Из всего этого совершенно очевидно, что *имеется достаточное основание теплоты в движении»* [2].

С радугой связывалось немало всевозможных религиозных представлений. Происхождение ее приписывалось сверхъестественным силам. Но потом было установлено, что радужная окраска появляется также при прохождении света через капли росы и шестигранные кристаллы. То же явление наблюдалось в пыли водопадов, в брызгах от ударов веслами по воде и т. д. Сравнение обстоятельств этих явлений показало, что общим для всех этих случаев является прохождение света через прозрачные среды сферической или призматической формы. Это общее всем случаям обстоятельство и оказалось причиной радужной окраски, в том числе и радуги на небе.

Выяснение причины малярии неизменно показывало, что эта болезнь распространена в тех местах, где имеются болота. Это навело на мысль о том, что заболевание малярией каким-то образом связано с наличием болот. В дальнейшем изучение крови больных малярией показало, что в крови всех маляриков присутствуют микроорганизмы семейства плазмодиев. Эти микроорганизмы и оказались возбудителями малярии. Что касается связи заболевания малярией с наличием болот, то эта связь состоит в том, что микроорганизмы — возбудители малярии переносятся малярийными комарами, живущими на болотах.

Нередки случаи, когда метод сходства применяется и при изучении характера повторяющегося в различных условиях действия заведомо известной причины. Повторяемость явления (действия) в таких случаях помогает обратить на него внимание, а метод сходства — уяснить его смысл.

Например, советский ученый Б. Г. Лазаренко, изучая электроэрозию (разъедание контактов электрической искрой), попутно сделал важное научное открытие. Подыскивая жидкую среду для предохранения контактов от эрозии, он обратил внимание на то, что все жидкости, окружающие контакты, заметно мутнели. Пока испытывались различные масла, явление объяснялось просто: разряды обжигали частицы масла, продукты сгорания и «осмоления» создавали муть. Но вот масла сменились спиртами, альдегидами, кетонами — соединениями, трудно осмоляющимися. Однако все эти жидкости мутнели так же, как и масла. Когда, наконец, дестиллированная вода после длительной работы в ней железных контактов наполнилась темной мутью, для Лазаренко стало ясно, что муть должна быть металлического происхождения. И действительно, вылив воду в стакан и поднеся к его стенкам магнит, он увидел, что муть потянулась к магниту.

Б. Г. Лазаренко открыл таким образом способ получения мелкой однородной металлической пыли, в которой крайне нуждались многие отрасли промышленности, пользующиеся металлическими порошками [3].

---

[1] М. В. Ломоносов. Избр. философ. соч., 1940, стр. 44—45.
[2] Там же.
[3] См. А. Е. Ферсман. Рассказы о науке и ее творцах, 1946, стр. 306—307.

Обобщение на основе причины, определенной по методу сходства, есть один из видов научной индукции. К выводу о причине мы приходим в результате изучения только части явлений определенного класса. Полученную же с помощью этого умозаключения причину мы распространяем на все явления, подобные тем, которые были рассмотрены в предпосылках. Причем, перенесение вывода с части фактов на все факты производится не на основе наблюдения простой повторяемости их, а на основе свойств причинной связи. Такие общие выводы бывают истинными тогда, когда однородные явления происходят от действия одной и той же причины.

Метод сходства, однако, имеет ряд недостатков. Первый из них состоит в том, что этот метод связан преимущественно с наблюдением, а не с экспериментом и служит главным образом для определения причины по известному действию.

Вторым недостатком метода сходства является сравнительно малая степень вероятности его выводов. Обусловливается это, во-первых, тем, что в сложном явлении очень трудно выделить из многообразия предшествовавших ему обстоятельств круг его возможных причин, вследствие чего действительная причина может не оказаться среди выделенных нами обстоятельств. Например, предположения о причинах многих болезней оказались ложными потому, что при определении этих причин не были учтены микроорганизмы, о которых еще ничего не знали.

Во-вторых, бывают случаи, когда выделенное в качестве причины обстоятельство оказывается не причиной, а всего лишь одним из условий, при которых проявляется действие причины. За причину малярии, например, долгое время принимали болота с их испарениями, потому что метод сходства указывал на связь этой болезни с присутствием болот. Действительной же причиной оказались не болота сами по себе, а определенные микроорганизмы, переносимые малярийными комарами.

В-третьих, вероятность вывода резко снижается множественностью причин явления. В случае множественности причин одно и то же явление может оказаться произведенным разными причинами. Мы будем искать общую причину, а ее может и не быть.

В силу отмеченных недостатков метод сходства применяется обычно в сочетании с другими формами умозаключений, в частности с другими методами индукции. Один он служит для построения предположений о возможной причине явлений. В качестве такого вспомогательного приема метод сходства не теряет своего значения даже тогда, когда исследуемые явления имеют не одно, а несколько сходств.

Метод различия. Из всех умозаключений о причине по известному действию или о действии по известной причине самыми простыми, самыми распространенными и самыми надежными являются умозаключения по методу различия. Правило этого метода гласит: если случай, в котором исследуемое явление наступает, и случай, в котором оно не наступает, сходны во всех обстоятельствах, кроме одного, присутствующего лишь в каком-либо одном из них, то обстоятельство, в котором только и разнятся эти два случая, есть причина или часть причины явления. Оттого, что предпосылки этого метода разнятся только в одном обстоятельстве, его называют также методом единственного различия.

Причина и действие находятся в таком отношении, что введение причины неизбежно ведет к появлению и ее действия. Отсутствие причины означает отсутствие и ее действия. Этим свойством причинной связи и пользуются в умозаключениях метода различия как при установлении причины, так и при установлении действия.

Обобщение с помощью причины, установленной методом различия, так же как и обобщение на основе причины, определенной по методу сходства, есть один из видов научной индукции. Полученную с помощью его причину мы относим ко всем явлениям, сходным с тем, причина которого определена.

Метод различия в сравнении с методом сходства имеет ряд существеннейших преимуществ, делающих умозаключения по этому методу особенно ценными в научной и практической деятельности.

Во-первых, два случая, удовлетворяющие условиям метода различия, весьма редко представляются нам самою природою. Мы получаем их почти всегда экспериментально. Отсюда первое преимущество этого метода состоит в том, что он связан главным образом с экспериментом, в то время как метод сходства базируется в основном на простом наблюдении. Методом различия широко пользовались и пользуются в своих научных исследованиях такие величайшие русские и советские ученые, как М. В. Ломоносов, П. Н. Яблочков, А. С. Попов, П. Н. Лебедев, Н. Е. Жуковский, В. В. Докучаев, К. А. Тимирязев, И. П. Павлов, И. В. Мичурин, Т. Д. Лысенко, потому что все они являются величайшими экспериментаторами.

Во-вторых, в эксперименте значительно шире, чем в наблюдении, исследователь может варьировать условия явления. Благодаря этому метод различия имеет и большее распространение и более широкое применение. Он служит не только для установления причины известного действия, что делает и метод сходства, но и для определения действия известной причины.

Установление причины по действию с помощью метода различия можно проследить на следующем примере. В. В. Докучаев и П. А. Костычев, занимаясь изучением почв в степных и лесостепных районах России, обнаружили следующее явление. В засушливые годы на полях, защищенных лесом, урожай мало чем отличался от урожая обыкновенных лет и значительно, часто в несколько раз, превышал урожай тех же культур на близлежащих полях, одинаковых по качеству почвы, но не защищенных лесом. Они умозаключили, что лес способствует повышению урожайности. Это открытие было положено В. В. Докучаевым в основу разработанной им идеи создания полезащитных лесных полос в степных и лесостепных районах в целях борьбы с засухой.

При определении причины наблюдаемого действия методом различия мы можем относить это действие не только к известным уже обстоятельствам, но и к предполагаемым, неизвестным еще обстоятельствам. Умозаключение о причине явления в таких случаях является одновременно и гипотезой о существовании неизвестного обстоятельства.

Например, до 80-х годов XIX в. существовало упрощенное представление о пищевых потребностях животного организма. Ученые «авторитеты» Англии, Франции и Германии утверждали, что организм нуждается только в белке и небольших количествах разных солей. В 1880 г. русский доктор Н. И. Лунин решил проверить эти «авторитетные» утверждения. Он взял несколько десятков мышей и разделил их на подопытных и контрольных. Первых он кормил искусственным молоком, изготовленным из очищенных веществ, входящих в состав натурального молока,— воды, жира, казеина, сахара и соответствующих солей, других, контрольных — натуральным молоком. От искусственного молока мыши гибли, от натурального — оставались вполне здоровыми. Н. И. Лунин пришел к совершенно правильному заключению. В 1881 г. он писал: «...Очевидно, в естественной пище — такой, как молоко,

должны присутствовать в малых количествах, кроме известных главных пищевых ингредиентов, еще и неизвестные вещества, необходимые для жизни» [1]. Своими опытами, проведенными по методу различия, Н. И. Лунин положил начало учению о витаминах.

Определение действия известной причины производится также путем сопоставления двух случаев. В первом из них испытуемая причина отсутствует, во втором — все прочие обстоятельства остаются прежними, но причина вводится. Разность действий первого и второго случаев и дает искомое действие исследуемой причины. Умозаключения во многих экспериментах по переделке природы растений И. В. Мичуриным, Т. Д. Лысенко и их многочисленными последователями — учеными, агрономами, колхозниками — делались и делаются как раз от причины к следствию. В качестве причины в этих опытах выступает обычно или ментор (привитый черенок), или пыльца другого растения (при скрещивании опылением). Качественные изменения в подопытных растениях, полученные в результате таких экспериментов, ставятся в связь с указанными причинами.

В-третьих, преимущество метода различия над методом сходства состоит в том, что в процессе познания причины он выполняет очень важную новую функцию по сравнению с методом сходства. Метод сходства применяется только на начальной ступени познания причины. С помощью его строятся предположения, гипотезы о возможной причине явления. Метод же различия служит не только для построения гипотез, но и для проверки их. Проверка на практике предположений о причине или действии не может происходить без участия умозаключений. Чаще всего на этой более высокой, заключительной ступени познания причины мы прибегаем именно к умозаключениям по методу различия.

Например, через несколько дней после наводнения в Ленинграде в сентябре 1924 г. И. П. Павлов обнаружил, что у всех собак определенного типа (у боязливых, трусливых собак) совершенно исчезли все условные положительные рефлексы. Так как условия содержания собак до наводнения и после него были одинаковые, Иван Петрович заключил, что причиной исчезновения рефлексов было наводнение. Чтобы проверить это предположение, у одной из этих собак снова выработали те же положительные рефлексы. Затем из-под двери в комнату, где помещалась собака, пустили струю воды. У собаки снова исчезли выработанные рефлексы.

В приведенном нами примере метод различия применяется и при построении гипотезы о причине явления и при проверке ее.

В-четвертых, для умозаключения по методу различия требуются всего лишь два случая — случай присутствия исследуемого явления и сходный с первым случаем во всех обстоятельствах, кроме одного, случай отсутствия его. Это значительно сокращает и упрощает процесс умозаключения и, самое главное, исключает влияние множественности причин на вероятность вывода.

Наконец, вероятность вывода по методу различия значительно выше вероятности вывода по методу сходства и часто близка к достоверности. Это преимущество метода различия обусловлено преимуществом эксперимента над наблюдением.

Вероятность вывода как по методу сходства, так и по методу различия зависит от точности анализа обстоятельств явления. Бо́льшую же степень точности анализа обеспечивает, конечно, эксперимент, а не на-

---

[1] Цит.: В. Н. Букин. Возникновение учения о витаминах. «Наука и жизнь», 1949, № 3, стр. 30.

блюдение. При эксперименте исследователь настолько знаком с явлением, что в состоянии воспроизводить и изменять его. Сущность эксперимента в том и состоит, что исследователь вводит в ход явления заведомо известные изменения и наблюдает их результаты. При таких условиях какое-нибудь непредвиденное обстоятельство редко проходит незамеченным. Поэтому в тех случаях, когда с введением в состав опыта обстоятельства А или с устранением его наступает или исчезает и явление *а*, мы почти достоверно можем утверждать, что А и *а* находятся в причинной связи.

Но и при умозаключениях по методу различия возможны ошибки. Умозаключения оказываются неправильными из-за того, что во время экспериментирования не учтено какое-либо обстоятельство, которое влияет на ход эксперимента. Например, английский физик и химик Р. Бойль (1627—1691), нагревая металлы в открытой реторте, обнаружил, что вес металла после опыта больше веса металла до опыта. Отсюда последовал ряд ложных выводов, в частности вывод о том, что вес металла прибавляется за счет особого вещества — теплорода.

Гениальный русский ученый, замечательный экспериментатор М. В. Ломоносов, проделав те же опыты в «заплавленных накрепко стеклянных сосудах», нашел, что «славного Роберта Бойля мнение ложно». Опираясь на свои опыты, М. В. Ломоносов, вопреки утверждениям многих ученых иностранцев, первый высказал в отчетливой форме закон сохранения вещества и движения. Бойль не учел того, что увеличение веса металла происходило вследствие окисления его за счет наружного воздуха.

Иногда предпосылки метода различия отличаются всего лишь одним обстоятельством, а умозаключение все же неточно. Бывает это в тех случаях, когда обстоятельство, которым различаются исследуемые случаи, само сложно. Причиной явления может оказаться не всё обстоятельство, а только часть его. Например, с устранением воздуха горение прекращается. Отсюда можно сделать вывод, что воздух является необходимым условием горения. На самом же деле таким условием является не воздух в целом, а его составная часть — кислород.

Теория методов индукции строится на предположении об изолированном действии каждого из обстоятельств явления. Если же обстоятельства взаимодействуют между собою, выводы этих методов, в частности и метода различия, нередко бывают ложными. Введение или устранение одного из обстоятельств ведет в таких случаях к изменению действия многих других. Поэтому, хотя нам и будет казаться, что между рассматриваемыми случаями имеется только одно различие, фактически различий будет несколько. По методу различия мы за причину явления примем одно обстоятельство. В действительности же причина будет сложной, где принятое за причину обстоятельство может оказаться лишь частью причины или всего-навсего поводом, как это бывает, например, при введении катализаторов во многие химические процессы.

В силу всего выше указанного выводы умозаключений по методу различия также часто оказываются лишь вероятными.

С о е д и н е н н ы й м е т о д с х о д с т в а и р а з л и ч и я. В процессе научного исследования нередки случаи, когда характер явлений не позволяет получить экспериментально тех двух случаев, которые необходимы для умозаключения по методу различия, или же, хотя мы и можем их получить, но не имеем для этого ни времени, ни достаточного экспериментального оборудования. В таких случаях довольно часто пользуются умозаключениями соединенного метода сходства и различия.

Как и метод сходства, соединенный метод связан преимущественно с наблюдением. Формулируется он так: если два или более случая возникновения исследуемого явления имеют общим лишь одно обстоятельство, а два или более случая невозникновения его имеют общим отсутствие того же обстоятельства, то это обстоятельство, в котором только и различаются оба ряда случаев, есть причина или необходимая часть причины изучаемого явления.

Пусть в результате исследования нескольких случаев явления *а* мы нашли, что все они сходны только в том, что всем им присуще обстоятельство А. Чтобы подтвердить полученный результат методом различия, нужно было бы в одном из случаев, например в ABCD, устранить А и наблюдать, исчезнет ли вместе с ним и *а*. Положим, что такого решающего эксперимента мы произвести не в состоянии. Тогда мы можем обратиться к наблюдению таких случаев, которые по обстоятельствам близки к только что исследованным, но в которых явление *а* не возникает. Если при этом мы найдем, что все такие случаи отсутствия явления *а* сходны только в том, что во всех нет обстоятельства А, мы можем утверждать, что обстоятельство А есть причина явления *а*, так как никакое другое обстоятельство, кроме А, в силу свойств причинной связи не может быть признано причиной явления *а*.

Например: в жарких южных районах СССР постоянно наблюдалось явление вырождения картофеля. Привезенный с севера картофель на юге давал в первый год посредственный урожай; семенной картофель из этих посадок приносил на другой год плохой урожай, а семена от него в следующий год давали уже меньше клубней, чем их посадили. Горе-ученые утверждали, что причиной вырождения картофеля являются особые болезни, вызываемые фильтрующимися вирусами. Ликвидировать эти болезни они считали невозможным, потому что нельзя же уничтожить в почве все вирусы.

Т. Д. Лысенко обратил внимание на то, что картофель вырождается постоянно в долинах и в степи, независимо от различия почвы и количества атмосферных осадков. По сравнению с севером общим обстоятельством для всех этих мест была высокая температура. В то же время им было установлено, что явление вырождения картофеля не наблюдается в горах, также несмотря на различие почвы и количества атмосферных осадков. По сравнению с низинами общим обстоятельством в этом случае оказалась более низкая температура как весной, так и летом.

Соединяя два ряда наблюдаемых фактов, Т. Д. Лысенко сделал вывод, что причиной вырождения картофеля являются не вирусы, а неблагоприятные условия высокой температуры при развитии картофеля.

Чтобы ликвидировать влияние высокой температуры на развитие картофеля, Лысенко предложил сажать картофель не весной, а летом, когда на юге часты прохладные ночи.

Соединенный метод есть особое видоизменение метода сходства. В нем одно и то же положение доказывается дважды: один раз в положительных случаях, а другой — в отрицательных, причем каждое доказательство, будучи независимо одно от другого, увеличивает доказательность другого. Посредством положительных случаев методом сходства доказывается, что присутствие обстоятельства А есть причина присутствия явления *а*; посредством отрицательных случаев тем же методом доказывается, что отсутствие обстоятельства А есть причина отсутствия явления *а*. Из сопоставления этих двух выводов приходят к более вероятному положению о том, что А есть причина *а*.

Вероятность выводов по соединенному методу выше вероятности вывода по методу сходства. Объясняется это, во-первых, тем, что в соединенном методе вывод по методу сходства, сделанный из первого ряда случаев, проверяется с помощью вывода из второго ряда случаев, который может и опровергнуть вывод метода сходства и подтвердить его. Во-вторых, в соединенном методе, как это отмечалось выше, исключается ошибочный вывод относительно причины в том случае, если имеет место множественность причин явления. В методе сходства такой ошибочный вывод возможен.

В то же время доказательность этого метода ниже доказательности прямого метода различия. В соединенном методе мы никогда не имеем твердой уверенности в том, что оба ряда случаев разнятся только обстоятельством А, потому что мы не можем проследить ни того, что все случаи первого ряда сходны в одном и только в одном А, ни того, что все случаи второго ряда различны только в одном отсутствии А.

Метод остатков. При умозаключениях о причине явления большое значение имеют наши предыдущие знания. Они позволяют выделить круг возможных причин явления путем отбрасывания того бесчисленного количества предшествующих явлению обстоятельств, которые заведомо не являются причинами. Дальнейшее выделение причины из числа возможных причин в методе сходства, методе различия и соединенном методе ведется уже на основе последующего опыта — наблюдения и эксперимента.

Метод остатков отличается от первых трех методов индукции, во-первых, тем, что в нем исключение обстоятельств, не являющихся причиной исследуемого явления, ведется обычно от начала до конца на основе предыдущего знания.

Во-вторых, этот метод применяется в тех случаях, когда исследуемое явление порождается несколькими не взаимодействующими между собою причинами, производящими однородные действия. Как само изучаемое явление, так и его причина являются в этом случае сложными.

Знание причинных связей, независимо от способа их установления, избавляет нас от повторных опытных исследований. Благодаря этому исключение отдельных составляющих сложной причины явления можно производить не на основе непосредственного наблюдения и эксперимента, а путем использования накопленного знания. Эта последняя идея и лежит в основе особого приема определения причины явления, получившего название метода остатков. Формулируется этот метод так: если из явления вычесть ту его часть, которая есть следствие некоторых определенных обстоятельств, действие которых нам известно, то остаток данного явления должен быть следствием остальных обстоятельств.

Пусть в результате анализа сложного явления a мы установили, что оно вызвано обстоятельствами ABCD. Кроме этого, мы выяснили, что явление a разлагается на составляющие $\alpha\beta\gamma\delta$. Если из предшествующих исследований нам известно, что B есть причина β, C — причина γ, а D — причина δ, то мы без всяких дальнейших опытов можем утверждать, что обстоятельство А есть причина α.

Такой вывод вполне естественен. Составляющая α явления a не могла возникнуть без причины. Стало быть, единственное обстоятельство А и является ею.

Например, при изучении химического состава Солнца по его спектру было обнаружено, что по исключении из этого спектра всех спектральных линий известных земных элементов остаются еще две линии определенной длины волны. Поскольку происхождение их не было известно,

то предположили, что они вызываются новым химическим элементом, который по месту его обнаружения назвали гелием (от греческого слова гелиос — солнце). В 1881 г. этот элемент был найден и на Земле.

В практике научных исследований известный остаток явления чаще всего приходится относить не к известному, а к предполагаемому обстоятельству, как это сделано в только что приведенном примере. Объясняется это тем, что при определении причины действие ее нам известно из непосредственных наблюдений или расчетов, основанных на этих наблюдениях, в то время как сама причина очень часто непосредственно нами не наблюдается. Действие в данном случае является основанием для открытия неизвестного обстоятельства, служащего одной из причин наблюдаемого явления.

При умозаключениях по методу остатков имеют дело со сложными явлениями, происходящими от одновременного действия нескольких однородных причин. Все причины, за исключением одной, известны. Чтобы определить неизвестную причину, необходимо знать действия всех известных причин и однородное с ними действие неизвестной причины. Отсюда следует, во-первых, что метод остатков не может быть первоначальным методом исследования причины явления и, во-вторых, что этот метод дает знание неизвестной части сложной причины явления, или, иначе, метод остатков есть умозаключение о части причины сложного явления.

Метод остатков по существу есть особое видоизменение метода различия. Если бы случай присутствия составляющей α явления a (ABCD — $\alpha\beta\gamma\delta$) сравнивался со случаем отсутствия ее (BCD — $\beta\gamma\delta$), доказательство причинной связи A и α было бы сделано посредством обыкновенного метода различия. В методе же остатков второго цельного случая, полученного опытным путем, мы не имеем. Вместо него мы имеем законы действия отдельных причин B, C и D, известные нам из предшествующих исследований. На основании этих законов мы вычисляем тот результат, который производят эти причины при их совместном действии, получая тем самым тот второй случай, какой необходим для умозаключения по методу различия.

Умозаключения по методу остатков имеют довольно большое распространение в науке и в повседневной жизни при исследовании причинных связей.

В химии с помощью метода остатков был открыт ряд химических элементов (цезий, рубидий, гелий) по спектрам сложных соединений, в которых присутствовали эти элементы.

В астрономии посредством этого метода умозаключили о существовании новой планеты — Нептуна, история открытия которого приводится обычно в качестве одного из классических примеров научного предвидения.

Врачи умозаключают по методу остатков о наличии других болезней у тех пациентов, у которых болезненное состояние превышает эффект, вызываемый известной уже болезнью.

Наконец, в физике величайшее открытие нашего времени — существование огромных запасов внутриатомной энергии — было сделано также не без участия метода остатков. Экспериментальные исследования неизменно показывали громадный излишек энергии распадающегося ядра атома над сообщенной ему энергией. Отсюда по методу остатков было сделано правильное умозаключение о том, что в ядре атома сосредоточена огромная энергия. Это умозаключение полностью подтвердилось.

Метод сопутствующих изменений. После метода различия вторым наиболее распространенным и наиболее надежным приемом умозаключения о причине явления является метод сопутствующих изменений. Необходимость его вызывается тем, что во многих случаях некоторые из обстоятельств явлений по самой природе своей не могут быть полностью отделены или изолированы от обусловливаемых ими явлений. Нельзя, например, отделить рост пролетариата от развития капиталистического производства, электромагнитное поле от электрического тока, механическое движение от сопротивления, образование тепла от трения, колебание маятника от действия тяготения Земли и т. д.

Первые два метода индукции, а стало быть и их видоизменения, не могут дать решения вопроса о том, является ли неустранимое обстоятельство причиной изучаемого явления или нет. Метод различия в одной из своих предпосылок требует отсутствия исследуемого обстоятельства, устранение же его в данном случае невозможно. Метод сходства неприложим потому, что явлениям обычно сопутствует несколько неотделимых от них условий, каждое из которых с равным правом может быть принято за причину. Возникает потребность в особом приеме исследования для тех случаев, когда условие и обусловливаемое не могут быть отделены одно от другого. Таким приемом и является метод сопутствующих изменений.

Изменение причины всегда вызывает изменение действия. Этим свойством причинной зависимости и пользуются в методе сопутствующих изменений как при установлении причины по действию, так и при установлении действия по причине. Изменение явлений удобнее всего производить экспериментально. Поэтому метод сопутствующих изменений по преимуществу есть метод эксперимента.

При умозаключениях по методу сопутствующих изменений руководствуются следующим правилом: если всякий раз за определенными изменениями одного явления следуют определенные изменения другого явления, то первое из них есть причина, а второе — ее действие, или оба они являются следствием третьего, неучтенного явления, служащего для них общей причиной.

Например, ни методом сходства, ни методом различия нельзя выяснить влияние температуры электрического проводника на его сопротивление. Методом же сопутствующих изменений вопрос решается очень легко. Изменяя температуру проводника и производя вслед за этим измерение его сопротивления, мы получим ответ на интересующий нас вопрос.

С помощью метода сопутствующих изменений была найдена причина так называемых магнитных бурь. Интенсивность и повторяемость магнитных бурь постоянно совпадает с 11-летним циклом максимума и минимума пятен на Солнце. Постоянное сопутствование изменений в этих двух явлениях и позволило установить между ними причинно-следственную связь.

Вывод метода сопутствующих изменений оказывается истинным всякий раз тогда, когда нами учтены все обстоятельства изучаемого явления и когда изменения этого явления происходили вслед за изменениями только одного из обстоятельств. Такие случаи довольно часто получаются в эксперименте.

Если при исследовании явления действительная причина его осталась незамеченной и, следовательно, не попала в число возможных причин, вывод метода сопутствующих изменений будет ложным, несмотря на то, что он и имел дело с двумя определенным образом из-

меняющимися явлениями. Изменения двух явлений могут сопутствовать друг другу, во-первых, случайно и, во-вторых, в тех случаях, когда оба эти явления происходят от действия одного и того же третьего явления.

Но если сопутствование в изменениях двух явлений не всегда выражает собою причинную связь, то несопутствование в их изменениях всегда означает отсутствие причинной связи между ними. Поэтому отрицательные выводы метода сопутствующих изменений всегда достоверны.

Прекрасным примером таких выводов является опровержение товарищем Сталиным утверждений буржуазных социологов о том, что определяющей силой общественного развития является географическая среда или рост народонаселения. «Географическая среда,— говорит товарищ Сталин,— бесспорно, является одним из постоянных и необходимых условий развития общества и она, конечно, влияет на развитие общества,— она ускоряет или замедляет ход развития общества. Но ее влияние не является **определяющим** влиянием, так как изменения и развитие общества происходят несравненно быстрее, чем изменения и развитие географической среды».[1] Отсюда товарищ Сталин делает вывод о том, что «географическая среда не может служить главной причиной, **определяющей** причиной общественного развития...»[2].

Во многих случаях выводы метода сопутствующих изменений оказываются не совсем правильными вследствие взаимодействия условий изучаемого явления. Нам кажется, что изменяется только одно обстоятельство, которое мы и принимаем за полную причину. В действительности же изменения этого обстоятельства вызывают изменения целого ряда других обстоятельств, общим действием которых и являются изменения наблюдаемого явления. В таких случаях кажущееся единственно изменяющимся обстоятельство служит не полной, а только частью сложной причины.

За изменяющееся обстоятельство при применении метода сопутствующих изменений можно принимать, конечно, и целый комплекс их. Такие случаи в практике умозаключений встречаются довольно часто. Но и в выводе этого метода за причину исследуемого явления мы должны брать не одно какое-либо обстоятельство, а весь этот комплекс.

Т. Д. Лысенко, подбирая в 1925—1928 гг. различные сорта кормовых трав для выращивания их в осенне-зимних условиях Азербайджана, обнаружил, что раннеспелые сорта Белоцерковской селекционной станции в осенне-зимних условиях юга оказались самыми позднеспелыми. Напротив, среднеспелая в обычных условиях «Виктория» в Гандже (Кировабад Азербайджанской ССР) вела себя как самый раннеспелый сорт. Из этих фактов он сделал вывод о том, что вегетационный период у растений зависит не только от наследственных свойств, как это утверждали вейсманисты-морганисты, но и от условий внешней среды, при которых растение выращивается. Единственно изменяющимся обстоятельством в приведенном примере является совокупность внешних условий, решающим из которых Лысенко считает в данном случае изменение температуры.

Умозаключения метода сопутствующих изменений имеют широкое распространение особенно в тех науках, которые непосредственно связаны с экспериментом. Применяются они как при установлении причины известного действия, так и при установлении действия известной причи-

---

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 548.
[2] Там же, стр. 549.

ны. Причем в последнем случае особенно важную роль играет такая, не свойственная ни одному из методов индукции, функция метода сопутствующих изменений, как определение количественных соотношений между причиной и действием.

Метод сопутствующих изменений имеет некоторые общие черты с первыми двумя методами индукции. Более того, его иногда бывает очень трудно отграничить от метода различия. Но из этого вовсе не следует, что этот метод есть разновидность метода сходства и метода различия, как это утверждают, например, проф. Асмус и проф. Строгович.

В действительности метод сопутствующих изменений является третьим самостоятельным методом определения причинной зависимости явлений. Необходимость его вызывается особым классом явлений, причины которых не могут быть установлены ни методом сходства, ни методом различия.

Приложение метода сопутствующих изменений не ограничивается случаями, когда некоторые из обстоятельств явлений не могут быть изолированы от вызываемых ими явлений. Эти случаи лишь обусловили появление этого метода. В дальнейшем же он стал применяться и тогда, когда изолирование отдельных обстоятельств явления не только возможно, но и легко осуществимо. В частности, он применяется при выявлении количественных соотношений между причиной и действием, например при установлении влияния количества того или иного удобрения на повышение урожайности, при определении величины линейного расширения металлов в зависимости от температуры и т. д.

* * *

Заканчивая рассмотрение видов индуктивных умозаключений, необходимо отметить, что эти умозаключения в процессе мышления применяются не изолированно, а в сочетании с другими формами умозаключения. Расчленяя процесс мышления на отдельные составляющие (дедукцию, индукцию, аналогию, анализ, синтез и т. д.) и акцентируя внимание на какой-либо одной из этих составляющих, мы до некоторой степени отвлекаемся от других форм и приемов мышления, в частности от других форм умозаключения. В действительности же все формы и приемы мышления взаимосвязаны между собою, необходимо предполагают друг друга.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

Редактор издательства *Ц. М. Подгорненская* Технический редактор *Н. А. Невраева*

Корректор *В. Г. Богословский*

РИСО АН СССР № 4229. Т-08083. Издат. № 2755. Тип. заказ № 516. Подп. к печ. 21/XI 1950 г.
Формат бум. $70 \times 108^1/_{16}$. Печ. л. 17,81. Бум. л. 6,5) Уч.-издат. л. 17,3 Тираж 5000.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

Цена 15 руб.

III ФИЛОСОФСКИЕ ЗАПИСКИ